

ВЛ. ЖАБОТИНСКІЙ

ФЕЛЬЕТНЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЛ. ЖАБОТИНСКІЙ

ФЕЛЬЕТОНЫ

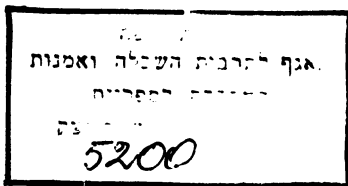

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1913

Второе издание

Издательство движения 'Херут', Бет-Жаботинский,
Тель-Авив, ул. Амелех Жорж, 38, тел. 248-261.

Отпечатано 'Карив, Тель-Авив, ул. Амикцоа,7

Въ настоящій сборникъ вошли наброски и замѣтки о еврейскомъ вопросѣ и близкихъ къ нему проблемахъ, составленные въ разное время и для разныхъ аудиторій. Здѣсь имѣются и такіе очерки, въ которыхъ собраны выводы долгаго и кропотливаго изученія, имѣются и отрывки лирическаго характера, и полемика, и публичныя рѣчи. Но въ этомъ разнородномъ матеріалѣ есть одна общая черта: каждая строка была рождена въ атмосферѣ борьбы, каждое слово было откликомъ на боевой вызовъ. Отсюда нервность тона, преобладаніе темперамента. Чтобы отмѣтить этотъ общій характеръ разнороднаго матеріала, сборнику дано имя «Фельетоны».

Въ такой книгѣ не можетъ не быть отдѣльныхъ противорѣчій. Далеко не каждая строка въ ней съ идеальной точностью отражаетъ теперешній взглядъ автора на тѣ или иные вопросы. Но въ общемъ и цѣломъ въ этой книгѣ сказано именно то, что авторъ хотѣлъ сказать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
О национальном воспитании:	
1. Речь к учителям	5
11. Речь в "О-ве просвещения"	18
В траурные дни	25
Ваш Новый год	33
О "евреях и русской литературе"	40
Четыре статьи о "чириковском инциденте":	
1. Дезертиры и хозяева	49
11. Асемитизм	55
111. Медведь из берлоги	62
1У. Русская ласка	69
Нотто homini lupus	79
Не верю	93
Наше бытовое явление	103
Обмен комплиментов	118
Вместо аполгии	132
О языках и прочем	143
Странное явление	156
На ложном пути	162
Мракобес	178
Четыре сына	189
Едмее	201
Диалог	210
Солвейг	219
Язык народный и национальный	228
Правда	234
Гороскоп	244
Муза моды	250

О НАЦИОНАЛЬНОМЪ ВОСПИТАНІИ

I

РѢЧЬ КЪ УЧИТЕЛЯМЪ

Что есть національное воспитаніе?

Было время, когда еврейская молодежь не только не рвалась къ просвѣщенію такъ усердно, какъ теперь, но когда отдѣльнымъ лицамъ приходилось напрягать всѣ усилія, чтобы приручить еврейскую массу къ просвѣщенію. Эта масса боялась просвѣщенія и выставляла противъ него фанатическій предразсудокъ преувеличенной самобытности — отчасти религіозной, отчасти національной. Ясно, что людямъ, желавшимъ спасти эту массу отъ невѣжества, пришлось напасть на предразсудокъ. И они это исполнили. Они внушали массѣ, что надо быть прежде всего человекомъ, что наука равно хороша для всѣхъ, что нѣсть эллинъ и нѣсть іудей, и такъ далѣе. Эта проповѣдь менѣе, чѣмъ въ полвѣка, произвела въ еврейской массѣ коренную переменъ, совершила огромный переворотъ: насколько евреи прежде боялись гуманитарнаго просвѣщенія, настолько они теперь жаждутъ его, такъ что не хватаетъ ни школъ, ни учителей,

ни пособій; и по распространенности этой жажды знанія среди бѣдняѣйшихъ слоевъ — мы, россійскіе евреи. можетъ быть, являемся первой народностью въ мірѣ.

Но теперь эпоха уже настала другая, и другія нужны для нея слова и дороги. Любовь къ гуманитарному просвѣщенію уже вызвана разъ навсегда, и не только не можетъ ослабѣть, но будетъ все распространяться въ ширину и глубину среди еврейскихъ массъ. Стараясь пробудить эту любовь, просвѣтителямъ прежней эпохи, конечно, не было никакой нужды настаивать на національномъ оттѣнкѣ воспитанія, потому что онъ самъ собой разумѣлся: вѣдь тогда только о томъ пока и можно было мечтать, чтобы внести въ слишкомъ узкое національное и религіозное воспитаніе гуманитарную струю. Но теперь, когда это достигнуто, и достигнуто блестяще, повторилось то явленіе, которое всегда сопутствуетъ успѣху какой угодно идеи, даже самой полезной, самой благородной: добѣжавъ до цѣли, мы съ разбѣгу пронеслись дальше. Цѣль была — создать еврея, который, оставаясь евреемъ, могъ бы жить общечеловѣческой жизнью: мы теперь сплошь прониклись жаждой культуры, но такъ же сплошь забыли о томъ, что надо оставаться евреями. Или, вѣрнѣе, не забыли (есть вѣскія причины, мѣшающія забыть), но на половину *перестали* быть евреями, потому что перестали дорожить своей еврейской сущностью и начали тяготиться ею; и именно въ томъ, что съ одной стороны мы *не можемъ* забыть о своемъ еврействѣ, а съ другой — тяготимся имъ, — и скрыта главная горечь нашего положенія; и изъ этого положенія необходимо выйдти. Чтобы выйдти изъ него, есть, можетъ быть, разныя средства, но только *одно* изъ нихъ въ нашихъ рукахъ: это

средство — сдѣлать такъ, чтобы мы перестали тяготиться своимъ еврействомъ и научились дорожить имъ.

Такимъ образомъ задача еврейскаго народнаго просвѣщенія въ настоящее время является диаметрально противоположной задачѣ прежней эпохи. Тогдашнимъ девизомъ было: «стремитесь къ общечеловѣческому!» — ибо стремленіе къ національному (тогда выражались — «религіозному») уже имѣлось въ обилии. Теперешнимъ должно быть: «стремитесь къ національному!», ибо стремленіе къ общечеловѣческому уже имѣется. Въ результатѣ оба противоположныхъ девиза ведутъ къ одной цѣли, какъ оба радіуса діаметра къ одному центру: къ созданію еврея-гуманиста. Но, ведя къ той же цѣли, новый девизъ, однако, требуетъ коренной перемѣны, полного перемѣщенія центра тяжести воспитательной системы. Во дни оны центромъ тяжести еврейскаго воспитанія надо было сдѣлать гуманитарный элементъ, чтобы скорѣй выжить духъ нетерпимости и узости; но теперь центромъ всей системы воспитанія еврейской молодежи долженъ стать національный элементъ, ибо надо выжить духъ самопрезрѣнія и возродить духъ самосознанія.

Вотъ реформа, необходимая нынѣ: надо перевернуть душу преподаванія, произвести революцію въ самомъ принципѣ системы.

Нельзя больше такъ жить, какъ мы живемъ: мы жалуемся на то, что насъ презираютъ, а сами себя почти презираемъ. И это не мудрено, если подумать, что еврей, воспитанный по нынѣшнему, знаетъ о еврействѣ, т. е. о самомъ себѣ, только то, что видитъ вокругъ, то-есть картину, не могущую польстить чувству національнаго достоинства. Если бы ему была извѣстна колоссальная лѣтопись еврейскаго величія

и еврейскаго скитанія, онъ могъ бы почувствовать, сколько благородныхъ силъ кроется въ этомъ маленькомъ и непобѣдимомъ племени, и ощутилъ бы гордость, и пріучился бы радоваться при мысли, что онъ еврей; и тогда всѣ непріятности еврейскаго существованія показались бы ему гораздо легче, потому что терпѣть непріятности за нѣчто любимое гораздо легче, нежели за нѣчто ненавистное, или почти ненавистное. Но еврей, воспитанный по теперешнему, совершенно не знаетъ величавой перспективы еврейской исторіи, а знаетъ только сегодняшній моментъ и свой уголокъ — Пружаны или Голту — и ни въ этомъ моментѣ, ни въ этомъ уголкѣ нѣтъ, конечно, ничего величаваго, а есть зато много забитаго и приниженаго. По этому образцу онъ знакомится съ еврействомъ, и внѣ этого образца ничего не знаетъ о еврействѣ; и у него создается очень жалкое и тяжелое представленіе объ этомъ еврействѣ, ему непріятно, что онъ тоже еврей, и иногда, ложась спать, онъ тайкомъ думаетъ: ахъ, если бы завтра утромъ оказалось, что все это былъ дурной сонъ, что я — не еврей! Но «завтра» приходитъ, и онъ просыпается евреемъ, и тащить за собой, почти съ проклятіями, свое еврейство, какъ каледонскій каторжникъ ядро. При каждомъ испытаніи судьбы онъ морщится и горько спрашиваетъ: «Да во имя чего же, наконецъ, все это? Развѣ я еврей? Что такое еврей? Гдѣ-то тамъ во Франціи, въ Марокко, въ Румыніи есть люди, которыхъ тоже называютъ этимъ именемъ: развѣ я имъ братъ? Я даже не знаю, сколько ихъ, какъ имъ живется, о чемъ они мечтаютъ, я не имѣю о нихъ понятія, — а долженъ быть евреемъ...» И его охватываетъ злоба противъ этого имени, и онъ на-

чинаеть употреблять его, какъ ругательное; и окружающіе замѣчаютъ все это и говорятъ другъ другу: да какъ же намъ не презирать его, если онъ самъ презираеть и свое племя настолько, что ничего о немъ не знаетъ, и себя самого настолько, что ругается своимъ собственнымъ именемъ?

Мы, евреи нынѣшняго переходнаго времени, вырастаемъ какъ бы на границѣ двухъ міровъ. По одну сторону — еврейство, по другую — русская культура. Именно русская культура, а не русскій народъ: народа мы почти не видимъ, почти не прикасаемся — даже у самыхъ «ассимилированныхъ» изъ насъ почти никогда не бываетъ близкихъ знакомствъ среди русскаго населенія. Мы узнаемъ русскій народъ по его культурѣ — главнымъ образомъ, по его писателямъ, то-есть по лучшимъ, высшимъ, чистѣйшимъ проявленіямъ русскаго духа. И именно потому, что быта русскаго мы не знаемъ, не знаемъ русской обыденщины и обывательщины, — представленіе о русскомъ народѣ создается у насъ *только* по его гениямъ и вождямъ, и картина, конечно, получается сказочно-прекрасная. Не знаю, многіе ли изъ насъ любятъ Россію, но многіе, слишкомъ многіе изъ насъ, дѣтей еврейскаго интеллигентнаго круга, безумно и униженно влюблены въ русскую культуру, а черезъ нее въ весь русскій міръ, о которомъ только по этой культурѣ и судятъ. И эта влюбленность вполне естественна, потому что міръ еврейскій, міръ по одну сторону границы не могъ въ ихъ душѣ соперничать съ обаяніемъ «той стороны». Но еврейство мы, наоборотъ, узнаемъ съ ранняго дѣтства не въ высшихъ его проявленіяхъ, а именно въ его обыденщинѣ и обывательщинѣ. Мы живемъ среди этого гетто и ви-

димъ на каждомъ шагу его уродливую измельчалость, созданную вѣками гнета, и оно такъ непривлекательно. некрасиво... А того, что поистинѣ у насъ высоко и величаво, еврейской культуры — ея мы не видимъ. Дѣти простонародья кое-какъ еще видятъ ее въ хедерѣ, но тамъ она дается въ такой нелѣпой формѣ и обстановкѣ, что полюбить ее немислимо. Дѣти же средняго круга и того лишены. Сплошь и рядомъ нѣтъ у нихъ даже отдаленнаго понятія объ исторіи еврейскаго народа. Они не знаютъ о его исторической роли просвѣтителя народовъ бѣлой расы, о его несокрушимой духовной силѣ, которая не поддавалась никакимъ гоненіямъ: они знаютъ о еврействѣ только то, что видятъ и слышатъ. А что они видятъ? Видятъ они запуганнаго человѣка, видятъ, какъ его отовсюду гонять и всюду оскорбляютъ, и онъ не смѣетъ огрызнуться. А что они слышатъ? Развѣ слышатъ они когда-нибудь слово «еврей», произнесенное тономъ гордости и достоинства? Развѣ родители говорятъ имъ: Помни, что ты еврей. и держи выше голову? — Никогда. Дѣти нашего народа слышатъ отъ своихъ родителей слово «еврей» только съ оттѣнками приниженности и боязни. Отпуская сына изъ дому на улицу, мать говоритъ ему: — Помни, что ты еврей, и иди стороной, чтобъ никого не толкнуть... — Отдавая въ школу, мать говоритъ ему: — Помни, что ты еврей, и будь тише воды, ниже травы... — Такъ поневолѣ связывается у него имя «еврей» съ представленіемъ о долѣ раба, и ни о чемъ больше. Онъ не знаетъ еврея — онъ знаетъ жида; не знаетъ Израиля, а только Сруля; не знаетъ гордаго сирійскаго коня, какимъ былъ нашъ народъ когда-то, а знаетъ только жалкую нынѣшнюю «клячу». Роковымъ образомъ онъ узнаетъ

еврейскій міръ только по его изнанкѣ — и русскій міръ только по его лицевой сторонѣ. И онъ вырастаетъ влюбленнымъ во все русское унижительной любовью свинопаса къ царевнѣ. Все его сердце, его симпатіи всѣ на той сторонѣ; но вѣдь онъ всетаки еврей по крови, и объ этомъ никто не хочетъ забыть; и онъ несетъ на себѣ свое проклятое еврейство, какъ безобразный прыщъ, какъ уродливый горбъ, отъ котораго нельзя избавиться, и каждая минута его жизни отравлена этой пропастью между тѣмъ, чѣмъ бы хотѣлось ему быть, и что онъ есть на самомъ дѣлѣ...

— Отравлена? — усомнятся многіе, а про себя подумаютъ, что черезчуръ уже сильно это сказано. Ибо они сами все это испытали, и было оно, дѣйствительно, весьма непріятно въ иныя минуты; но вѣдь вотъ они, слава Богу, живы и здоровы, ѣдятъ и ходятъ, и ведутъ свои дѣла; значить, не такъ ужъ оно все опасно, чтобы стоило кричать объ отравѣ. — А я думаю, что здѣсь именно отрава, отрава всего организма. Она не приводитъ насъ къ самоубійству, потому что она затяжная, изо дня въ день. Мы съ нею свыкаемся, какъ свыкается человѣкъ со своей хромотою.

Я видѣлъ однажды хромую дѣвочку, которая была очень весела, и, глядя на нее, я подумалъ: Эта дѣвочка уже свыклась и ничуть не страдаетъ отъ своего недостатка. — Но тогда я уловилъ взоръ ея матери, устремленный на нее, и мнѣ стало страшно больно. Я понялъ, что мать лучше меня читала въ душѣ этого ребенка, и видѣла ясно, какъ на самомъ днѣ этой души, даже въ минуту хохота и рѣзвости, тайлась и теплилась какая-то искорка обиды за свое убожество. И мать понимала, что никогда не погас-

нетъ та искорка, и дѣвочка пронесетъ ее съ собою черезъ всю жизнь, и какъ бы она звонко ни хохотала, какъ бы шибко ни выучилась бѣгать, всетаки вѣчно будетъ она чувствовать себя на крохотный волосокъ ниже другихъ, потому что они какъ все люди, а у нея хромая нога. Такъ будетъ насквозь отравлена вся ея жизнь, и никогда не узнаетъ она ни въ чемъ полнаго счастья въ той мѣрѣ, въ какой оно доступно другимъ людямъ, потому что она ниже ихъ. Мать это понимала, и во взорѣ ея былъ трауръ по этой дѣвочкѣ.

Если есть у насъ чуткія матери, то и онѣ должны тосковать о нашей судьбѣ, потому что драма хромой дѣвочки, рѣзнящейся рядомъ съ другими дѣтьми и всетаки хромой, есть драма еврея, влюбленнаго въ чуждую культуру и всетаки еврея. Со стороны покажется, будто онъ радъ и веселъ, и забылъ о своемъ уродствѣ; но кто умѣетъ заглянуть въ глубь души, тотъ и въ самыя счастливыя минуты найдетъ на днѣ ея вѣчно-болѣзненную точку обиды. Онъ можетъ свыкнуться съ своимъ горбомъ, но не можетъ забыть. И потому вся жизнь его отравлена, и никогда и ни въ чемъ онъ не будетъ переживать ее такъ же свободно и полноувѣсно, какъ другіе, ибо вѣчно, самому себѣ наперекоръ, будетъ себя чувствовать на волосокъ ниже другихъ...

Я вспоминаю одинъ случай. Мы въ одномъ городѣ Юга ждали какъ-то погрома. Я былъ въ числѣ дозорныхъ и обходилъ съ двумя товарищами базары — понаблюдать, не начинается ли гдѣ-нибудь бѣда. При этомъ, проходя среди русской толпы, мы инстинктивно старались придавать себѣ «русское» выраженіе лица и говорить съ московскимъ акцентомъ. Мнѣ кажется,

что не изъ трусости, и даже не изъ какихъ-либо особенныхъ конспиративныхъ соображеній, а чисто по инстинкту: мы бессознательно чувствовали, что теперь удобнѣе ступевать наше еврейство и не привлекать вниманія. На одномъ изъ базаровъ, гдѣ было много народу, мнѣ бросился въ глаза старый еврей, въ пейзахъ и долгополомъ кафтанѣ. Онъ пробирался среди толпы осторожно, и по лицу его чувствовалось, что онъ понимаетъ опасность и боится. Но мнѣ при взглядѣ на него пришло въ голову, что онъ, хоть и боится, а не дѣлаетъ и не можетъ сдѣлать попытки затушевать свои еврейскіе признаки. Онъ знаетъ, что внѣшность его бросается въ глаза и привлекаетъ вниманіе враждебной толпы, но ему даже не могло придти въ голову, что слѣдовало бы не казаться евреемъ. Онъ отъ малыхъ лѣтъ сроднился съ мыслью, что онъ — еврей и *долженъ* быть евреемъ, и теперь не могъ бы даже вообразить, какъ это онъ да станетъ непохожъ на еврея, хотя бы и въ минуту крайней опасности. Оттого онъ, который боялся, чувствовалъ себя въ эту минуту внутренне свободнѣе насъ, которые, можетъ быть, не боялись въ простомъ смыслѣ этого слова, но всетаки инстинктивно прятали то, что онъ выставлялъ на показъ. Ибо мы отъ малыхъ лѣтъ сроднились съ мыслью, что мы, правда, евреи, но *не должны* быть евреями. Онъ — божіею милостію еврей; мы — осужденные на вѣчное еврейство.

Я, вѣроятно, очень блѣдно и невразумительно рассказалъ всѣ эти переживанія, потому что говорю по отдаленнымъ воспоминаніямъ. Для насъ (я говорю о людяхъ моего политическаго лагеря) уже давно прошла пора, когда мы такъ чувствовали. Мы подошли къ еврейству и взглянулись въ него, и нашли

въ немъ столько величія и красоты, что подъ ихъ обаяніемъ душа выпрямилась, подняла голову и ощутила до глубины всю гордость сознанія: «я еврей». Какъ же неволью, какъ мы прежде смотрѣли на ту сторону униженно-влюбленными глазами, такъ же неволью смотримъ мы теперь и на «ту», и на всѣ другія стороны глазами равнаго на равнаго — даже, быть можетъ, глазами вышаго на младшаго. Мы переродились, потому что прежде мы терпѣли свое еврейство поневолѣ, а теперь мы имъ горды, мы ему радуемся, какъ радуется женщина своей красотѣ.

На Западѣ есть поговорка: *aus der Not eine Tugend*. По русски это значить: возводить необходимость въ добродѣтель, въ заслугу. Эта поговорка насмѣшливая, но въ основѣ ея лежитъ вѣрно подмѣченный психологическій фактъ: человѣку становится легче, если онъ *aus der Not* сдѣлаетъ себѣ *eine Tugend*, — если тѣмъ, за что его преслѣдуютъ, самъ онъ будетъ гордиться, а не гнушаться. И если мы хотимъ, чтобы нашимъ дѣтямъ было легче, если хотимъ избавить ихъ отъ той драмы хромого, которую пережили сами, то мы должны воспитать ихъ такъ, чтобы сознаніе своего племени было для нихъ не неволей, а радостью и гордостью. Но для этого надо съ первыхъ лѣтъ очаровать ихъ той величавой красотой, которую мы, ихъ старшіе братья, узнали такъ поздно, уже въ мучительномъ переломѣ юности. Надо поверхъ нашей мизерной обыденщины, поверхъ согбенной спины жалкаго Сруля, показать имъ Израиля, его царственный духъ во всемъ его могуществѣ, его трагическую исторію во всемъ ея грандіозномъ великолѣпнн. Только это исцѣлитъ нашу душу.

Мы должны честно вдуматься во все это, ибо такъ больше жить нельзя. Мы стоимъ передъ огромною задачей, потому что почти ежедневно прибываютъ новые рекруты культуры изъ нашего племени, и мы должны спасти ихъ отъ той внутренней горечи, которую такъ обильно и сытно испытали сами. Мы должны дать подростяющимъ поколѣнїямъ гуманитарную культуру, но мы должны прежде всего гарантировать еврею миръ съ самимъ собою и уваженіе къ самому себѣ. Мы прежде всего должны дать ему лѣтопись нашей народности, чтобы онъ хорошо вникъ въ то, какъ она жила съ первыхъ дней пути своего, сколько мощи проявила, сколько послужила братьямъ-иноплеменникамъ; чтобы онъ могъ радостно улыбнуться, прїосаниться и полюбить ее. Но эта лѣтопись огромна; обширнѣе исторїи всякаго другого народа, потому что древнѣе, и потому что вторая половина ея разбита на отдѣльныя поэмы скитанїя во многихъ чужбинахъ. Онъ долженъ узнать всю эту книгу книгъ, долженъ узнать о настоящемъ бытѣ своихъ соплеменниковъ иного подданства столько же, сколько о прошломъ величїи Иерусалима, чтобы чувствовать истинное братство. Онъ долженъ знать и прошлое, и нынѣшнее духовное творчество нашего племени, и не должны родные писатели оставаться для него неизвѣстными именами. Все это не можетъ быть изучено между прочимъ; весь этотъ огромный матеріаль требуетъ огромнаго вниманїя; оттого ему должна быть отведена главная роль, ради него должно слегка потѣсниться, если нужно, все прочее, а не наоборотъ: наука объ еврействѣ должна стать для насъ центромъ науки.

Наша главная болѣзнь — самопрезрѣніе, наша главная нужда — развить самоуваженіе: значить, основой

нашего народнаго воспитанія должно быть отнынѣ самопознаніе. Такъ воспитывается на землѣ всякій здоровый народъ, всякая нормальная личность.

Вамъ часто, вѣроятно, говорятъ, что быть сторонникомъ націонализаціи воспитанія значитъ быть сіонистомъ, и я знаю, что многихъ этотъ доводъ пугаетъ. Но это ошибка. Здѣсь споръ идетъ не между сіонистомъ и не-сіонистомъ: споръ гораздо глубже. На одной сторонѣ стоятъ тѣ, кто, сознательно или безсознательно, потеряли надежду или желаніе сохранить еврейство неприкосновеннымъ и ведутъ его къ исчезновенію со сцены: на другой тѣ, которые ко дню будущаго международнаго братства хотятъ сберечь живымъ и того брата, имя которому Израиль, и сберегутъ его — во что бы это ни стало.

Дѣло не въ спорѣ партій и партій: здѣсь спорятъ между собою тенденція жизни и тенденція смерти.

Этимъ рѣшается и вопросъ о «древне»-еврейскомъ языкѣ. Сегодня и здѣсь я не намбрень говорить о немъ, какъ о языкѣ преподаванія: это вопросъ совсѣмъ особый, очень сложный и спорный. Я рассматриваю сейчасъ еврейскій языкъ лишь какъ предметъ преподаванія и хочу въ этомъ смыслѣ опредѣлить его мѣсто и роль. Мнѣ кажется возможнымъ сдѣлать это въ немногихъ строкахъ, ибо послѣ всего, что выше сказано, самъ собою напрашивается выводъ: несомнѣнно, что при такомъ перенесеніи воспитательнаго центра тяжести на самопознаніе — еврейскій языкъ совершенно неизбѣжно и естественно становится *главнымъ орудіемъ* воспитанія.

Когда человекъ интересуется французской литературой, онъ прежде всего изучаетъ французскій языкъ, а не полагается на переводы. Но мы вѣдь

не просто «интересуемся», для насъ это не есть вопросъ любознательности — для насъ вопросъ идетъ объ исцѣленіи и перерожденіи исковерканной еврейской души, и еврейская культура стала для насъ приближеніемъ единственнаго спасенія. На ея изученіи должны мы построить всю нашу новую систему воспитанія, и начать волей-неволей придется съ того нарѣчія, на которомъ записаны всѣ творенія израильскаго духа. Нашъ языкъ — это порогъ, мимо котораго нѣтъ доступа въ школу національнаго воспитанія, а проникнуть въ эту школу стало для насъ вопросомъ жизни или смерти.

Насъ упрекаютъ въ мечтательствѣ и романтизмѣ, намъ говорятъ, будто мы ведемъ свою національную проповѣдь изъ какой-то эстетической прихоти — потому, что намъ *нравится* еврейская культура и еврейскій языкъ. Да, не спору, нравится, но не въ томъ дѣло. Если бы еврейская культура была еще ниже клеветъ Лютостанскаго, если бы еврейскій языкъ былъ хуже скрипа немазанной телѣги, то и тогда возвращеніе къ *этой* культурѣ черезъ посредство *этого* языка было бы для насъ совершенно непреодолимой реальной потребностью, отъ неудовлетворенія которой мы реально страдаемъ, — было бы властной исторической необходимостью. Насъ национализируетъ сама исторія, и тѣхъ, кто ей противится, она тоже рано или поздно повлечетъ за собою. Но они поплетутся тогда за нею въ хвостѣ, какъ связанные плѣнники за колесницей покорителя. Благо тому, кто во время пойметъ ея духъ и пойдетъ въ первыхъ рядахъ ея побѣдоноснаго теченія.

И первымъ изъ первыхъ долженъ пойти тотъ, въ чьей власти душа народа — народный учитель.

II

РЪЧЬ ВЪ ОБЩЕСТВЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПРОСВѢ- ЩЕНІЯ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ, ВЪ ОДЕССѢ

Какъ относиться къ идеѣ ассимиляціи еврейства? Все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ эпохи и потребностей, выдвигаемыхъ эпохой. Есть моменты, когда ассимиляція представляется безусловно желательной, когда она есть необходимый этапъ прогресса. Это можно видѣть даже на примѣрѣ отдѣльнаго человѣка. Представьте себѣ ребенка съ задатками живописца. Въ будущемъ, конечно, желательно, чтобы живописецъ былъ вполне индивидуаленъ, вполне самобытенъ въ своемъ творествѣ. Но начинать съ самобытнаго творчества нельзя: воспитаніе художника по необходимости начинается съ усвоенія чужого опыта, съ подражанія чужимъ образцамъ — словомъ, съ «ассимиляціи». Только по завершеніи этого этапа возможно здоровое развитіе своеобразныхъ началъ, заложенныхъ въ натурѣ художника. — Это самое примѣнимо и къ цѣлому народу въ тотъ моментъ, когда онъ впервые (или послѣ большаго перерыва) выступаетъ на поприще гражданской самостоятельности. Какъ ни сильны, даже какъ ни цѣнны были бы его специфическія, индивидуальныя, «національныя» отличія, какъ бы пышно ни предстояло имъ развиться въ будущемъ, — начать онъ долженъ всетаки съ подражанія готовымъ образцамъ, съ копирования, съ «ассимиляціи». Эту стадію прошелъ и такой огромный, самостоятельный народъ, какъ русскіе: было время, когда даже дворянскія барышни, вродѣ пушкинской Татьяны, умѣли писать только по-французски.

Съ евреями въ Россіи повторилось то же самое. Когда измѣнившіяся условія жизни вызвали распадъ патриархальнаго гетто, и дѣтямъ его пришлось вмѣшаться, волей неволей, въ окружающую сутолоку, имъ прежде всего необходимо было овладѣть тѣмъ орудіемъ борьбы за существованіе, которое называется современной культурой. Это естественнымъ образомъ заставило нарождавшуюся еврейскую интеллигенцію съ жадностью наброситься на языки окружающей среды. При этомъ ея руководило далеко не стремленіе порвать съ еврействомъ, а напротивъ — въ основѣ тогдашняго «ассимиляціоннаго» теченія лежали ясныя и опредѣленныя побужденія національнаго интереса. Яркій памятникъ того настроенія нарисованъ Левандой въ романѣ «Горячее время». Герой этого романа — «просвѣтитель», дѣйствующій въ Вильнѣ, въ эпоху непосредственно передъ 1863 годомъ, когда на Литвѣ началась борьба двухъ культуръ — русской и польской. Свой выборъ онъ останавливаетъ на первой, не изъ внутреннихъ симпатій (объ ему чужды), а изъ холоднаго расчета: этотъ шагъ, по его мнѣнію, болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ еврейства, какъ третьей націи, очутившейся между двухъ становъ. Правильно ли рѣшилъ герой Леванды этотъ вопросъ или нѣтъ — дѣло не въ томъ; но важно установить, что ассимиляція въ ту эпоху была и объективно, и въ глазахъ ея дѣятелей не отреченіемъ отъ еврейскаго народа, а напротивъ — первымъ шагомъ еврейской національной самодѣятельности, первой ступенью къ обновленію и возрожденію націи.

Въ эту эпоху возникло о-во распространенія просвѣщенія. Заслуги его предъ еврействомъ огромны — именно потому, что создатели его поняли основную

нужду эпохи и пришли ей на помощь. Основною нуждой эпохи было — открыть еврею доступъ къ европейской культурѣ, внушить ему любовь и интересъ къ этой культурѣ. Это и стало задачей общества. Никакой другой задачи у него тогда и быть не могло. Смѣшно было бы въ то время (общество учреждено было въ 60-тыхъ годахъ) потребовать, чтобы оно «насаждало» еврейскую культуру: еврейская культура тогда и безъ того насаждалась, хотя нераціонально, хотя наперекоръ всѣмъ правиламъ педагоги и даже гигиены, но въ такомъ обильномъ количествѣ, что не нуждалась ни въ какихъ поощреніяхъ извнѣ. Наоборотъ, къ европейской культурѣ и ея ближайшему проводнику — русскому языку — существовало еще пренебрежительное и враждебное отношеніе, и приходилось съ великимъ трудомъ добиваться, чтобы рядомъ съ національными элементами воспитанія удѣлялось хоть какое-нибудь мѣсто общеобразовательнымъ предметамъ. Такова была эпоха, такова была ея нужда и такова должна была быть ея основная идея, воплотившаяся въ «обществѣ просвѣщенія».

Но съ тѣхъ поръ прошло полвѣка, и многое, слишкомъ многое рѣзко измѣнилось какъ внѣ, такъ и внутри еврейства. Главнымъ образомъ внутри. Если взять верхній и даже средней слой теперешняго російскаго еврейства и сравнить его съ поколѣніемъ шестидесятихъ годовъ, намъ представится картина совершенно обратная. Смѣшно теперь «насаждать» жажду къ просвѣщенію: она у евреевъ такъ сильна, напоръ въ гимназію, въ университетъ, въ институты такъ ретивъ, что въ этомъ отношеніи никакія «общества» ничего прибавить не могутъ. Русскій языкъ распространенъ такъ основательно, что черта осѣдлости счи-

тается однимъ изъ лучшихъ районовъ русскаго книжнаго сбыта. Публичныя библіотеки, лекціи, театры посѣщаются евреями съ безпримѣрнымъ рвеніемъ. При этихъ условіяхъ дѣлать и дальше изъ идеи «просвѣщенія» боевой лозунгъ значило бы ломиться въ открытую дверь. Если что теперь нуждается въ заботливомъ «насажденіи», то это, въ силу діалектической игры судьбы, *еврейская* культура, *еврейскія* начала въ воспитаніи подрастающихъ поколѣній. Ибо отъ этихъ началъ остались одни лохмотья.

Доказывать, что это правда, что національный элементъ воспитанія у высшихъ и среднихъ классовъ еврейства давно уже въ загонѣ, — значило бы тоже ломиться въ открытую дверь. Кто не знаетъ, кто не видитъ? И не со вчерашняго дня это началось. Поэтъ Гордонъ, одинъ изъ лучшихъ дѣятелей просвѣтительной эпохи, еще въ 1862 г. воспѣвавшій — на языкѣ библіи — преимущества русскаго языка, уже въ началѣ 70-хъ гг. съ горестнымъ разочарованіемъ замѣтилъ, что его послѣдователи и ученики въ своемъ усердіи забѣжали слишкомъ далеко. «Братья мои, просвѣтители, стали пренебрегать старой матерью», написалъ онъ тогда въ стихотвореніи «Для кого я тружусь?», — «они провозглашаютъ: покиньте этотъ дряхлый языкъ, и пусть каждый сольется съ нарѣчіемъ своей страны... А сыновья наши? Они съ дѣтства становятся намъ чужды. Вотъ они подвигаются впередъ, съ каждымъ годомъ, и кто знаетъ предѣлъ? и кто знаетъ доколѣ? Быть можетъ, до черты, откуда нѣтъ возврата»... Такъ на глазахъ еще у первыхъ поколѣній «просвѣтителей» совершилась метаморфоза: первоначальная идея — усвоить чужое, чтобы затѣмъ съ новой силою развивать свое — выродилась въ стре-

мленіе ликвидировать свое и безслѣдно раствориться въ чужомъ; ассимиляція изъ фактора національнаго прогресса стала факторомъ національнаго распада. А вѣдь со дня, когда вождь того поколѣнія «просвѣтителей» написалъ эти горькія слова разочарованія, прошло 40 лѣтъ, и процессъ распада проникъ еще гораздо глубже. И должно же, наконецъ, еврейство дать себѣ отчетъ; желаетъ или не желаетъ оно продолжать линію распада?

«Сыновья наши съ каждымъ днемъ уходятъ — быть можетъ, къ той чертѣ, откуда нѣтъ возврата»... Горькое пророчество давно стало правдой. На еврейской нивѣ почти не осталось интеллигентныхъ работниковъ: наша интеллигенція въ громадномъ большинствѣ ушла. Можно различнымъ образомъ понимать нужду еврейскаго народа, различнымъ образомъ представлять себѣ идеаль его будущности, начиная съ сіонизма и кончая полной денационализацией; но и для первой, и для послѣдней цѣли надо, прежде всего, *работать* съ народомъ и для народа. Прежде такъ понимали свою задачу и ассимиляторы: они жили съ народомъ, волновались его заботами, трудились для него и, проповѣдуя свой идеаль, все же стояли обѣими ногами на реальной почвѣ еврейства. А теперешніе — просто уходятъ въ сторону, просто бросаютъ на произволь судьбы: пропадаютъ, молъ, сами, какъ знаете. И масса, покинутая въ своемъ тупикѣ, въ лабиринтѣ своего бѣдствія, бьется, мечется и не видитъ исхода; ей нужны просвѣщенные вожди, такъ нужны, такъ необходимы, какъ никакому другому народу на свѣтѣ, — а между тѣмъ ея просвѣщенные дѣти служатъ всѣмъ народамъ на свѣтѣ, только не ей. Нѣтъ работниковъ ни для какого еврейскаго дѣла.

отъ большого до самаго малаго, старые устають и сходятъ со сцены, а новыхъ не видно. И мы знаємъ стариковъ, посѣдѣвшихъ на службѣ ассимиляціи, которые со скорбнымъ недоумѣніемъ смотрятъ на эту надвигающуюся пустоту и горько спрашиваютъ себя: — Для этого мы работали? Для того, чтобы изъ ассимиляціи родился индифферентизмъ?!

Думаю, что на этотъ горькій вопросъ правда жизни откликается горькимъ отвѣтомъ: да, вы для этого работали. Ибо для того, чтобы изъ подрастающихъ поколѣній выходили работники для еврейства, надо преданность еврейству положить въ центръ и основу ихъ воспитанія. Окружающій міръ слишкомъ прекрасенъ, приволенъ и богатъ по сравненію съ неприглядностью и бѣдностью еврейскаго существованія; и для того, чтобы эта красота не сманила человѣка, не соблазнила его отвернуться отъ родной лачуги, нужно развить въ его душѣ прочныя, нерасторжимыя идеальныя связи. Этихъ связей не создать одними словами. Чтобы сковать такія связи, надо распахать предъ подрастающимъ поколѣніемъ все то великое и красивое, что есть въ еврейской сокровищницѣ, ввести въ нее, провести по всѣмъ ея угламъ, растолковать цѣнность каждой жемчужины, научить дорожить и гордиться. Красотѣ, манящей извнѣ, надо противопоставить собственную красоту, чтобы не выпускать на житейскую улицу санкюлотовъ, убѣжденных въ нищетѣ и никчемности своего народа и спасающихся, куда глаза глядятъ. Углубленіе въ національныя цѣнности еврейства должно стать главнымъ, основнымъ, преобладающимъ элементомъ еврейскаго воспитанія. Это необходимо не для того, чтобы потѣшить націоналистовъ. Это необходимо для того, чтобы удержать на

еврейской нивѣ ея разбѣгающихся пахарей, чтобы еврейская масса не осталась безъ руководителей, еврейское дѣло безъ работниковъ, «народъ книги» — страшная иронія судьбы — безъ интеллигенціи!

«Уходятъ за черту, откуда нѣтъ возврата»... Почему уходятъ? Почему уходятъ, особенно въ послѣднее время, такими густыми массами, съ такой циничной легкостью, безъ намека на колебанія, на сожалѣнія, выбрасывая балластъ еврейства, словно ненужный песокъ, по первому требованію невзгоды? Почему? Кто виноватъ? Кто довелъ до этой черты?.. Мнѣ пришлось недавно писать объ этомъ новомъ «бытовомъ явленіи» еврейской современности, и послѣ того я получилъ нѣсколько писемъ отъ молодыхъ людей, перешагнувшихъ туда, «откуда нѣтъ возврата». Письма были разныя, были и грубыя, и циничныя, и грустныя, но во всѣхъ, безъ исключенія, на первомъ планѣ стоялъ одинъ и тотъ же доводъ: что намъ еврейство? Мы о немъ ничего не знаемъ, насъ никто не училъ понимать и любить его; ничего удивительнаго, если мы ушли. — И они совершенно правы. Ничего удивительнаго. Что мы посвѣяли, то и пожали...

1910.

ВЪ ТРАУРНЫЕ ДНИ

...Вотъ уже сколько прошло погромовъ, а я никакъ не могу себя пропитать внутреннимъ интересомъ къ событіямъ этого рода. Конечно, я не умаляю ихъ разрушительной силы, не обезцѣниваю человѣческаго горя, что они приносятъ, но внутренняго интереса не могу въ себѣ вызвать. Какъ я ни стараюсь себя расшевелить, мнѣ все кажется, что надъ нами совершается большая кровавая бессмыслица, по поводу которой можно плакать, кто еще не разучился, но не стоитъ и не о чемъ размышлять. Я писалъ объ этомъ недавно — въ погромахъ есть ведра крови и пуды человѣческаго мяса, но нѣтъ въ нихъ для еврейскаго сознанія того сокрытаго урока — *mussag Elohim*, который возвысилъ бы ихъ до степени трагедіи. Въ трагедіи обязательно должна содержаться нѣкая невѣдомая правда, новое слово, которое познается въ этихъ мукахъ и открываетъ народу новые пути. А что и кому изъ насъ открыли эти погромы, кого изъ насъ и чему могли научить? Только кишиневская рѣзня сыграла крупную роль въ нашемъ общественномъ сознаніи, потому что мы тогда обратили вниманіе на еврейскую трусость. Но остальные погромы свелись

просто къ огромной, животной и бессмысленной уголовщинѣ — больше ничего.

Мы истекаемъ кровью и не знаемъ, во имя чего, и какіе выводы сдѣлать изъ нашихъ страданій. Въ октябрѣ 1905 г. насъ громилы разные слои русскаго общества и народа, но мы и раньше знали, что мы окружены врагами: къ этому знанію ни октябрь, ни Бѣлостокъ ничего не прибавили. Въ Сѣдлецѣ насъ громилы официально, повидимому безъ участія общественныхъ элементовъ, — но вѣдь даже хасиды Сѣдлеца давно знаютъ цѣну пану уряднику. Такъ мѣняется обстановка погромовъ, списокъ участниковъ и форма ранъ, но по существу остается одно и то же — остается вѣщее слово Бялика: «нѣтъ смысла въ вашей смерти»...

Когда мнѣ рассказываютъ подробности погромовъ, мое вниманіе помимо воли отрывается и ускользаетъ на другіе пути. Мнѣ хочется уяснить себѣ вопросъ: хорошо, допустимъ, что я дослушаю до конца и буду знать, гдѣ, какъ и кого они убили, но вѣдь не въ этомъ дѣло, а вотъ какъ быть дальше, что можно сдѣлать противъ погромовъ?

Самооборона — врядъ ли объ этомъ можно говорить серьезно. Она не принесла намъ въ итогъ никакой пользы: вначалѣ страхъ передъ нею дѣйствительно предотвратилъ нѣсколько погромовъ, но теперь, когда *ты* ее испытали на дѣлѣ и сравнили количество убитыхъ евреевъ и погромщиковъ, кто съ ней считается?

Итоги самообороны надо подводить по общимъ результатамъ, и эти итоги ясно говорятъ: когда *имъ* угодно, они устраиваютъ погромъ и убиваютъ столько евреевъ, сколько имъ нужно, а самооборона тутъ не при чемъ. Конечно, въ самооборонѣ есть утѣшеніе.

Но ея практическій итогъ равенъ нулю и нулемъ останется, и пора спокойно признать это вслухъ, чтобы люди даромъ не надѣялись.

Нѣкоторые господа въ послѣднее время придумали новое средство — антипогромную пропаганду. Одна моя знакомая дѣвочка увѣряетъ, что бѣлокъ ловятъ очень просто: надо къ ней подойти на полшага разстоянія и насыпать ей соли на хвостъ, и готово — бѣлка въ плѣну. Я всегда объ этомъ вспоминаю, когда мнѣ говорятъ объ антипогромной агитаціи. Старая гѣсня, давно знакомая иллюзія — эти люди будутъ печатать статьи и брошюры, устраивать лекціи, и они думаютъ, что русскіе стануть ихъ читать или слушать. Еще бы, держите карманъ. Я помню жалкій восторгъ евреевъ, когда въ 1905 г. въ «Сынѣ Отечества» появилась большая и скверная статья «Трагедія шестимилліоннаго народа». Имъ казалось, что вся Россія читаетъ и умиляется. А на самомъ дѣлѣ только евреи одни и расхватили этотъ знаменитый номеръ газеты, памятникъ нашей глупости, и на русскихъ она никакого впечатлѣнія не произвела просто потому, что у каждаго есть свои заботы и ему не до чужихъ, особенно въ наше время. Еще ярче выказалась наша глупость, когда послѣ октября въ Петербургѣ устроили отъ имени союза союзовъ «русскій» митингъ протеста и приложили всѣ старанія, чтобы евреи сидѣли дома, а русскіе пришли; оказалось, конечно, что русскіе остались дома, а ораторамъ пришлось ломать комедію передъ сплошной еврейской публикой, призывая ее протестовать отъ благороднаго русскаго сердца. И это вполне понятно — русскіе не пришли вовсе не по злобѣ, а изъ самаго законнаго равнодушія, потому что каждый человѣкъ, въ особенности серьезный и

дѣльный человѣкъ, естественно удѣляетъ вниманіе своимъ насущнымъ интересамъ и не обязанъ его удѣлять интересамъ другихъ.

Я знаю, теперь эта идея многихъ увлекаетъ, и образовались даже нарочитыя книгоиздательства для печатанія классическихъ апологій, надъ которыми сами евреи зѣваютъ, а не-евреямъ, безъ сомнѣнія, даже и зѣвать не приходится. Образовались также въ разныхъ мѣстахъ досужія комиссіи, которыя разсылаютъ такую словесность направо и налево, по случайнымъ адресамъ, или даже при газетахъ... Сыпьте, сыпьте бѣлкѣ соль на хвостъ! Получить еврей-брошюрку — позѣваетъ, но прочтетъ; получить русскій — посмотреть: а, это про евреевъ? — и отложить въ сторону. У него своихъ хлопотъ довольно. Что, — онъ, по вашему, обязанъ досконально знать и про армянъ, и про чукчей?

Всѣ эти вѣрующіе господа думаютъ, что если русская масса охотно читаетъ юдофобскую литературу, она столь же охотно будетъ читать и юдофильскую. Большая и наивная ошибка. Прежде всего надо помнить о тѣхъ элементахъ, которые въ данномъ случаѣ стоятъ на первомъ планѣ — о черной сотнѣ въ простѣйшемъ смыслѣ, которая хочетъ погрома ради грабежа и обѣщанной мзды: имъ не нужна даже погромная литература, а пронять ихъ еще антипогромной проповѣдью — вѣдь это была бы совсѣмъ ужъ глупая мечта. Наши проповѣдники, несомнѣнно, имѣютъ въ виду другую часть массы — среднюю, обывательски-честную, ту самую, которую дѣйствительно почти такъ же легко будетъ въ надлежащую минуту послать на баррикады, какъ и на погромъ. Но эта масса и есть именно та, которая психологически

не можетъ заняться чтеніемъ брошюръ о еврейскихъ добродѣтеляхъ. Погромную брошюру она жадно читаетъ по той самой причинѣ, почему она жадно читаетъ и летучій листокъ революціонеровъ — если онъ, конечно, изложенъ понятнымъ языкомъ: здѣсь ей говорятъ о причинахъ ея собственныхъ страданій, указываютъ ей средства къ облегченію ея собственныхъ бѣдъ. Разница только въ томъ, что погромная брошюра во всемъ винитъ жида, революціонный листокъ — урядника, но и здѣсь, и тамъ ей прежде всего говорятъ не о жидлахъ и не объ урядникахъ, а о *ней* самой, объ ея кровныхъ интересахъ. Совершенно другое дѣло — антипогромная литература. Въ самомъ ея назначеніи коренится абсолютная невозможность ея успѣха: она вся посвящена доказательству именно того, что къ страданіямъ русской массы жидъ несколько не причастенъ, что не онъ виноватъ, не въ немъ причина — словомъ, что ей, русской массѣ, отъ еврея ни тепло, ни холодно... Но тогда съ какой же стати будетъ она тратить время на чтеніе о томъ, отъ чего ей ни тепло, ни холодно? Массовому человѣку чтеніе дается нелегко; онъ не умѣетъ «пробѣгать» строки, онъ вчитывается и вникаетъ. И именно поэтому онъ беретъ въ руки только ту книжку, о которой ему доподлинно извѣстно, что тутъ — вѣрно или невѣрно, другой вопросъ — объяснены причины его нужды и горя. Не можетъ онъ, органически не можетъ и по совѣсти даже не обязанъ интересоваться какими-то евреями, какъ таковыми. Съ того самаго момента, какъ они перестаютъ быть причиной его бѣдъ, они для него теряютъ всякій интересъ. Сказать ему, что въ этой брошюрѣ доказывается невинность евреевъ, значитъ сказать ему, что эта брошюра до

него не касается. Русская масса глотаетъ и будетъ глотать погромную литературу, потому что это литература о ней, и не будетъ читать антипогромныхъ брошюръ, потому что это литература о евреяхъ.

Моя знакомая дѣвочка очень наивная дѣвочка. Она не соображаетъ, что прежде чѣмъ насыпать бѣлкѣ соли на хвостъ, надо подойти къ бѣлкѣ, а въ этомъ и вся загвоздка.

... Я прекрасно понимаю тѣ добрыя побужденія, которыя заставляютъ разныхъ господъ измышлять всѣ эти проекты спасенія, но ничего изъ этого не выйдетъ. Спасенія нѣтъ. Не злая воля подстрекателей, не темнота народной толпы, но сама объективная сила вещей, имя которой чужбина, обратилась нынѣ противъ нашего народа, и мы безсильны и беспомощны. Молодежь наша будетъ честно защищаться, но лавина разгрома съ хохотомъ погребетъ эти хрупкія дружины и даже не замедлитъ своего хода. Кратеры голуса разверзлись, буря сорвалась съ цѣпи, и чужбина сотворитъ надъ нами все, что ей будетъ угодно. Вы будете корчиться отъ бѣшенства и подымать яркія знамена борьбы. вы напряжете всѣ силы духа, чтобы найти тропинку спасенія. и сами себѣ повѣрите на мигъ, будто нашли ее, — но я не вѣрю и гнушаюсь утѣшать себя сказками, и говорю вамъ со спокойнымъ холодомъ въ каждомъ атомѣ моего существа: нѣтъ спасенія, вы въ чужой землѣ, и до конца свершится надъ вами воля чужбины!

Одинъ еврей-журналистъ воспользовался недавно Бѣлостокомъ, чтобы сунуть мнѣ въ душу свои пальцы и пощупать тамъ, какова моя «погромная философія». И нашель, что я равнодушенъ къ еврейскому горю. Я ему не отвѣтилъ — я слишкомъ хорошо понимаю

настроение людей этого типа, чтобы гнѣваться на нихъ за несправедливость или обиду. Здѣсь было повторение старой еврейской исторіи — человѣкъ отдалъ лучшіе соки своей жизни на то, чтобы распахать чужую ниву, и въ послѣднюю минуту хозяева убили его братьевъ и трупами ихъ удобрили свое поле; и человѣкъ пошатнулся отъ оскорбленія, и судорожно хватается за соломинки, и злится на всѣхъ людей за каждое слово правды, и хочетъ непременно что-то такое кропотливо и мелочно доказать или опровергнуть — даже нельзя понять, что именно. Я не сталъ ему отвѣчать, да и нечего мнѣ было ему отвѣтить: у меня нѣтъ никакой погромной философіи...

У меня нѣтъ погромной философіи. Я не изъ тѣхъ, которымъ она необходима, чтобъ было чѣмъ заштопать прорѣхи, было за что ухватиться, когда чужой ураганъ опрокинетъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ истуканами. Я ничему не учусь на погромахъ нашего народа, и ничего мнѣ сказать не могутъ они такого, чего бы я раньше не зналъ. И я не ищу понапрасну лекарственной травы противъ отдѣльныхъ нарывовъ голуса, потому что я въ нее не вѣрю. У меня нѣтъ ни погромной философіи, ни погромной медицины. Я люблю мой народъ и Палестину: это моя вѣра, это ремесло моей жизни, и ничего мнѣ на свѣтѣ больше не нужно. И когда раздражается громъ, и рабскія души мечутся съ жалобнымъ воемъ и ищутъ пластыря для скорой помощи, я стискиваю зубы, собираю мои силы и дѣлаю дальше работу моего ремесла. Я хочу торговать шекелями среди погрома, я клею голубую марку на списокъ убитыхъ: въ этомъ моя гордость. Вы сунули пальцы въ мою душу и не нащупали въ ней ничего, кромѣ равнодушія — видно, толстая кожа стала

на вашихъ пальцахъ отъ чуждой работы. Но что бы ни творилось у меня на душѣ, — никогда не приду я на страшное пожарище моего народа съ заплаканнымъ носовымъ платкомъ въ рукахъ, и ни его, ни себя не оскверню надругательствомъ жалкихъ утѣшеній. У меня нѣтъ лекарствъ отъ погрома — у меня есть моя вѣра и мое ремесло; не изъ погромовъ я вынесъ эту вѣру, и не ради погрома я оставлю даже на часъ это ремесло. Вѣра моя говоритъ, что пробьетъ день, когда мой народъ будетъ великъ и независимъ, и Палестина будетъ сверкать всѣми лучами своей радужной природы отъ его сыновняго рабочаго пота. Ремесло мое — ремесло одного изъ каменщиковъ на постройкѣ новаго храма для моего самодержавнаго Бога, имя которому еврейскій народъ. Когда молнія рѣжетъ насквозь черное небо чужбины, я веду моему сердцу не биться и глазамъ не глядѣть: я беру и владу очередной кирпичъ, и въ этомъ мой единственный откликъ на грохотъ разрушенія.

1906.

В книге отсутствует (вырван) лист стр. 33 и 34

и мнѣ случится быть неподалеку, я просто радъ тому, что людямъ весело, и праздную въ душѣ ихъ веселый часъ — если только нѣтъ у меня въ тотъ самый день собственныхъ траурныхъ поминокъ.

Такъ я сидѣлъ и омывалъ запыленную душу покоемъ и воспоминаніями о далекихъ людяхъ и пробѣжавшихъ дняхъ, объ умирающемъ годѣ и обо всей грустной аллеѣ лѣтъ, рожденныхъ и ушедшихъ за мою память. Гдѣ я въ послѣдній разъ пилъ въ эту полночь шампанское и желалъ сосѣдямъ несбыточныхъ вещей? А, это было у васъ, въ вашемъ городѣ, въ то милое наивное время пять лѣтъ назадъ. Помните ли вы, какъ было все тогда по другому? Городъ вашъ былъ тогда веселымъ и красивымъ городомъ, братоубійство еще не обезобразило его улицъ и не обратило въ пустыри, по которымъ, озираючись, прошмыгиваютъ рѣдкія тѣни. Сами вы ждали каждый день чего-то великаго и радостнаго. Какъ дѣти передъ елкой, вы много суетились и волновались. Внутренній огонь вашъ нарасталъ, что день, то жарче, и не было такой мелочи, для которой у васъ не хватило бы пылу и о которой вы не спорили бы съ увлеченіемъ и страстью. Все вамъ казалось страшно важнымъ, все играло роль въ вашей жизни. Новая книжка толстаго журнала была событіемъ. Удачная статья производила впечатлѣніе большой политической побѣды. Не въ тонъ сказанное слово называлось измѣной. Пять лѣтъ ссылки на поселеніе считались драконовской жестокостью. Когда по улицѣ проходилъ актеръ, художникъ или писатель, вы толкали другъ друга въ бокъ и шептали: смотри, кто идетъ!

Теперь не то. Захолустный небывальщина, котораго легко было удивить, переродился. Не знаю,

сталь ли онъ умнѣй и лучше, но онъ навидался видовъ -- навидался такихъ вещей, которыя, быть можетъ, изъ десяти поколѣній одному показываетъ исторія. Такъ же, какъ это было нетрудно въ тѣ времена, трудно теперь овладѣть его пресыщеннымъ вниманіемъ, разбудить его исчерпанный энтузіазмъ, задѣть за одну изъ немногихъ еще не лопнувшихъ у него струнъ. Максимъ Горькій могъ бы теперь свободно показаться въ фойѣ театра, это не собрало бы толпы. Коренные римляне рѣдко ходятъ глазѣть на новаго папу или на прїѣзжаго заграничнаго монарха, они это предоставляютъ новоселамъ города: имъ самимъ уже неинтересно, они за тридцать вѣковъ видали и царей, и папъ куда бѣльшаго калибра, вообще видали событія, предъ которыми все величіе первосвященниковъ и королей подобно свѣчкѣ подъ лучами солнца. На это немного похожа теперь ваша психологія. Когда теперь оглядываешься на тѣ еще недавніе годы, кажется, что предъ тобою дѣтски-счастливая молоденькая дѣвушка съ ясными глазами, нарядная въ своемъ незатѣйливомъ ситцевомъ платьицѣ, и хочется сказать: — Какое простенькое время.

Просто жилось и вѣрилось тогда, и простыя пожеланія къ Новому году дѣлали мы другъ другу въ невозвратимые вечера юношескихъ надеждъ. Я еще помню, чего я пожелалъ своимъ сосѣдямъ въ тотъ послѣдній канунъ, я имъ сказалъ: не пожелаю вамъ ни счастья, ни здоровья, ничего. У меня для васъ нѣтъ сегодня пожеланій. Но между нами только что невидимо явился нѣкто новый, годомъ зовутъ его люди, и не вамъ, а ему я хочу принести свое пожеланіе. Я ему желаю запечатлѣть четыре цифры своего имени на вѣчныя времена въ памяти Россіи и человѣчества:

я ему желаю свершить великое. Оттого я не пожелаю вамъ, людямъ, ни счастья, ни здоровья, ничего. Ибо счастье людей помѣха величію года. Чтобы стать великимъ, онъ долженъ перешагнуть черезъ ваше счастье. И сколько бы ни было между вами тѣхъ, кому суждено схоронить свое счастье и самую жизнь подъ стопами побѣдоноснаго года, и какъ бы они близки ни были моему сердцу — да свершится.

Я разучился теперь говорить такія слова. Мнѣ все чаще кажется, что я вообще разучился говорить съ вами. Если бы я сидѣлъ сегодня за вашимъ столомъ, я бы не сталъ пить ваше вино и не сказалъ бы вамъ ни одного слова.

Я молчалъ бы съ вами не потому, что не вѣрю больше въ «великое». Напротивъ, я не сомнѣваюсь въ его неизбѣжности. Но душа моя холодна.

Я молчалъ бы оттого, что мнѣ чуждо ваше завтра, чужда ваша вѣра и чужды вы сами. Вы — единственные на свѣтѣ, чьихъ праздниковъ я не дѣлю. Ни одна ваша радость не задѣваетъ меня, ваши горести кажутся мнѣ мелкими, ваши надежды жалкими и вся жизнь ваша ничтожною. Когда вы плачете о своихъ увѣчьяхъ, мнѣ противно, потому что вы размѣняли на полушки большую трагедію. Надо играть ее со стиснутыми зубами, съ блѣдными лицами, сухими глазами: вы ее ведете въ тонѣ плаксивой жалобы, и мнѣ тяжело смотрѣть на ваше надругательство. Когда же вы радуетесь или надѣетесь, непреодолимая волна отвращенія подымается къ моему горлу, потому что я вижу, за какіе гроши вы продаете свою радость, на какіе мелкіе крючки можно поймать вашу надежду. Я думалъ, что вамъ больше цѣна.

Оттого одно только могъ бы я сказать вамъ сегодня,

будь я сегодня съ вами: мнѣ вамъ нечего желать, потому что мнѣ безразличенъ вашъ завтрашній день. Для меня существуетъ только *мое* завтра, только *моя* заря, въ которую вѣрю всеѣмъ трепетомъ моего существа, и ничего мнѣ больше не нужно. Не могу я сказать: желаю вамъ счастья въ наступившемъ году, — это было бы неискренно. Ибо если вамъ на минуту покажется, будто вы счастливы, я надѣну трауръ и приду на вашъ праздникъ, осмѣю ваше легковѣріе, вышучу ваши тосты, прокаркаю надъ вами злую правду и отравлю каждую каплю вашего благодушества. Это единственное, что меня еще связываетъ съ вами: я хочу колоть правдою ваши глаза, опрокидывать ваши карточные домики, тушить ваши волшебные фонари съ пестрыми картинками, чтобы вы ясно видѣли предъ собою глухую стѣну и вокругъ себя унылую безнадежность; и сколько станетъ моей силы, я вамъ не дамъ ни на день забыться, я вамъ не дамъ тѣшить себя и мечтать.

Больше мнѣ съ вами не о чемъ говорить; все остальное, чѣмъ вы живете, не интересуется меня, только насильно могу я сосредоточить свои мысли на вашихъ вещахъ и дѣлахъ, лишенныхъ для меня всякой цѣнности, — и это мнѣ съ каждымъ днемъ становится труднѣе. Съ каждымъ днемъ растетъ отдаленіе между мною и вашимъ міромъ: я уже съ трудомъ различаю, что у васъ тамъ копошится, и скоро, можетъ быть, всеѣмъ перестану различать.

Я не служу и не хочу служить ничему изъ всего того, что вамъ дорого. У васъ тамъ есть свои идеалы: я ихъ очень цѣню, но въ рукахъ у васъ они смѣшны и бесплодны; поэтому я издѣваюсь надъ ними и надъ вами и буду бороться съ ними и съ вами,

для торжества моей вѣры, всѣми путями и всѣми орудіями, во что бы то ни стало.

Я когда-то сильно чувствовалъ красоту свободаго, не-рядового человѣка, «человѣка безъ ярлыка», человѣка безъ должности на землѣ, безпристрастнаго къ своимъ и чужимъ, идущаго путями собственной воли черезъ головы ближнихъ и дальнихъ. Я и теперь въ этомъ вижу красоту. Но за себя я отъ нея отказался. Въ моемъ народѣ былъ жестокой, но глубокой обычай: когда женщина отдавалась мужу, она срѣзала волосы. Какъ общій обрядъ, это дико. Но воистину бываетъ такая степень любви, когда хочется отдать все, даже свою красоту. Можетъ быть, и я бы могъ летать по вольной волѣ, звенѣть красивыми пѣснями и купаться въ недорогомъ трескѣ вашихъ рукоплесканій. Но не хочу. Я срѣзалъ волосы, потому что я люблю мою вѣру. Я люблю мою вѣру, въ ней я счастливъ, какъ вы никогда не были и не будете счастливы, и ничего мнѣ больше не нужно.

Поздравляйте другъ друга съ Новымъ годомъ, если вамъ это не надоѣло. Я не вижу для васъ разницы между вчерашнимъ и нынѣшнимъ днемъ и не имѣю для васъ ничего, ни добраго, ни худого слова.

Вѣна, 1 янв. 1908.

О „ЕВРЕЯХЪ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ“

Въ «Свободныхъ Мысляхъ» была помѣщена статья г. Чуковского о евреяхъ въ русской литературѣ; потомъ появилась на ту же тему статья г. Тана, больше похожая на лирическое письмо, чѣмъ на статью. Последнее обстоятельство даетъ и мнѣ поводъ высказаться по этому вопросу. Будь это споръ, я бы не принялъ участія въ немъ... Другое дѣло обмѣнъ личными настроеніями, по лирическому примѣру г. Тана, и я прошу позволенія послѣдовать этому примѣру.

Кое въ чемъ наши личныя настроенія сходны. Меня весьма тронуло, напримѣръ, что г. Танъ пишетъ всѣми буквами чернымъ на бѣломъ: «мы, еврей». Это нововведеніе: насколько знаю, это въ русской печати второй случай. Обыкновенно еврейскіе сотрудники русскихъ газетъ пишутъ о евреяхъ не «мы», а «они»; мѣстоименіе перваго лица приберегается для болѣе эффектныхъ случаевъ, напримѣръ: «мы, русскіе», или «нашъ братъ русакъ» (я самъ читалъ). Растрогало меня и то, что г. Танъ отказывается считаться съ пресловутымъ доводомъ, будто не слѣдуетъ «въ такое время» задѣвать «такой вопросъ». Мы съ г. Таномъ прекрасно знаемъ, что дѣло тутъ не въ задѣваніи

вопроса, а въ упоминаеніи лишній разъ слова «еврей», чего многіе терпѣть не могутъ; въ этомъ смыслѣ «такое время» было и годъ, и два, и пять лѣтъ, и пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Но вслухъ, конечно, приводятся самыя благородныя мотивы — что не надо, молъ, «играть въ руку». Выѣденнаго яйца не стоятъ эти благородныя мотивы. Изъ-за нихъ не было еврейскому публицисту никакой возможности поговорить съ евреями, читающими по-русски, объ ихъ дѣлахъ или объ ихъ недостаткахъ — напримѣръ, о множествѣ рабскихъ привычекъ, развившихся въ нашей психологии за время обрусѣнія нашей интеллигенціи. Эта интеллигенція не читала ни «Восхода», ни древнееврейскихъ и жаргонныхъ газетъ, а читала больше всего провинціальную прессу черты осѣдлости — которую кромѣ нея почти никто не читалъ, въ которой кромѣ нея почти никто не писалъ, и которая въ общемъ не печатала ни одного слова о еврейскихъ дѣлахъ. Порою хотѣлось рвать на себѣ волосы отъ бѣшенства, и знаете ли, теперь тоже нерѣдко хочется. Лучше бы тысячу разъ «сыграть на руку» чернымъ людямъ, которые отъ этого не стали бы чернѣе, чѣмъ такъ наглухо запретъ всѣ пути къ среднему еврейскому интеллигенту, чѣмъ такъ упорно приучать его къ забвенію о себѣ самомъ и о долгѣ самокритики, чѣмъ такъ обидно воспитывать въ немъ унизительное невниманіе къ себѣ и своему дѣлу...

По существу предмета наши настроенія зато врядъ ли совпадаютъ. Обсуждать, хороши или плохи евреи въ чужихъ литературахъ, я не стану — это было бы уже споромъ, отъ котораго я отказался. Замѣчу только, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, чувствуетъ ли себя г. Танъ, какъ самъ утверждаетъ, неразрывно

привязаннымъ къ русской литературѣ, или не чувствуетъ. Г. Чуковский отнюдь и не собирался оторвать его или другихъ отъ русской литературы; онъ только задалъ себѣ вопросъ, велика ли польза русской литературѣ отъ этихъ неразрывныхъ привязанностей, и пришелъ *sine ira et studio* къ печальнымъ выводамъ. Чтобы не прятать даже мимоходомъ своего мнѣнія, прибавлю, что я съ г. Чуковскимъ совершенно согласенъ; прошу г. Тана не принять это съ моей стороны за щелчокъ по его адресу — я его, г. Тана, кромѣ газетныхъ статей, право не читалъ и судить не могу; но вообще нахожу, что евреи пока ничего не дали русской литературѣ, а дадутъ ли много впредь — не вѣдаю. Однако не сомнѣваюсь, что противъ г. Чуковского былъ уже въ печати, какъ водится, выдвигнутъ длинный списокъ «еврейскихъ замѣчательныхъ людей», блистательное доказательство нашихъ великихъ заслугъ передъ отечествомъ и человечествомъ. «Разсвѣтъ» остроумно замѣтилъ, что въ этихъ случаяхъ докапываются чуть ли не до дѣвиць, окончившихъ гимназію съ золотою медалью. Таковыхъ, слава Богу, не мало, и честь Израиля нетрудно спасти, ибо мы люди маленькіе и малымъ довольны. Заграницей наши онѣмеченные или офранцузенные братья чувствуютъ себя на вершинахъ радости, когда когонибудь изъ нихъ въ кои вѣки примутъ въ высшемъ туземномъ обществѣ; они дѣлаютъ важныя лица и говорятъ многозначительно: ого! А у насъ однажды г. Горнфельдъ, я помню, печатно выразилъ свой восторгъ по поводу того, что «въ одномъ разсказѣ Елпатовскаго больше интереса къ евреямъ, чѣмъ во всѣхъ сочиненіяхъ Успенскаго», — изъ чего явствуетъ прогрессъ гуманности и благого просвѣщенія. Послѣ

этого почему же не удовлетвориться гордымъ сознаниемъ, что нашего такого-то печатають въ лучшихъ журналахъ — такъ сказать, принимаютъ въ высшемъ туземномъ обществѣ? При маломъ честолюбіи и на запяткахъ уютно...

Если г. Тану или другимъ уютно въ русской литературѣ, то вольному воля. Я, напримѣръ, не только не сталъ бы ихъ манить назадъ, но даже не выражу сомнѣнія, точно ли такъ имъ уютно, какъ они рассказываютъ. Напротивъ, признаю и не сомнѣваюсь. Но я это иначе объясняю, иначе освѣщаю. Г. Танъ объясняетъ свои родственныя чувства къ русской литературѣ, между прочимъ, и тѣмъ, что дѣды его захватили жаргонъ проходя черезъ Ахенъ, а ему, г. Тану, какое дѣло до Ахена? Это резонъ, но я совѣтовалъ бы г. Тану употреблять его порѣже и съ осторожностью; ибо мы на своемъ пути прошли не только черезъ Ахенъ, но и черезъ Вильну, Кіевъ, Одессу, отчасти черезъ Петербургъ и Москву, и если мы начнемъ такъ небрежно отмахиваться отъ попутныхъ городовъ, то намъ съ г. Таномъ могутъ со стороны предъявить вопросъ: — Что это такое? *Cuius regio, eius religio*? Гдѣ переночевали, тамъ и присягнули, а выйдя вонъ — наплевали? Эхъ, вы, патриоты cadaго полустанка...

Я бы лично этого окрика не хотѣлъ, и потому предпочитаю не плевать на Ахенъ и не лобызать торцовъ Петербурга. Свои гражданскія обязанности несущу тамъ, гдѣ я приписанъ и ѣмъ хлѣбъ, и несущу ихъ корректно; въ сердце же къ себѣ я чужихъ людей не пускаю; въ томъ, какой я городъ люблю и къ какому городу равнодушенъ, никому давать отчета не желаю, и принципиально демонстрирую совершенно

одинаковое благорасположеніе къ Ахену и Москвѣ. Будь у меня всамдѣлишный свой городъ, я бы тогда сталъ говорить о любви; и это, быть можетъ, была бы такая любовь, какую сорокъ тысячъ людей на за-пяткахъ любить не въ силахъ. Но при нынѣшнемъ моемъ положеніи воздаю кесарево кесареви, а божію держу про себя. Исповѣдую лойяльный космополи-тизмъ, и ни на сантиметръ больше.

Самый же вопросъ о жаргонѣ я беру не съ точки зрѣнія Ахена, да и вопросъ о томъ, въ какую ли-тературу идти еврейскому писателю, беру не съ точки зрѣнія жаргона. Съ жаргономъ я считаюсь потому, что на немъ фактически говоритъ народъ, и, слѣ-довательно, для того, чтобы работать въ народѣ и съ народомъ, надо работать и на жаргонѣ. Это ясно, какъ дважды два четыре, и совершенно при этомъ не важно, гдѣ, когда и изъ чьихъ рукъ мы подо-брали это нарѣчіе. Но вопросомъ о языкѣ еще не рѣшается вопросъ о томъ, куда идти, въ какую ли-тературу. Часть евреевъ (по переписи 1897 года три процента, теперь должно быть больше) вырастаетъ, не владѣя жаргономъ, и нѣкоторымъ изъ этого числа очень трудно потомъ овладѣть. Это большая помѣха для работы въ еврейскомъ переулкѣ, это заставляетъ писать по-русски, но писать по-русски еще само по себѣ не значить уйти изъ еврейской литературы.

Въ наше сложное время «національность» лите-ратурнаго произведенія далеко еще не опредѣляется языкомъ, на которомъ оне написано. Это ясно въ осо-бенности по отношенію къ публицистикѣ. «Разсвѣтъ» издается на русскомъ языкѣ, но вѣдь никто не отне-сетъ его къ русской печати. Такъ же точно къ еврей-ской, а не къ русской литературѣ относятся наши

бытописатели О. Рабиновичъ и Венъ-Ами, или поэтъ Фругъ, хотя ихъ произведенія написаны по-русски. Рѣшающимъ моментомъ является тутъ не языкъ, и съ другой стороны даже не происхождение автора, и даже не сюжетъ: рѣшающимъ моментомъ является *настроеніе* автора — для кого онъ пишетъ, къ кому обращается, *чи* духовные запросы имѣетъ въ виду, создавая свое произведеніе. Путникъ можетъ спросить, не относится ли въ такомъ случаѣ погромная прокламація «Къ жидамъ г. Гомеля» тоже въ вертоградъ еврейской литературы; но если не оперировать курьезами и брать вопросъ серьезно, то «національность» литературнаго произведенія въ такихъ спорныхъ случаяхъ устанавливается, такъ сказать, по адресату. Если пишете для евреевъ, то много ли, мало ли васъ прочтутъ, но вы остаетесь въ предѣлахъ или хотя на окраинахъ еврейской литературы. Можно поэтому не знать жаргона и всетаки не дезертировать, а служить, по мѣрѣ силъ и данныхъ, своему народу, говорить къ нему и писать для него. Дѣло тутъ не въ языкѣ, а въ охотѣ.

Я прекрасно понимаю, что нелегко требовать этой охоты отъ писателя, знающаго по-русски. Онъ можетъ писать для русской публики, это гораздо заманчивѣе — и аудиторія неизмѣримо больше, и жизнь шире, многообразнѣе, богаче. Испушеніе слишкомъ велико. Отрваться отъ этого простора и сосредоточить свои мысли на переживаніяхъ еврейства — это жертва, для нѣкоторыхъ и большая жертва. Изъ малороссовъ, одаренныхъ сценическимъ талантомъ, большинство пока уходитъ на великорусскіе подмостки, и причина та же: аудиторія шире и культурнѣе, репертуаръ лучше, общественное признаніе куда серьезнѣе... Одного за-

мѣтнаго столичнаго публициста недавно убѣдили стать во главѣ органа, посвященнаго еврейскимъ интересамъ; и онъ черезъ мѣсяць ухватился за первый поводъ и ушелъ, высказавшись такъ: — У меня все время было такое чувство, точно я изъ громаднаго зала попалъ въ чуланъ...

Не виню совершенно ни его, ни ему подобныхъ; но съ другой стороны нечѣмъ тутъ и гордиться. Человѣческая мысль очень лукава и умѣетъ раскрасить въ багрець и золото какой угодно поступокъ; и въ этихъ случаяхъ она подсказываетъ уходящимъ изъ чулана красивыя рѣчи о томъ, что широкое лучше узкаго, общечеловѣческое (русское называется общечеловѣческимъ) важнѣе національнаго, интересы ста милліоновъ съ лишнимъ важнѣе интересовъ пяти милліоновъ, и такъ далѣе. Но все это пустыя словеса передъ тѣмъ фактомъ, что нашъ народъ остается безъ интеллигенціи и некому направлять его жизнь. Оттого я сказалъ, что иначе все это освѣщаю, въ иную мѣру оцѣниваю, и могу вамъ назвать совершенно искренно, въ какую именно мѣру. Въ грошъ я это оцѣниваю, эти раззолоченные узоры на халатѣ дезертира, эти пошлости на тему объ узкомъ, широкомъ и общечеловѣческомъ, потому что это неправда. Если человѣкъ уходитъ изъ чулана въ большой залъ, значить онъ пошелъ по линіи своей выгоды, и больше ничего. Не поймите меня банально, я не говорю о денежной выгодѣ; но идти по линіи своей выгоды значить идти туда, гдѣ человѣку легче удовлетворить свои аппетиты и запросы, гдѣ атмосфера тоньше, среда культурнѣе, резонансъ шире, подмости прочнѣе и вообще все пышнѣе и богаче. Только потому они и уходятъ, и ничего нѣтъ въ этомъ возвышеннаго, ибо

всякій средній человѣкъ предпочитаетъ Римъ деревнѣ и согласенъ даже быть въ Римѣ сто пятнадцатымъ, лишь бы ходить по мрамору, а не по деревенской улицѣ. Можетъ быть, въ томъ то и дѣло, что только средніе люди такъ разсуждаютъ, и потому Бяликъ и Перець у насъ, а въ русской литературѣ подвизается г. Танъ и еще не помню кто; но оттого народу не легче, если у него остаются генералы и нѣтъ офицеровъ, и дезертирство остается дезертирствомъ. Я этимъ никого не ругаю, я человѣкъ трезвый и не вижу въ дезертирствѣ никакого позора, а простой благоразумный расчетъ: на этомъ посту мнѣ, интеллигенту, тяжело и тѣсно, а тамъ мнѣ будетъ легче и привольнѣе — вотъ я и переселяюсь. Вольному воля. Мало что въ чуланѣ осталась толпа безъ вождей и безъ помощи — вѣдь никто не обязанъ быть непременно хорошимъ товарищемъ. Счастливой дороги. Но не рядите расчета въ принципиальныя тряпки, не ссылайтесь на возвышенныя соображенія, которыхъ не было и не могло быть у людей, что покинули насъ въ такой неслыханной безднѣ и перетанцовали на ту сторону къ богатому сосѣду. Насъ вы этими притчами не обманете: мы хорошо знаемъ, въ чемъ дѣло, знаемъ, что мы теперь культурно нищи, наша хата безотраднa, въ нашемъ переулкѣ душно, и нечѣмъ намъ наградить своего поэта; мы знаемъ себѣ цѣну... но и вамъ тоже!

Опять таки настаиваю на прежнемъ: мой набросокъ получилъ оттѣнокъ бесѣды съ г. Таномъ, и г. Танъ можетъ принять это все на свой счетъ, а мнѣ бы не хотѣлось. Ей-Богу, я въ точности не знаю, перекочевалъ ли онъ или нѣтъ, говорю не о немъ и вообще не о комъ-нибудь, а такъ. Обмѣ-

ниваюсь личными настроеніями. И разъ это личное настроеніе, то хочу вамъ указать еще одну его деталь: нашу окаменѣлую, сгущенную, холодно-бѣшеную рѣшимость удержаться на посту, откуда сбѣжали другіе, и служить еврейскому дѣлу чѣмъ удастся, головой и руками и зубами, правдой и неправдой, честью и местию, во что бы то ни стало. Вы ушли къ богатому сосѣду — мы повернемъ спину его красотѣ и ласкѣ; вы поклонились его цѣнностямъ и оставили въ запустѣніи нашу каплицу — мы стиснемъ зубы и крикнемъ всему міру въ лицо изъ глубины нашего сердца, что одинъ малышъ, болтающій по древне-еврейски, намъ дороже всего того, чѣмъ живутъ ваши хозяева отъ Ахена до Москвы. Мы преувеличимъ свою ненависть, чтобы она помогала нашей любви, мы натянемъ струны до послѣдняго предѣла, потому что насъ мало и намъ надо работать каждому за десятерыхъ, потому что вы сбѣжали и за вами еще другіе сбѣгутъ по той же дорогѣ. Надо же кому-нибудь оставаться. Когда на той сторонѣ вы какъ-нибудь вспомните о покинутомъ родномъ переулкѣ, и на минуту, можетъ быть, слабая боль пройдетъ по вашему сердцу, — не безпокойтесь и не огорчайтесь, великодушные братья: если не надорвемся, мы постараемся отработать и за васъ.

1908.

ЧЕТЫРЕ СТАТЬИ О „ЧИРИКОВСКОМЪ ИНЦИДЕНТЪ“ *)

(1909).

I

ДЕЗЕРТИРЫ И ХОЗЯЕВА

Изъ всей обстановки любопытнаго случая, разыгравшагося на чтеніи новой драмы г. Шолома Аша, и изъ всѣхъ разговоровъ, которые затѣмъ послѣдовали, неопровержимо вытекаетъ одна непріятная правда: что г. Чириковъ высказалъ коллективныя мысли. Объ этихъ щекотливыхъ предметахъ наши сосѣди, повидимому, уже давно шутятъ. Мы найдемъ, конечно, утѣшителей, которые станутъ божиться, по обыкновенію, что г-да Чириковъ и Арабажинъ совершенно одиноки въ своемъ образѣ мыслей; при этомъ случаѣ, кстати, вспомнить, что г. Чириковъ не особенно талантливъ, и даже его пьесу

*) „Инцидентъ“, надѣлавшій въ свое время много шума, заключался въ томъ, что два прогрессивныхъ писателя — г-да Чириковъ и Арабажинъ — высказали въ одномъ кружкѣ взгляды, которые потомъ были въ печати истолкованы какъ протестъ противъ наплыва евреевъ въ русскую литературу.

«Евреи» не пощаждать, а г-на Арабажина, который мало извѣстенъ, и совсѣмъ низведуть до нуля; и получится, какъ всегда, что только нули осмѣливаются ворчать противъ евреевъ, а «лучшая часть интеллигенціи неизмѣнно стоитъ за насъ». Что и требовалось доказать. Но неприятная правда всетаки въ томъ, что г. Чириковъ высказалъ общія мысли, и это въ его лицѣ русская интеллигенція начинаетъ показывать коготки. Насколько талантливъ г. Чириковъ, предоставляю судить тѣмъ счастливымъ, которые читали этого писателя: я, кромѣ «Евреевъ», никакихъ плодовъ его пера не вкушалъ. Но если правду говорить, что г. Чириковъ и по таланту, и по всѣмъ другимъ качествамъ посредственность, то тѣмъ характернѣе этотъ выпадъ. Тутъ передъ нами, очевидно, человѣкъ какъ всѣ, т. е. самый цѣнный типъ для изученія массовой психологіи: въ свое время, когда надвигалась весна и «всѣ» были добродушно настроены, онъ отъ чистаго сердца написалъ юдофильскую пьесу, а теперь, когда «всѣ» начали морщиться, онъ опять таки отъ чистаго сердца запротестовалъ противъ нашествія кашерныхъ блюдъ на столъ русской литературы. Тогда дѣйствовалъ безъ умысла и теперь инстинктивно отражаетъ свою среду. И столь же симптоматично выступленіе г. Арабажина. Большая публика, особенно еврейская, совсѣмъ его не знаетъ, и потому надо ей сказать, что это одинъ изъ тѣхъ людей, которые всю жизнь ужасно заботятся, какъ бы не подмарать и не подмочить свою передовую репутацію. Въ этой заботѣ чуть ли не главный моментъ ихъ политической психологіи. Въ свое время г. Арабажинъ редактировалъ «Сѣверный Курьеръ», выступившій въ защиту евреевъ послѣ скан-

дала съ «Контрабандистами». Теперь онъ, хотя съ оговорками, осторожно, кончикомъ мизинца, поддержаль г. Чирикова въ томъ смыслѣ, что вотъ, дѣйствительно, есть и такое мнѣніе, и хотя мое дѣло сторона, а вы, евреи, всетаки приутихните. «До сихъ поръ вы имѣли дѣло только съ отбросами общества, теперь будете имѣть дѣло съ настоящей русской интеллигенціей», предсказываетъ г. Арабажинъ. И будьте увѣрены — разъ г. Арабажинъ объ этомъ говорить, значить объ этомъ уже *можно* говорить: отлученіе отъ передового лагеря не послѣдуетъ. Люди этой категории выступаютъ только тогда, когда чувствуютъ за собою молчаливый мандатъ многихъ. Конечно, г-да Чириковъ и Арабажинъ люди не крупные, но вѣдь никогда первачи не бываютъ застрѣльщиками, и никогда не только генералы, но и вообще большіе люди не бѣгутъ передъ полкомъ, отправляющимся въ походъ. Впереди бѣжить, обыкновенно, городское отрочество и вообще элементы менѣе цѣнные и зато болѣе подвижные, а настоящая серьезная сила идетъ сзади, и, быть можетъ, не сейчасъ.

Въ данномъ случаѣ даже очень вѣроятно, что не сейчасъ. Политическій моментъ всетаки неудобень для открытаго разрыва между русской передовой интеллигенціей и евреями. Главные органы передовой печати постараются замаять всю эту исторію (они упорно молчатъ о ней), а потомъ и въ еврейской средѣ подымутъ голосъ утѣшители, оправившіеся отъ ошеломленія, и запоютъ старую пѣсню, что все обстоитъ благополучно, — старую пѣсню, приниженную, льстивую, неискреннюю, — старую пѣсню, на которую не стоитъ отвѣчать, ибо авторы ея лгутъ и сами знаютъ, что лгутъ и что никто имъ не вѣритъ. А подъ шумокъ

этихъ успокоительныхъ завѣреній будетъ дѣлаться тихое, незамѣтное дѣло: всѣ тѣ отрасли русской умственной жизни, которыя теперь «заполнены» евреями, начнутъ потихоньку избавляться отъ этого услужливаго, дешеваго, но непопулярнаго элемента. Лозунгъ «judenrein!» проникнетъ понемногу и въ передовую прессу, и въ издательства, и въ передовой театр; для этого совсѣмъ не потребуется, чтобы во главѣ учреждений стали антисемиты — напротивъ, найдутся и еврейскіе редакторы или антрепренеры, даже некрещенные, которые, считаясь съ настроеніемъ потребителя, сами позаботятся объ уменьшеніи процента евреевъ. Создадутся вполне приличныя литературныя общества, куда евреямъ будетъ затрудненъ доступъ, конечно въ самой благородной формѣ, безъ подчеркиваній, безъ явнаго антисемитизма. Вообще до антисемитизма, въ грубомъ смыслѣ этого слова, у передовой интеллигенціи дѣло еще не скоро дойдетъ, а просто захочется ей пока побыть наединѣ съ собою, безъ постоянного еврейскаго свидѣтеля, который слишкомъ акклиматизировался, чувствуетъ себя черезчуръ по домашнему, во все вмѣшивается, всюду подаетъ голосъ...

Что этотъ процессъ вытѣсненія евреевъ изъ послѣднихъ убѣжищъ нѣкогда неудержимо начнется, можно предсказать безъ всякой робости. Лично я предсказываю это не только безъ всякой робости, но и безъ всякаго сожалѣнія. Реальной потери для еврейства тутъ не предвидится, кромѣ той, что нѣсколько сотъ душъ изъ еврейскаго умственнаго пролетаріата останутся безъ заработковъ. Но что значать нѣсколько сотъ душъ при нашей повальной нищетѣ? А больше ничего, кромѣ хлѣба для нѣсколькихъ сотъ душъ, эта еврейская

эмиграція въ русскую литературу, прессу и театр намъ не давала. Популяризація нашихъ Игрековъ и Имярековъ не принесла намъ никакой пользы, кромѣ развѣ той, что расшатала въ русской публикѣ предразсудокъ о поголовной талантливости евреевъ. Популяризація Шолома Аша привела только къ тому, что онъ (а за нимъ и другіе жаргонисты) сталъ писать не для *насъ*, а для *нихъ*. Да достаточно характеренъ и тотъ мелкій фактъ, что на первую читку новой пьесы г. Ш. Аша приглашаются рецензенты всѣхъ русскихъ газетъ и ни одной души отъ еврейскихъ изданій. Въ этомъ вся писательская психологія нашего поэта, пригрѣтаго на русскомъ рынкѣ. А меньше всего дала намъ эта эмиграція на русскій рынокъ въ смыслѣ политическомъ. Передовыя газеты, содержимыя на еврейскія деньги и переполненныя сотрудниками-евреями, до сихъ поръ, несмотря на всѣ наши вопли, игнорируютъ еврейскія нужды и молчатъ въ отвѣтъ на юдофобскую травлю. Очевидно, даже при обилии евреевъ свято соблюдается принципъ — не портить русскихъ газетъ еврейскими темами, и сами еврейскіе сотрудники и редакторы ничего противъ этого правила не имѣютъ. Обидно, конечно, если въ награду за такое безкорыстное самозабвеніе имъ теперь начнутъ постепенно указывать на дверь. Но что теряетъ еврейство, если въ русской печати не будетъ этихъ людей, которые пальцемъ о палецъ не ударили въ его защиту въ эту эпоху неслыханной травли? Ничего не теряетъ, ни одного заступника, ни одного учителя.

Мы, настаивавшіе всегда на концентраціи національныхъ силъ, требовавшіе, чтобы каждая капля еврейскаго пота падала на *еврейскія* нивы, — мы только со стороны можемъ слѣдить за развитіемъ этого кон-

фликта между нашими дезертирами и ихъ хозяевами, — со стороны. какъ зрители, въ лучшемъ случаѣ безучастно, въ худшемъ случаѣ съ горькой усмѣшкой. Щелчокъ, полученный дезертирами. насъ не трогаетъ, и когда онъ разовьется даже въ цѣлый градъ зауше-ній, — а это будетъ, — намъ тоже останется только пожать плечами. ибо что еврейскому народу въ людяхъ, которыхъ высшая гордость была въ томъ, что они, за ничтожными исключеніями, махнули на него рукою?

Мы не видимъ повода горевать. Не видимъ и повода изумляться. Во всемъ этомъ нѣтъ для насъ ничего новаго. Когда евреи массаи кинулись творить русскую политику, мы предсказали имъ, что ничего добраго отсюда не выйдетъ ни для русской политики, ни для еврейства, и жизнь доказала нашу правоту. Теперь евреи ринулись дѣлать русскую литературу, прессу и театръ, и мы съ самаго начала съ математической точностью предсказывали и на этомъ поприщѣ крахъ. Онъ разыграется не въ одну недѣлю, годы потребуются для того, чтобы передовая русская интеллигенція окончательно отмахнулась отъ услугъ еврейскаго вѣрнопопданнаго. и много за эти годы горечи наглотается послѣдній: мы напередъ знаемъ всѣ унизительныя мытарства, какія ждутъ его на этой наклонной плоскости, конецъ которой въ сорномъ ящикѣ, и по человѣчеству и по кровному братству больно намъ за него. Но не нуженъ онъ ни намъ. ни кому другому на свѣтѣ, вся его жизнь недоразумѣніе, вся его работа — пустое мѣсто, и на всѣ приключенія его трагикомедии есть у насъ одинъ только отзывъ: туда и дорога.

II

АСЕМИТИЗМЪ

Нѣкоторые органы большой передовой прессы Петербурга рѣшили, очевидно, совсѣмъ замолчать случай съ г-дами Чириковымъ и Арабажинымъ. Это можно было предвидѣть заранѣе. Въ эпоху ассимиляціи нѣмецкихъ евреевъ кто-то пустилъ въ обращеніе слѣдующую формулу: лучшій способъ проявить юдофильство, это — не говорить ни слова ни о евреяхъ, ни объ ихъ противникахъ. Лучшій ли, не знаю, но, несомнѣнно, удобнѣйшій способъ. Въ нравы и традиціи русской печати ввела его почтенная и заслуженная московская газета, деканъ и образецъ русскаго прогрессизма. Эта газета выдвинулась въ эпоху самой отчаянной травли еврейскаго племени и стойко молчала въ теченіе 25 лѣтъ на сію щекотливую тему: не обмолвилась ни однимъ звукомъ ни о евреяхъ, ни объ ихъ литературныхъ гонителяхъ. Примѣръ не остался безъ подражателей, и съ тѣхъ поръ замалчиваніе считается высшимъ шикомъ прогрессивнаго юдофильства. Такой шикъ задають теперь «Наша Газета» и «Рѣчь» по поводу чириковскаго приключенія. Какъ разъ въ тѣхъ кругахъ, которые весьма близки

объёмъ редакціямъ, объ этомъ случаѣ говорятъ очень много, а объ газеты молчатъ и, несомнѣнно, думаютъ, что у нихъ это выходитъ очень эффектно и многозначительно: сама, дескать, истина молчитъ нашими устами!

Съ послѣднимъ я вполне согласенъ и даже попытаюсь разобраться въ таинственномъ содержаніи этого многозначительнаго безмолвія. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ молчитъ истина устами почтенныхъ органовъ? Что знаменуетъ ихъ нѣмота въ этомъ случаѣ?

Ис тогда надо начать съ другой догадки: что знаменуетъ самый случай, каковъ его общественный смыслъ? Московскія газеты даютъ безхитростный и грубоватый отвѣтъ: культурный антисемитизмъ. Кто-то какъ-то предсказывалъ, что вмѣсто д-ра Дубровина возстанетъ у насъ когда-нибудь д-ръ Люэгеръ, и это будетъ куда пострашнѣе; и вотъ московскія газеты полагаютъ, что моментъ уже близокъ, и гг. Чириковъ и Арабажинъ возвѣстили скорое пришествіе новаго д-ра Дубровина, въ исправленномъ и очищенномъ изданіи.

Врядъ ли оно такъ. Прежде всего надо заступиться за гг. Чирикова и Арабажина: когда они увѣряютъ, что ничего антисемитскаго не было въ ихъ рѣчахъ, то они оба совершенно правы. Изъ-за того, что у насъ считается очень *distingué* помалкивать о евреяхъ, получилось самое нелѣпое слѣдствіе: можно попасть въ антисемиты за одно слово «еврей» или за самый невинный отзывъ о еврейскихъ особенностяхъ. Я помню, какъ одного очень милаго и справедливаго господина въ провинціи объявили юдофобомъ за то, что онъ прочелъ непочтительный докладъ о литературной величинѣ Надсона. Когда г. Чуковский констатировалъ тотъ неопровержимый фактъ, что еврей, под-

визающіеся въ русской изящной литературѣ, ничего стоящаго ей не дали, очень недалеко было отъ того, чтобы и г. Чуковского ославили антисемитомъ. То же самое теперь съ г. Чириковымъ. Хороши или плохи русскія бытовья пьесы послѣднихъ лѣтъ, я судить не берусь; но г. Чириковъ совершенно правъ, когда говорить, что глубоко прочувствовать ихъ можетъ только русскій, для котораго Вишневы Садъ есть реальное впечатлѣніе дѣтства, а не еврей. Если бы г. Чириковъ сказалъ: «а не полякъ», никто бы въ этомъ не увидѣлъ ничего похожаго на полонофобію. Только евреевъ превратили въ какое-то запретное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести, и отъ этого обычая теряютъ больше всего именно евреи, потому что, въ концѣ концовъ, создается такое впечатлѣніе, будто и самое имя «еврей» есть непечатное слово, которое надо порѣже произносить...

Кого особенно несправедливо обижаютъ, это г. Арабажина. Если оставить въ сторонѣ его выпады въ печати противъ сіонизма, которые не стоятъ вниманія прежде всего потому, что г. Арабажинъ въ этомъ вопросѣ не компетентенъ, то именно онъ ужъ совсѣмъ ничего грѣховнаго не сказалъ. Онъ и вообще (судя даже по тѣмъ пересказамъ, противъ которыхъ онъ печатно протестуетъ, и тѣмъ болѣе по его собственной передачѣ) не выразилъ въ этомъ спорѣ никакихъ собственныхъ взглядовъ. Онъ только констатировалъ, что настроеніе, звучавшее въ словахъ г. Чирикова, свойственно не одному лишь послѣднему, а имѣетъ или можетъ имѣть сторонниковъ въ кругахъ, прикосновенныхъ къ русской литературѣ и русскому театру. Г. Арабажинъ сдѣлалъ даже оговорку, что лично онъ этого настроенія не раздѣляетъ, но что оно всетаки

есть, и онъ считаетъ долгомъ обратить на это серьезное вниманіе товарищей-евреевъ. Можетъ быть, все это было высказано имъ и г. Чириковымъ въ болѣе мѣшковатой формѣ (нельзя же забывать, что споръ былъ въ частной товарищеской компаніи, гдѣ половина собравшихся другъ съ другомъ на ты), но по существу ничего анти-семитскаго, реакціоннаго и по всѣмъ прочимъ статьямъ преступнаго эти на шумѣвшія рѣчи не содержали. Одно только въ нихъ было: *симптоматическое*.

Именно съ этимъ всего неохотнѣе согласятся юдофилы-замалчиватели. Съ ихъ точки зрѣнія ужь лучше записать гг. Чирикова и Арабажина въ списокъ отлученныхъ отъ прогресса, чѣмъ признать, что въ рѣчахъ этихъ писателей звучалъ смягченный отгласокъ нѣкоего общаго настроенія, пробивающаго себѣ дорогу въ среднемъ кругу передовой русской интеллигенціи. Спорить тутъ невозможно, документальныхъ доказательствъ не добудешь — наличность такого настроенія можно установить пока только наощупь, и не всякій захочетъ признаться, что уловилъ въ другихъ или въ самомъ себѣ нѣчто подобное. Но если быть искреннимъ, то вѣдь ни для кого не тайна, что это такъ. Изъ всѣхъ безчисленныхъ толкствъ, вызванныхъ чириковскимъ инцидентомъ, явственно звучалъ одинъ общій мотивъ: «это» не новость, объ «этомъ» уже давно и много поговариваютъ. Есть, конечно, люди, которые въ такихъ случаяхъ нарочно затыкаютъ уши — и не только себѣ, но и другимъ, въ томъ числѣ и заинтересованной сторонѣ; и пойдетъ эта заинтересованная сторона довѣрчиво дальше по старому пути, не слыша надвигающагося грсма, и потомъ будетъ захвачена врасплохъ. Это считается шикомъ прогрессивнаго образа мыслей, и

ничего не подѣлаешь съ людьми, которымъ такая тактика по вкусу. Я и не намѣренъ ихъ переубѣждать. Пусть притворяются оглохшими и незрячими. А всетаки назрѣваетъ какое-то облачко и невнятно дносится далекій, еще слабый, но уже непривѣтливый гулъ...

Повторяю — то, что назрѣваетъ въ нѣкоторомъ словѣ русской интеллигенціи, не есть еще антисемитизмъ. Антисемитизмъ очень крѣпкое слово, а крѣпкими словами зря не слѣдуетъ играть. Антисемитизмъ предполагаетъ активную вражду, наступательныя намѣренія. Разовьются ли эти чувства когда-нибудь въ русской интеллигенціи, предсказать нелегко; но пока до нихъ еще, во всякомъ случаѣ, далеко. То, чѣмъ вѣетъ теперь, чѣмъ такъ сильно пахнуло изъ-за завѣсы, чуть-чуть приподнятой гг. Чириковымъ и Арабажинымъ, то не антисемитизмъ, а нѣчто отличное отъ него, хотя родственное, и, быть можетъ, служащее предтечей антисемитизму. — Это *асемитизмъ*. Въ Россіи это слово мало извѣстно, зато за границей, гдѣ куда лучше знаютъ толкъ въ разныхъ оттѣнкахъ жидоморства, оно давно въ ходу. Это не борьба, не травля, не атака: это — безукоризненно корректное по формѣ желаніе обходиться въ своемъ кругу безъ нелюбимаго элемента. Въ разныхъ профессиональныхъ сферахъ оно разное проявляется. Въ сферѣ литературно-художественной, съ которой у насъ «началось», оно приняло бы форму такого разсужденія: я пишу свою драму для своихъ и имѣю право предпочитать, чтобы на сценѣ ее разыграли свои и критику писали свои. Этакъ мы лучше поймемъ другъ друга.

Если хотите, не вижу въ этомъ еще невнятномъ вѣяніи ничего новаго. Ново только, что объ этихъ

вещахъ начинаютъ говорить: прежде считалось, что «эти вещи» сами собою понятны, вслухъ о нихъ не болтали и просто осуществляли асемитизмъ на практикѣ. И не со вчерашняго дня, а искони. Ибо что есть двадцатипятилѣтнее величавое молчаніе «Русскихъ Вѣдомостей»? Что есть теперешнее молчаніе передовыхъ органовъ? Вотъ уже пять лѣтъ прошло съ кишиневскаго погрома; за это время Россію наводнили книжками и листками, проповѣдующими племенную рѣзню, десятки уличныхъ газетъ разносятъ по всѣмъ угламъ зажженную паклю ненависти къ евреямъ; чуть ли не вся идеологія реакціоннаго движенія сводится къ этой ненависти, и, казалось бы, уже хотъ потому, если не изъ рыцарской потребности заступиться за угнетеннаго, полагалось русской передовой печати бороться противъ этой пропаганды. Русская передовая печать ничего въ этомъ смыслѣ не сдѣлала. Да прсститея мнѣ рѣзкое слово: больше вбитыхъ гвоздей я нашелъ въ мертвыхъ глазницахъ одной изъ жертвъ погрома въ Бѣлостокѣ, чѣмъ статей объ этомъ погромѣ въ русской передовой печати. Были постановленія какихъ-то съѣздовъ, чтобы газеты энергично боролись съ юдофобской пропагандой, и тоже не помогло. Не помогло даже изобиліе сотрудниковъ-евреевъ: знаю по горькому опыту, что самое страстное желаніе поднять голосъ въ защиту своей народности разбивалось, за кулисами даже самыхъ смѣлыхъ и боевыхъ органовъ, обо что-то неуловимое и неосязаемое. Много интереснаго можно было бы рассказать на эту тему... Да къ чему? Кто этого не знаетъ? Теперь образовалось нѣсколько издательствъ для борьбы съ антисемитизмомъ; оставимъ въ сторонѣ вопросъ, много ли могутъ они сдѣлать; но любопытно то, что ихъ руко-

водители очень близко стоятъ къ вліятельной передовой печати и хорошо понимаютъ, что статья въ распространенной газетѣ гораздо полезнѣе брошюры, которая Богъ вѣсть еще попадетъ ли въ настоящія руки. И, однако, они вынуждены возиться съ этими брошюрами и не смѣютъ мечтать о борьбѣ съ пропагандой погрома черезъ оппозиціонную прессу. Почему?

Какъ-то я прямо задалъ этотъ вопросъ руководителямъ одной редакціи и выжалъ послѣ множества уклоненій такой отвѣтъ: насъ читаетъ интеллигенція, а она въ такихъ поученіяхъ не нуждается. Было это въ 1906 году. Хорошо. Но теперь у насъ 1909 г. Что-то новое начинаетъ прокрадываться въ русскую интеллигентскую психологію. Если и правда, что тогда русская интеллигенція была иммунизирована отъ юдофобскихъ предрассудковъ, то хватитъ ли у кого-нибудь отваги ручаться, что иммунитетъ сохранился и нынѣ?

О, да, очень многозначительно это безмолвіе. Совѣтую очень глубоко вдуматься въ него читателямъ обѣихъ національностей. Твердой рукою подписываюсь подъ словами г. Арабажина: здѣсь есть предостереженіе и вамъ, и намъ. Предостереженіе тѣмъ болѣе серьезное, что повѣтріе, первые симптомы котораго теперь насъ такъ переполюшили, далеко не такая новость на нашей улицѣ, какъ это можетъ показаться наивному, — ибо зародыши той *асемитической* тенденціи, на которую такъ безхитростно вслухъ указали гг. Чириковъ и Арабажинъ, давно молчаливо таились во всей тактикѣ русской интеллигенціи по одному изъ самыхъ трагическихъ вопросовъ російской жизни...

III

МЕДВѢДЬ ИЗЪ БЕРЛОГИ

«Нынѣ отпускаеши», могутъ сказать г-да Чириковъ и Арабажинъ: подходить, кажется, моментъ, когда небо исполнитъ, наконецъ, завѣтное желаніе этихъ двухъ писателей — ихъ оставить въ покоѣ. Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan — der Mohr kann gehen. Не потому, чтобы инцидентъ былъ исчерпанъ: напротивъ, инцидентъ только начинаетъ завариваться по настоящему, и, если не будетъ войны или чего-нибудь другого очень сенсационнаго, не скоро еще уляжется въ газетахъ эта любопытная исторія. Но дѣло въ томъ, что г-да Чириковъ, Арабажинъ, Ашъ, другой Ашъ и вообще всѣ участники той знаменитой бесѣды вдругъ отошли на второй планъ — ихъ заслонили болѣе крупныя фигуры. На сцену выступили г-да Струве и Милюковъ и, какъ свойственно крупнымъ фигурамъ, сразу взяли быка за рога и поставили точку на і. Пока перессорившіеся между собою совозлежатели мирной трапезы, отнынѣ безсмертной въ лѣтописяхъ еврейскаго дезертирства, обидчиво препирались на разныхъ языкахъ о томъ, какое кто слово сказалъ и какого не сказалъ, г-да Струве

и Милюковъ просто перешагнули черезъ это скандальное крохотопательство и перенесли вопросъ на единственно стоящую почву. Они поняли, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, проштрафился или не проштрафился тотъ или другой маленькій человекъ въ ночь на такое-то число въ частной квартирѣ такого-то, — а важно установить только одинъ моментъ: что тутъ было — случайная шальная пуля, залетѣвшая невѣдомо откуда, или первый, пусть и преждевременный, выстрѣлъ изъ сильнаго и уже недалекаго отъ перехода въ боевое настроеніе лагеря?

Мнѣніе по этому вопросу г. Струве — не новость. Въ разгарѣ выборовъ во вторую Думу онъ заявилъ одному интервьюеру, что настоящій антисемитизмъ — интеллигентскій — еще впереди. Было это напечатано въ газетѣ «Русь» и, конечно, не удостоилось ни перепечатки, ни комментарія въ другихъ передовыхъ органахъ. Теперь г. Струве иными словами повторяетъ ту же мысль. Скрывать русское «національное лицо» — «безнужно и бесплодно, ибо его нельзя прикрыть». А въ чемъ оно состоитъ? Это — не раса, не цвѣтъ кожи и т. д., это есть «нѣчто гораздо болѣе несомнѣнное и въ то же время тонкое. Это — духовныя притяженія и отталкиванія... Они живутъ и трепещутъ въ душѣ». И въ томъ числѣ — «сила отталкиванія отъ еврейства въ самыхъ различныхъ слояхъ (!) русскаго населенія фактически очень велика». Конечно, въ области государственной съ этими «отталкиваніями» считаться не слѣдуетъ, т. е. равноправіе всетаки нужно дать. «Но государственная справедливость не требуетъ отъ насъ національнаго безразличія. Притяженія и отталкиванія принадлежатъ намъ, они наше собственное достояніе, въ ко-

горомъ мы вольны... И я не вижу ни малѣйшихъ оснований для того, чтобы отказываться отъ этого достоянія въ угоду кому-либо и чему-либо»... «Я полагаю, евреямъ полезно увидѣть открытое національное лицо той части русскаго, конституціонно и демократически настроеннаго общества, которая этимъ лицомъ обладаетъ и имъ дорожить. И, наоборотъ, для нихъ совсѣмъ не полезно предаваться иллюзіи, что такое лицо есть только у антисемитическаго изувѣрства». Все это напечатано въ газетѣ «Слово» отъ 10-го и 12-го марта и ни въ какихъ поясненіяхъ и подчеркиваніяхъ не нуждается. Но г. Милюковъ всетаки нашелъ, что масломъ каши не испортишь, и не то съ сокрушеніемъ, не то съ ироніей подливаетъ (въ «Рѣчи» отъ 11-го марта) свою толику масла: «Г-нъ Ж. можетъ торжествовать: онъ выманилъ медвѣдя изъ берлоги... добился того, что молчаніе кончилось, и то страшное и грозное, что прогрессивная печать и интеллигенція старались скрыть отъ евреевъ, наконецъ обрисовалось въ своихъ настоящихъ размѣрахъ».

Впрочемъ, это еще сказано полуиронически, и въ концѣ статьи идутъ, конечно, завѣренія, что означенное настроеніе у русской интеллигенціи скоро пройдетъ. Но зато безо всякой ироніи и совершенно въ серьезъ дѣлается слѣдующее, вполне новое и очень пикантное разоблаченіе: «Я тоже думаю, что старой русской интеллигенціи, святой и чистой въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, наступилъ конецъ въ Россіи съ началомъ новой политической жизни. Я тоже увѣренъ, что многія жизненныя утопіи, созданныя этой интеллигенціей на почвѣ той старой святости, скоро отомрутъ. чтобы уже не возрождаться

больше. Но я увѣренъ также и въ томъ, что наивный «асемитизмъ» и «антисемитизмъ», предъявляющій намъ свои національныя права на существованіе, есть тоже одинъ изъ послѣднихъ пережитковъ (!) нашей блаженной интеллигентской невинности». Вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, ново. «Пережиткомъ» называется нѣчто такое, что уцѣлѣло со старыхъ временъ. Значитъ, и у старой русской интеллигенціи, святой и чистой и пр., тоже имѣлись антиеврейскія «отталкиванія»? Значитъ, медвѣдь-то давно сидѣлъ въ берлогѣ? Любопытно. Вслухъ еще въ этомъ никто не признавался, особенно никто столь авторитетный. А еще любопытнѣе то, что присутствіе медвѣдя въ берлогѣ не мѣшаетъ г. Милюкову аттестовать ту старую русскую интеллигенцію «святой и чистой», а «наивный асемитизмъ или антисемитизмъ» числится у него въ списокѣ настроеній, созданныхъ «на почвѣ той старой святости». Очень у г. Милюкова мягкое отношеніе къ медвѣдю въ берлогѣ. Это уже не въ первый разъ: мы еще помнимъ его надгробную статью о Юлосѣ, въ которой даже вѣрноподданные евреи изъ «Свободы и Равенства» усмотрѣли неосторожное обращеніе со словомъ «жидъ». Очевидно, въ нѣкоторыхъ русскихъ интеллигентахъ еще весьма живы пережитки старой чистоты и святости...

Итакъ, медвѣдь выглянулъ изъ берлоги. Торжествуетъ ли г. Ж., это мы оставимъ въ сторонѣ. По моему, торжествовать ему нечего: къ статьѣ Струве сдѣлано примѣчаніе, что она была написана и сдана до появленія въ «Словѣ» другихъ статей на чириковскую тему. Никто медвѣдя нарочно не выманивалъ, а самъ онъ, повидимому, учуялъ въ воздухѣ нѣчто родное и по собственной инициативѣ рѣшилъ

подать сочувственно голосъ. И эта собственная инициатива — еще одинъ любопытный штрихъ для характеристики настроенія. И вызывать не надо — сами откликаются!

Послѣ этого блестящаго выхода первачей мы считаемъ окончательно выясненнымъ основной вопросъ, въ которомъ для насъ сосредоточенъ весь общественный смыслъ инцидента: вопросъ о симптоматичности. Кому не противно, пусть и дальше разоряется на клятвенныя завѣренія, что «ничего подобнаго нѣтъ». Г. Винаверъ въ той же «Рѣчи» отъ 13-го марта всетаки предлагаетъ и на будущее время еврейскія услуги, согрѣтыя взаимной любовью, «именно любовью». На здоровье. Ласковое теля двухъ матокъ сосеть. Предоставляемъ г. Винаверу и прочимъ ласковымъ людямъ прожить маеусайловы годы въ этой курьезной позиціи, когда они, заглядывая пану въ очи, умильно говорятъ: «а всетаки вы насъ любите!» — а г-да Струве и Милюковъ отвѣчаютъ: — «Ммъ... не очень». — Для насъ споръ въ этой части исчерпанъ. Да въ сущности и для возражателей нашихъ, особенно изъ евреевъ, дѣло такъ же ясно, какъ и для насъ. Всѣ они про себя знаютъ и съ глазу на глазъ сознаются, что медвѣдь давно началъ ворочаться въ берлогѣ и, того и гляди, высунеть морду. Лицемѣриемъ, неискренностью, малодушіемъ и искательствомъ пропитана ихъ ласковая декламация, и оттого она такъ непроходимо бездарна, и нѣтъ въ ней даже паэоса умѣлой лжи. Люди сами себѣ не вѣрятъ и почти вслухъ говорятъ, что не вѣрятъ, и имъ никто не вѣритъ. Что же съ вами спорить? Ступайте себѣ съ миромъ дальше и повторяйте in's Blaue свои казенныя слова.

Гораздо искреннѣе тѣ публицисты изъ «Новой Руси» и «Нашей Газеты», которые простодушно спрашиваютъ: «своевременно ли? Не лучше ли раньше вмѣстѣ рѣшить общегосударственную задачу?» — Это мы понимаемъ. Это, по крайней мѣрѣ, практическая постановка вопроса. И нельзя не согласиться, что правда, дѣйствительно, несвоевременна — съ русской точки зрѣнія. Ибо одно изъ двухъ: разъ медвѣдь выглянулъ, надо или бороться съ нимъ, или признать его полноправнымъ гостемъ. Бороться? Это значило бы открыть свои газеты для систематической защиты еврейскаго равноправія, для систематическаго отпора на юдофобскую травлю. Мерси боку — только этого, въ самомъ дѣлѣ, и недоставало почтеннымъ газетамъ, на которыхъ и такъ стоцудовымъ бременемъ тяготѣетъ подозрѣніе въ недостаточномъ «асемитизмѣ». А признать медвѣдя тоже неудобно. Гораздо удобнѣе было бы сохранить до поры до времени старую иллюзію, что въ «святомъ и чистомъ» климатѣ этой прекрасной страны зоологическій видъ *ursus judaeophagus intellectualis* вообще не водится...

Но это съ русской точки зрѣнія, да еще съ точки зрѣнія еврейской прислуги русскаго чертога. Мы благодаримъ за любезное приглашеніе идейно пріютиться въ той-же людской и чрезъ ея стекла выглядывать на Божій свѣтъ, благодаримъ за столь лестное мнѣніе о нашей готовности къ собачьему самозабвенію, — но честь эту рѣшительно отъ себя отклоняемъ. Мы прекрасно понимаемъ, что для васъ удобнѣе сохранить блаженное невѣдѣніе до дня, когда будетъ рѣшена общегосударственная задача, — потому что оно васъ ни къ чему не обязываетъ и сохраняетъ къ вашимъ услугамъ всю полноту усердія и расторопности вѣрноподданнаго Израиля ;

а когда общегосударственная задача будетъ рѣшена. и медвѣдя, наконецъ, выпускать на волю, — тогда вы-то ровно ничего не потеряете. Но мы? Намъ тоже полезно не видѣть и не слышать? Намъ тоже полезно удариться въ славянофильство и грезить, что хорошо намъ знакомый зоологическій экземпляръ, вдоволь по-свириѣпствовавшій въ самыхъ культурныхъ заграницахъ, — только здѣсь, только въ этой обѣтованной странѣ, только у этого богоизбраннаго русскаго народа почему-то не родится? Намъ тоже выгодно будетъ, если, одураченные этой грезой, мы довѣрчиво разоружимся, распустимъ свою моральную самооборону, зложимъ и перезложимъ въ вашихъ ломбардахъ всѣ свои цѣнности, — и *тогда*, въ одинъ прекрасный день, вы съ душевнымъ прискорбiемъ объявите намъ, что медвѣдя не устерегли и онъ, къ глубокому вашему сожалѣнiю, вырвался изъ берлоги? Нѣтъ, милостивые государи, не *тогда*, а *теперь* должны вы выложить на столъ все, что у васъ за душою; и кто бы ни выболталъ намъ эту правду, — ваши илоты, какъ это было до сихъ поръ, или ваши дураки, какъ это случилось недавно, или ваши разумники, какъ это происходитъ въ послѣднемъ фазисѣ, — мы ставимъ и будемъ ставить каждое лыко въ строку, и кричимъ глупому старому еврею, что зажмурилъ глаза и идетъ, улыбаясь до ушей, приложиться къ панской ручкѣ: — помни о берлогѣ!

Много характернаго проглянуло въ этой исторiи, но всего характернѣе этотъ резонъ о несвоевременности. Никогда еще эксплуатацiя народа народомъ не заявляла о себѣ съ такимъ невиннымъ цинизмомъ...

IV

РУССКАЯ ЛАСКА

... Ко мнѣ поступался презрѣнный еврей...

Пушкинъ.

И пошло! Въ учебникѣ сказано, что тихая стоячая вода можетъ остыть иногда ниже нуля, не замерзая; но достаточно бросить въ нее камень, чтобы она мгновенно покрылась льдомъ. Это часто наблюдается и въ дѣлахъ человѣческихъ. Теперь имѣемъ случай любоваться этимъ занимательнымъ явленіемъ природы по милости инцидента съ «національнымъ лицомъ». На дняхъ еще за стыдъ и срамъ считалось русскому интеллигенту выговорить этакое слово безъ презрительной гримасы, а теперь даже такая заскорузлая, стерилизованная невинность, какъ «Наша Газета», черезъ номеръ усердно склоняетъ и спрягаетъ «національныя» словеса. И оказывается, что они, видите ли, всегда дорожили національными моментами, всегда понимали, что правильное національное чувство есть вещь безупречно-прогрессивная, и чуть ли не за то, главнымъ образомъ, и серчали на русское начальство, что оно унижаетъ національное величіе! Поистинѣ трогательное открытіе. Кто подозрѣвалъ о

присутствіи такой контрабанды подъ спудомъ, и особенно въ «Нашей Газетѣ», въ этомъ классическомъ образчикѣ русско-интеллигентской передовитости, въ этомъ безполомъ органѣ строго выдержаннаго направленчества безъ направленія, въ этомъ щепетильно отгороженномъ и чистенько подметенномъ пустомъ мѣстѣ, на которомъ группа тщательно подобранныхъ безцвѣтностей, не моргая, при всемъ честномъ народѣ смотритъ себѣ въ пупъ? Такая была идеальная тихая и стоячая вода, но видно крѣпко прохватило ее окружающей температурой; попалъ въ нее камень, да еще брошенный неумной и, можетъ быть, нетрезвой рукою, — и пошло!

Многихъ изъ насъ это ошеломило — потому что мы плохіе наблюдатели. Конечно, тотъ тонкій слой, который носить имя передовой русской интеллигенціи и задаетъ искони тонъ въ печати, до послѣдняго времени просто не интересовался своей великорусской національностью, какъ здоровый человѣкъ не интересуется своимъ здоровьемъ, особенно когда у него другихъ хлопотъ полно въ ротъ, хата не топлена и сквозь крышу небо плачетъ. Сытый кашей каши не проситъ, особенно когда у самого сапоги просятъ каши. Но мы, по еврейской нашей склонности подчеркивать и размалевывать, а еще больше по надобности оправдать ассимиляцію, прицѣпили къ этой особенности русскаго интеллигента безконечный хвостъ распространительныхъ толкованій. Изъ настроенія, обусловленнаго только національной сытостью великоросса, мы сдѣлали чуть ли не элементарную черту его характера; мы шумѣли на разные лады, что именно русскіе, не въ примѣръ нѣмцу и всякому другому бусурману, органически на «это» не способны, что

имъ отъ-роду присуще нѣкое вселенское начало и отмѣнно теплыя чувства по всѣмъ направленіямъ, безъ различія вѣры и племени. И, какъ всегда, мы самихъ себя гипнотизировали своимъ шумомъ и побѣдоносно пролетали мимо самыхъ яркихъ фактовъ, не достаивая на нихъ оглянуться. Даже мимо погромовъ попробовали сгоряча проскакать безъ оглядки, сваливъ всю бѣду на подстрекателей сверху и «отбросы общества» снизу, какъ будто оглушительный успѣхъ подстрекателей самъ по себѣ не характеренъ для данной среды, или какъ будто отбросы не характерны для выдѣляющаго ихъ организма. Но былъ еще фактъ, мимо котораго мы пробѣжали съ зажмуренными глазами; и даже не мимо него, а насквозь, проникая внутрь и ничего не замѣчая, глядя и не видя, смакуя и не чувствуя дегтя, анализируя тонкости и не натываясь на оглоблю. Этотъ фактъ — русская литература, та самая, что со времени еще Радищева славилась свободой и милостью къ падшимъ призывала, та самая, что такъ сильно проникнута идеями подвига и служенія; та самая, которая устами своихъ лучшихъ ни одного добраго слова не сказала о племенахъ, угнетенныхъ подъ русскою державой, и руками своихъ первыхъ пальцемъ о палець не ударила въ ихъ защиту; та самая, которая зато руками своихъ лучшихъ и устами своихъ первыхъ щедро обдѣлила ударами и обидами всѣ народы отъ Амура до Днѣпра, и насъ больше и горше всѣхъ.

На дняхъ праздновали юбилей Гоголя, и немало евреевъ использовали, конечно, этотъ случай лишній разъ «поплясать на чужой свадьбѣ». Должно быть, въ нѣкоторыхъ еврейскихъ училищахъ черты устроили и еще устраять послѣ каникулъ гоголевскія торже-

ства, учитель русскаго языка скажетъ прочувствованное слово, учитель физики покажетъ въ волшебномъ фонарѣ картинки изъ «Тараса Бульбы», а потомъ ученики или ученицы, картавя, пропоютъ передъ бюстомъ: «Николаю Васильевичу сла-а-ва». И девятидесятымъ изъ устроителей и участниковъ не придетъ въ голову задуматься, какова съ нравственной точки зрѣнія цѣнность этого обряда цѣлованія ладони, которой отпечатокъ горитъ на еврейской щекѣ; не придетъ въ голову, какой посѣвъ компромиса, безхарактерности, самоуниженія забрасывается въ сознание отрочества этимъ хорovýmъ поклономъ въ ноги единственному изъ первоклассныхъ художниковъ міра, воспѣвшему, въ полномъ смыслѣ этого слова, всѣми красками своей палитры, всѣми звуками своей гаммы и со всѣмъ подъемомъ увлеченной своей души воспѣвшему еврейскій погромъ.

Стоило бы, можетъ быть, въ честь юбилея тутъ переписать слишкомъ забытыя нѣсколько страницъ изъ того же «Тараса Бульбы». Ничего подобнаго по жестокости не знаетъ ни одна изъ большихъ литературъ. Это даже нельзя назвать ненавистью, или сочувствіемъ казацкой расправѣ надъ жидами: это хуже, это какое-то беззаботное, ясное веселье, не омраченное даже полумыслью о томъ, что смѣшныя дрыгающія въ воздухъ ноги — ноги живыхъ людей, какое-то изумительно-цѣльное, неразложимое презрѣніе къ низшей расѣ, не снисходящее до вражды. Стоило бы процитировать, да не хочется. Все равно, кому нужно усердствовать, тѣхъ не остановишь. Нѣтъ такой хитрой преграды, чтобы подъ нею не проползъ кабцанъ, которому дали входной билетъ погрѣться у людей на солнышкѣ. И не хочется еще потому,

что нѣтъ никакой причины останавливаться на одномъ Гоголѣ, дѣлать выписки изъ него и не дѣлать выписокъ изъ его братьевъ по этой великодушной литературѣ. Чѣмъ онъ хуже ихъ, и чѣмъ они лучше?

Веселая картина получится, если взять и на память, не выискивая, не докапываясь, просто, какъ говорятъ репортеры, au hazard подсчитать ласку, что мы видѣли въ разные времена отъ разныхъ великановъ русскаго художества. Для Пушкина понятіе еврей тѣсно связано съ понятіемъ шпионъ (это въ замѣткѣ о встрѣчѣ съ Кюхельбекеромъ). Въ «Скупомъ рыцарѣ» выведенъ еврей ростовщикъ, расписанный всѣми красками низости, еврей, подстрекающій сына отравить папашу — а ядъ купить у другого еврейчика, аптекаря Товія. У Некрасова «жиды» на биржѣ уговариваютъ проворовавшагося русскаго купца: «намъ вы продайте паи, деньги пошлите въ Америку», а самъ пусть бѣжить въ Англію:

„На катеръ—
Къ насей финансовой матери,
И поживайте, какъ *царь!*“
Такъ говорили жиды —
Слогъ я исправилъ для ясности...

У Тургенева есть разсказъ «Жидъ», неправдоподобный до наивности; читая, видишь ясно, что авторъ нигдѣ ничего подобнаго не подсмотрѣлъ и не могъ подсмотрѣть, а выдумалъ, какъ выдумывалъ сказки о призракахъ, — и *что* выдумалъ, и съ какимъ чувствомъ нарисовалъ и раскрасилъ! Старый жидъ, конечно, шпионъ, а кромѣ того продаетъ еще офицерамъ свою дочку. Зато дочь, конечно, красавица. Это понятно. Нельзя же совсѣмъ обездолить несчаст-

ное племя. Надо жь ему хоть товаръ оставить, которымъ онъ могъ бы торговать.

По Достоевскому — отъ жидовъ придетъ гибель Россіи. Это, казалось бы, давало жидамъ извѣстное право на вниманіе; однако, ни одного цѣльнаго еврейскаго образа у Достоевскаго нѣтъ, насколько сейчасъ могу припомнить. Но если правда, что битый радъ, когда бьютъ и сосѣда, то мы можемъ утѣшиться, припоминая польскіе типы Достоевскаго, особенно въ «Карамазовыхъ» и въ «Игрокѣ». «Полячокъ» — это обязательно нѣчто подлое, льстивое, трусливое, вмѣстѣ съ тѣмъ спѣсивое и наглое; и даже тѣ затаенныя въ польской душѣ надежды, къ которымъ самый заклятый врагъ долженъ отнестись съ уваженіемъ. о которыхъ самъ Бюловъ, защищая враждебный полякамъ законъ, говорилъ недавно въ рейхстагѣ съ шапкою въ рукахъ, — коробить и вспомнить, какой желчной слюною облиты эти надежды разгромленнаго народа у тонкаго, многострадальнаго автора «Карамазовыхъ».

Чеховъ? Еврейскіе критики ужасно любятъ цитировать изъ «Моей жизни» мимоходомъ оброненную фразу, что библіотека провинціального городишки пустовала бы, если бы не дѣвушки «и молодые евреи». Это глубоко трогаетъ еврейскихъ критиковъ, это имъ очень льститъ, они въ этомъ видятъ явную агитацію за безпроцентное допущеніе евреевъ къ образованію. Добрый мы народъ, и самая добрая наша черта, это — что и малымъ довольны... По существу же былъ Чеховъ наблюдатель, не вѣдавшій ни жалости, ни гнѣва, и не любившій ничего, кромѣ увядающей красоты «вишневаго сада»; поэтому еврейскія фигуры, изрѣдка попадающіяся въ «Степи», «Перекати-полѣ».

«Ивановъ», написаны съ обычнымъ для этого художника правдивымъ безразличіемъ. И съ такимъ же правдивымъ безразличіемъ нарисовалъ Чеховъ своего Иванова, одного изъ несчетныхъ Ивановыхъ, составляющихъ фондъ русской интеллигенціи, и съ такимъ же правдивымъ безразличіемъ засвидѣтельствовалъ, что Ивановъ, когда въ дурномъ настроеніи, вполне способенъ обругать свою крещеную жену жидовкой. Но Чеховъ самъ былъ во многихъ отношеніяхъ Ивановымъ, русскимъ интеллигентомъ до мозга костей, и случилось и ему однажды выругаться по адресу жидовки. Тогда онъ написалъ свою «Тину». Это анекдотъ еще болѣе нелѣпый и неправдоподобный, чѣмъ тургеневскій «Жидъ», настолько пошлый по сюжету, что и двухъ строкъ не хочется посвятить его передачѣ. Гдѣ это Чехову приснилось? За чѣмъ это написалось? — Такъ. Прорвало Иванова, одного изъ несчетныхъ Ивановыхъ земли русской.

Кого еще назвать? Лѣскова? Н. Вагнера (Котъ-Мурлыка)? Изъ однихъ именъ можно было бы составить длинное стихотвореніе, какъ у того французскаго поэта:

Jeannette, Nine,
Alice, Aline,
Léda, Julie —
Et j'en oublie...

Ничего въ противовѣсъ этому списку не можетъ назвать русская литература. Никогда ни одинъ изъ ея крупныхъ художниковъ не поднялъ голоса въ защиту правды, растоптанной на нашей спинѣ. Даже въ публицистикѣ не на что указать, кромѣ одной статейки Щедрина и одной статейки Чичерина. Въ беллетри-

стигъ нѣчьмъ похвастать, кромѣ сладенькаго, нестерпимо-бездарнаго мацгетовскаго Жидка, да еще гдѣ-то за перогомъ художества красуется шедевръ г. Чарикова. Тѣ изъ насъ, которые малымъ довольны, восторгаются еще «Суднымъ днемъ» Короленко, ибо тамъ доказано, что иной хохлацкій шинкаръ еще прижигистѣе шинкаря-еврея. Лестно. Если за это полагается мерси, то у Лѣскова есть гораздо болѣе обстоятельные рассказы на тему о томъ, что хотя жидъ и мошенникъ, но румынъ еще того хуже, а русскій помѣщикъ, купецъ и мужичокъ тоже не промахъ по части вороватости... Но ничего настоящаго, ничего такого, что если не по силѣ, то хоть по настроенію, по проникновенію въ еврейскую душу могло бы стать рядомъ съ «Натаномъ Мудрымъ» или съ Шейлокомъ, русская литература не дала. Да и зачѣмъ такіе высокіе образцы: рядомъ у поляковъ есть Элиза Ожешко, есть знаменитый Янкель изъ «Пана Тадеуша», написанный Мицкевичемъ въ то самое время, когда Пушкинъ малевалъ своего жидка Соломона изъ «Скупого рыцаря»...

Не сомнѣваюсь: какъ всегда, найдется гдѣ-нибудь газетный пошлякъ, который во всемъ этомъ увидитъ ненависть къ русской литературѣ. Если это случится, я возражать не буду — надоѣло спорить съ пошляками, возиться съ людьми внутренно недобросовѣстными, которые давно сами знаятъ о своемъ банкротствѣ и еще всетаки зазываютъ бѣдную публику съ ея нищенскими сбереженіями къ своему подгнившему прилавку. Между прочимъ, русскую литературу я очень цѣню, включая и этого самаго Гоголя, потому что литература должна быть прежде всего талантлива, и русская литература — далеко не въ примѣръ инымъ прочимъ отраслямъ русской національ-

ной жизнедѣтельности — этому условію удовлетворяетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо помнить, что философію народа, его настоящую, коренную философію выражаютъ не философы и публицисты, а художники, и въ данномъ вопросѣ характеръ этой философіи для всякаго, кто не слѣпъ и не глухъ, ясенъ безъ малѣйшей двусмысленности. Можетъ быть мало на свѣтѣ народовъ, въ душѣ которыхъ таятся такіе глубокіе зародыши національной исключительности. Мы проглядѣли, что родоначальная страница русской классической драмы — «Горе отъ ума» — насквозь пропитана обостреннымъ націоналистическимъ чувствомъ, до краевъ полна протестомъ во имя національной самобытности, выходками противъ французско-нижегородской ассимиляціи, проповѣдью «премудраго незнанья иноземцевъ». Мы проглядѣли, что Пушкинъ въ разгарѣ таланта написалъ потрясающее по энергіи и силѣ стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи», гдѣ трепещетъ подлинный нервъ того настроенія, которое въ Англіи теперь называютъ джингоизмомъ. Мы проглядѣли, что въ пресловутомъ, и насъ захватившемъ культѣ «святой и чистой» русской интеллигенціи, которая де лучше всѣхъ заграничныхъ и супротивъ которой нѣмцы и французы просто мѣщане, — что во всемъ этотъ славословіи о себѣ самихъ, рѣшительно вздорномъ и курьезномъ, гулко звучала нота національнаго самообожанія. И когда началось освободительное движеніе и со всѣхъ трибунъ понеслась декламація о томъ, что «мы» обгонимъ Европу, что Франція реакціонна, Америка буржуазна, Англія аристократична, а вотъ именно «мы», во всеоружіи нашей неграмотности, призваны утереть имъ носъ и показать настоящее политическое зодчество; — наша близо-

рукость и тутъ оплошала, мы и тутъ не поняли, что предъ нами взрывъ непомѣрно вздутаго національнаго самолюбія, туманящій глаза, мѣшающій школьникамъ учиться уму-разуму у Европы, у Америки, у Австраліи, у Японіи, у всѣхъ, потому что всѣ ихъ обогнали.

Я говорю только о зародышахъ. Они еще надолго останутся зародышами. Несмотря на всѣ призывы Струве, великорусскому націонализму еще некуда и не во что развиваться, кромѣ какъ по черносотенной тропинкѣ, по которой серьезная часть интеллигенціи, должно быть, не пойдетъ. Въ національномъ смыслѣ у великоросса ни въ чемъ нѣтъ недостатка, а напротивъ — въ колоссальныхъ доходахъ, которые приноситъ ему его національная культура, большую роль играютъ чнородческія подати, особенно еврейская. Кто сочтетъ, въ какой мѣрѣ хотя бы нынѣшнія модныя книгоиздательства обязаны своимъ ростомъ руссифицированному инородческому потребителю, и въ первую очередь еврею? Русскому націонализму не за что бороться — никто русскаго поля не занялъ, а напротивъ: русская культура, безсознательно опираясь на казенное насиліе, расположилась на чужихъ поляхъ и пьетъ ихъ матеріальные и нравственные соки. Для развитія зародышей нѣтъ еще почвы, и она явится только въ тотъ моментъ, когда среди народностей Россіи подымется національное движеніе въ серьезъ, и борьба противъ руссификаціи проявится не на словахъ, какъ теперь, а въ фактическомъ разрывѣ съ великорусскою культурой. Мы тогда увидимъ, кто наши могучіе сосѣди и есть ли у нихъ національная струнка, и тогда, можетъ быть, лучше поймемъ нѣкоторыя забытыя страницы изъ Некрасова, Пушкина и Гоголя.

НОМО НОМИНИ LUPUS

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ изъ Америки о послѣднемъ избіеніи негровъ. Любопытная подробность, на которую у насъ обратили, кажется, мало вниманія: произошло это событіе 4-го іюля н. с., то-есть въ «самый большой праздникъ Соединенныхъ Штатовъ, — день объявленія независимости». На этотъ день было назначено состязаніе въ боксѣ между двумя великими чемпионами — Джонсономъ и Джеффри. Корреспондентъ рассказываетъ, что публичный боксъ запрещенъ по всей С. Америкѣ, кромѣ штата Невады; поэтому поединокъ происходилъ въ одномъ изъ городовъ этого штата, но оттуда были «проведены спеціальныя телеграфныя проволоки въ главнѣйшіе города» и «туда ото всѣхъ газетъ посланы спеціальныя корреспонденты». На всемъ пространствѣ Штатовъ передъ редакціями большихъ газетъ стояли толпы народа, и горластые редакціонные джентльмены выкрикивали ежеминутно послѣднюю новость: «Джеффри получилъ страшный ударъ въ подбородокъ. — Джеффри упалъ за арену». И вотъ, когда оказалось, что побѣдителемъ остался негръ Джонсонъ, а бѣлый Джеффри признанъ побѣжденнымъ, бѣлая толпа, словно по уго-

вору, во множествѣ городовъ устроила неграмъ погромы.

Къ такимъ непріятностямъ негры давно привыкли, но обыкновенно обстановка событія другая. Обыкновенно — эти вещи происходятъ только на югѣ; на этотъ разъ приняли участіе въ избіеніяхъ негровъ и города сѣвера. Обыкновенно — поводомъ является слухъ, будто мѣстный негръ «опять» покушался изнасиловать бѣлую дѣвушку: собирается многотысячная толпа, виновнаго негра ищутъ, дабы линчевать его черезъ повѣшеніе или сожженіе живьемъ, а попутно прикончатъ палками или изъ браунинговъ еще десятокъ черныхъ, за то, что попались на дорогѣ. Но на сей разъ этого повода не было. Просто два широкоплечихъ идиота подрались на кулачки, по взаимному соглашенію, съ позволенія мѣстнаго начальства и подъ контролемъ знатоковъ этого тонкаго искусства. И такъ какъ побѣдителемъ оказался негръ и можно было опасаться, что другіе негры въ странѣ зазнаются, бѣлые граждане великой республики не стерпѣли и низложили гордыню эфіоповъ. Для этого на негровъ набрасывались въ пропорціи 50 на одного, проламывали головы, топтали каблуками, истязали даже черныхъ женщинъ и дѣтей. «Въ однихъ восточныхъ штатахъ», пишетъ корреспондентъ, «много негровъ растерзано толпой; сотни ранены и изувѣчены. Въ южныхъ штатахъ, гдѣ антагонизмъ между расами гораздо сильнѣе, число изувѣченныхъ, навѣрное, нужно считать тысячами».

Каковъ же фонъ, на которомъ возможны такія вспышки? Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ свободнѣйшей изъ республикъ, въ странѣ, которая своимъ политическимъ существованіемъ обязана возстанію, де-

сять милліоновъ гражданъ живутъ въ самомъ черномъ безправіи только за то, что у нихъ кожа другого цвѣта. Когда-то они были рабами; потомъ сѣверные штаты потребовали отмѣны рабства и пошли войнсей противъ юга, стоявшаго за сохраненіе исконнаго порядка. Въ то время образъ дѣйствій сѣверныхъ штатовъ объясняли высокими гуманитарными побужденіями, но теперь даже въ учебникахъ признано, что въ основѣ рыцарственнаго заступничества сѣверянъ за черное племя лежали простые карманные интересы. Въ сѣверныхъ штатахъ, около 1860 года, уже широко развивалась крупная индустрія, которая, какъ всюду, видѣла въ рабствѣ одну изъ главныхъ помѣхъ на пути своего роста. Южные штаты, напротивъ, существовали экстенсивнымъ земледѣліемъ и дорожили институтомъ рабства. Война сѣвера и юга кончилась побѣдой сѣверянъ. Негры были признаны свободными и равноправными гражданами великой республики.

Съ тѣхъ поръ ушло около полувѣка, и не только негръ, но и бѣлый американецъ засмѣется вамъ въ лицо, если вы въ серьезъ примете это равноправіе. Нигдѣ въ культурномъ мірѣ, если даже включить въ это гибкое понятіе Россію и Румынію, нѣтъ подобнаго неравенства. Прежде всего, это неравенство безвыходное. Россійскій еврей, если не въ мочь терпѣть, всетаки можетъ выкреститься. Американскіе негры уже давно христіане, и дальше идти некуда. Расы не смоешь. Смѣшанные браки тоже не помогаютъ: если прадѣдъ былъ негромъ, если у правнука осталась хоть подозрительная черточка въ рисунокѣ губъ, въ завиткахъ волосъ, или (почти неискоренимая) темная полоска у корня ногтей, — онъ для своихъ

согражданъ негръ и дѣлать общую негритянскую судьбу. Его не пускаютъ ни въ театры, ни въ отели, ни въ поѣзда, ни въ школу. Для него отводятся особые вагоны на желѣзной дорогѣ и особые закуты въ трамваѣ; училища для негритянскихъ дѣтей строятся отдѣльно отъ «бѣлыхъ» школъ, строятся на скупые гроши и содержатся тѣсно и грязно.. Политическія права чернаго гражданина, «свободнаго и равноправнаго», сведены на нѣтъ. Въ южныхъ штатахъ, гдѣ негры живутъ массаами и могли бы серьезно вліять на исходъ выборовъ, дѣйствуетъ цѣлая система фальсификацій и выкрутасовъ для уничтоженія негритянскихъ голосовъ. Эта система установлена развѣ навсегда, примѣняется открыто на глазахъ у всего міра, президентъ и конгрессъ о ней знаютъ, и никому даже въ голову не приходитъ пожать плечами, до того это стало въ порядкѣ вещей. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы черные люди рѣшали политическую судьбу своей родины наравнѣ съ бѣлыми людьми. Равенство равенствомъ, но, тѣмъ не менѣе...

Въ оправданіе свое бѣлые американцы приводятъ много доводовъ, которымъ грошъ цѣна. Они говорятъ: зачѣмъ негру, напримѣръ, учиться? Это раса неспособная къ духовному творчеству, не давшая міру еще ни одного генія. Тѣ, которые такъ говорятъ, сами знаютъ, что школы нужны не для высиживанія геніевъ, а для грамотности, для повышенія общаго умственнаго уровня массъ; а между тѣмъ установлено, что негры очень способны, понятливы и одарены хорошей памятью. Есть у нихъ очень приличные писатели, проповѣдники, профессора; на «бѣлый» вкусъ они, конечно, не геніальны, но сами негры ими до-

вольны, а это главное. Нельзя обязать одно племя непременно нравиться другому. Какихъ такихъ геніевъ дали міру болгары или турки? И еще спорный вопросъ, дала ли міру хоть одного настоящаго генія сама великая союзная республика. Знаютъ это и американцы, знаютъ, что «негеніальность» расы не есть доводъ въ пользу безправія, и всетаки пользуются этимъ доводомъ. Говорятъ они также — въ оправданіе общаго социальнаго бойкота, которому подвергнуты негры во всей странѣ — что здѣсь дѣйствуетъ нѣкая сверхъ-сознательная сила, нѣчто стихійное, вродѣ «національныхъ отталкиваній» г-на Струве, отчего они, бѣлые люди, физически не въ состояніи вынести близость негра. Но и это завѣдомая неправда. Проф. Мюнстербергъ, написавшій интересную книгу объ американцахъ, удостовѣряетъ, что любой бѣлый, даже изъ самыхъ завзятыхъ южанъ, охотно предоставляетъ своихъ дѣтей черной нянькѣ и съ полнымъ аппетитомъ обѣдаетъ въ ресторанѣ, когда эта нянька сидитъ тутъ же рядомъ и суетъ своему питомцу куски въ ротъ. Но если такая же негрятянка войдетъ и сядетъ въ противоположномъ углу за столъ, какъ равная, бѣлый подыметъ скандалъ, соберетъ толпу, ресторанъ объявятъ подѣ бойкотомъ и побьютъ въ немъ стекла, а нахальную черную женщину поколотятъ. Здѣсь не физическое отталкиваніе, здѣсь убѣжденное непризнаніе человѣка въ человѣческомъ существѣ другой расы. Въ одномъ русскомъ журналѣ недавно цитировалась такая фраза бѣлаго южанина (привожу на память): «Мы, въ сущности, любимъ негра, но какого? Такого, который знаетъ свой шестокъ, не лѣзетъ ни въ школу, ни въ театръ». А такъ какъ негръ наивенъ и всетаки принимаетъ свое полувѣковое ра-

венство въ сервезъ, и всетаки напираетъ на двери школы и театра, и всетаки хочетъ голосовать, и при томъ еще плодится и размножается куда успѣшнѣе бѣлаго, то у бѣлаго человѣка презрѣніе все чаще смѣшивается съ тревогой. Въ результатъ — нечеловѣческое, скотское озлобленіе, которое прорывается въ буквально ежегодныхъ погромахъ. Не проходитъ лѣта, чтобы гдѣ-нибудь на югѣ не повторилась та же исторія: молодой негръ позволить себѣ съ бѣлой кухаркой вольную шутку руками, какія сплошь и рядомъ себѣ разрѣшаютъ бѣлые джентльмены, та огрызнется, ея бѣлый женихъ подыметъ вопль о покушеніи на изнасилованіе, въ пять минутъ собирается грандіозная толпа, и начинается охота на черныхъ людей. Картины линчеванія, которыми это заканчивается, отвратительнѣе всякаго кошмара. Люди, бѣлые люди, граждане республики, не пьяные, грамотные, часто прошедшіе не одну только начальную школу, люди въ пиджакахъ и чистомъ крахмальномъ бѣльѣ работаютъ локтями, чтобы тоже добраться до негра и тоже ударить его палкой; люди дерутся за честь быть палачомъ, подержаться за кончикъ веревки; иногда, въ очень глухихъ мѣстахъ, еще вспоминаютъ древній обычай — окунуть негра въ деготь и потомъ вывалить въ распоротой перинѣ, а уже въ этомъ видѣ поджечь. Полиція бездѣйствуетъ, комиссаръ, къ которому прибѣгаютъ молить о заступничествѣ,жимаетъ плечами и говоритъ: — Ничего не могу подѣлать. — Знакомая картина, если только не хуже...

Издали обѣтованная земля кажется краше, чѣмъ на дѣлѣ. Мы, у которыхъ не только демократической, но и вообще никакой конституціи нѣтъ, мы естественно склонны вѣрить, что въ демократизаціи государствен-

наго устройства заключается панацея противъ многихъ общественныхъ золъ. Когда-то люди были еще глупѣе и думали, будто свобода лѣчить — даже отъ бѣдности; однако, съ тѣхъ поръ социалисты успѣли намъ втолковать, что голодные останутся голодными даже при всеобщемъ избирательномъ правѣ. Но въ одно старая вѣра сохранилась: что расовые, національные или религіозные предрасудки поддерживаются исключительно абсолютизмомъ, демократія же ихъ не знаетъ и знать не хочетъ. Какъ разъ социалисты разныхъ наименованій особенно старались до недавняго времени вбить въ головы эту неправду. Ибо это неправда, наглая и вопіющая. Демократія сама по себѣ очень хорошая вещь, мы ея всѣ желаемъ и добиваемся, но не надо облыжно сулить то, чего не будетъ. Расовые предрасудки коренятся именно и главнымъ образомъ въ массахъ. Допущеніе этихъ массъ ко власти далеко не всегда улучшаетъ положеніе угнетенныхъ племенъ. Что пользы евреямъ отъ того, что въ Румыніи конституція? Что выиграли тѣ же евреи отъ того, что въ Финляндіи введена самая демократическая въ мірѣ избирательная система? Негритянской вопросъ въ Сѣверной Америкѣ ярко иллюстрируетъ печальную картину. Здѣсь, на фонѣ почти идеальнаго демократизма, полной свободы, широкаго самоуправленія — расовая ненависть дѣйствуетъ въ самыхъ чудовищныхъ формахъ и въ самомъ безпримѣсномъ, очищенномъ видѣ. Въ Россіи или въ Румыніи пускаются по крайней мѣрѣ въ ходъ, для оправданія аналогичныхъ явленій, доводы экономического или политического свойства: такая-то народность якобы революціонна или якобы эксплуатируетъ «коренную» бѣдноту. Въ Америкѣ никто даже не пытается сочинить что-либо "

добное: негры политически кротки, какъ ягнята, и занимаются почти поголовно ремеслами или низшими видами наемнаго труда. Во Франціи или въ нѣмецкой Австріи, чтобы оправдать антисемитизмъ, ссылаются на громадныя богатства Ротшильдовъ или такъ называемыхъ вѣнскихъ Quai-Juden; въ Америкѣ среди негровъ нѣтъ ни одного крупнаго состоянія. Здѣсь на лицо простая, голая, ничѣмъ неприкрытая антипатія расы къ расѣ, безъ всякаго повода или предлога, такъ, здорово живешь. За то, что Джонсонъ повалилъ Джеффри. Это въ свободнѣйшей странѣ, среди населенія, почти поголовно грамотнаго, и въ другихъ случаяхъ — напримѣръ, въ обращеніи съ бѣлой женщиной или съ бѣлымъ ребенкомъ — рыцарски-корректнаго; это въ странѣ, гдѣ ни полиція, ни судъ не боятся никакого давленія сверху. Въ такой странѣ и въ такой средѣ расовая ненависть не разъ и не два, а изъ года въ годъ выливается въ такія формы, которыя соперничаютъ не только съ кишиневской или бакинской рѣзней, но прямо съ подвигами курдовъ въ армянскихъ вилайетахъ Турціи. Видно, противъ этой болѣзни не помогаютъ ни всеобщее голосованіе, ни всеобщее обученіе.

Но есть нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ демократія и даже чѣмъ поголовная грамотность: это — опытъ собственныхъ страданій. Принято вѣрить, что тотъ, кто самъ долго страдалъ подъ гнетомъ сильнѣйшаго, не станетъ угнетать еще слабѣйшихъ. Мы часто строимъ самыя розовыя надежды именно на томъ, что такой-то народъ самъ много вытерпѣлъ — «значить», онъ будетъ сочувствовать и понимать, ему совѣсть не позволитъ обидѣть слабаго тою же обидой, подъ которою недавно кряхтѣлъ самъ. Но и это, на повѣрку, одни

словеса. Въ Германіи еще не вымерло поколѣніе, въ памяти котораго живы тѣ времена, когда единой Германіи не было, а нѣмецкій народъ былъ раздробленъ на мелкіе огрызки. Это поколѣніе выносило въ груди мечту объединенія, подготовило почву упорнымъ трудомъ и осуществило свой идеаль героическимъ усиленіемъ. И то же самое поколѣніе, черезъ самый короткій промежутокъ, начало походъ противъ познанскихъ поляковъ. Польша раздроблена, какъ была недавно раздроблена Германія, но строители единой Германіи сочли бы глупымъ сентиментализмомъ считаться съ этимъ совпаденіемъ. Тотъ же германскій патріотъ, который въ 1860 г. плакалъ слезами сердца, когда дѣти въ сельской школѣ пѣли пѣсню о единой Германіи, — черезъ 40 лѣтъ изъ собственныхъ рукъ поролъ польскихъ мальчиковъ, не желавшихъ учиться закону Божию на нѣмецкомъ языкѣ. Это только въ Ветхомъ Завѣтѣ написано: «Не притѣсняй инородца, ибо и ты былъ инородцемъ въ землѣ Египетской». Въ теперешней морали этому слюнявому гуманизму нѣтъ больше мѣста.

Люди идутъ еще дальше. Не только память о прошлыхъ страданіяхъ не помѣха, чтобы въ свой чередъ бить другихъ по тому же мѣсту, по которому самъ былъ нещадно битъ наканунѣ. Бываетъ и хуже. Бываетъ, что народъ, и понынѣ страдающій, понынѣ угнетенный, понынѣ взывающій къ небу во имя справедливости, въ то же самое время изловчается душисть слабѣйшую группу. Посмотрите на тѣхъ же поляковъ въ Галиціи, гдѣ они хоть немного чувствуютъ себя хозяевами. Что тамъ только не продѣлывается надъ русинами! Русины издають въ Вѣнѣ спеціальныи журналъ на нѣмецкомъ языкѣ — «Ukrainische

Rundschau» — содержаніе котораго на три четверти сводится къ перечисленію гадостей, которыя продѣлываются въ краѣ польской администраціей. Каждая рѣчь русинскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ полна тѣхъ же горькихъ жалобъ, украинская печать Лемберга только о томъ и кричитъ. По австрійской конституціи всѣ народности равноправны; между тѣмъ русины почти изгнаны изъ администраціи и суда, русинскіе чиновники насчитываются единицами на государственной и областной службѣ даже въ Восточной Галиціи, гдѣ русинское населеніе въ громадномъ большинствѣ; элементарныхъ школъ мало, среднихъ школъ почти совсѣмъ нѣтъ, между тѣмъ какъ львиная доля областного школьнаго бюджета тратится на польскія гимназіи и на субсидированіе польскихъ начальныхъ школъ; на судѣ, если процессъ хоть издали похожъ на столкновеніе между русиномъ и полякомъ, первому никогда не добиться правды; полиція позволяетъ себѣ надъ русинскими мужиками самыя безобразныя насилія — то жандармъ подстрѣлитъ наповаль мужика за ловлю рыбы въ непоказанномъ мѣстѣ, то цѣлое «стадо» русинъ. изъ за ссоры съ полякомъ-помѣщикомъ, связавъ руки за спиною, гонятъ пѣшкомъ дальше 50 верстъ въ уѣздный городъ, подталкивая прикладами, а за мужьями бѣгутъ бабы съ дѣтьми и воютъ, такъ что, по свидѣтельскимъ показаніямъ, «за 2 километра слышно было». На выборахъ въ рейхсратъ продѣлываются неслыханныя мошенничества и насилія: то группу русинъ-избирателей, пришедшихъ пѣшкомъ изъ деревни, просто не пустятъ въ городъ, то выкрадутъ или подмѣнятъ нѣсколько сотъ бюллетеней. Это не секретъ, весь рейхсратъ и вся Австрія знаетъ, что такое галиційскіе выборы,

самое слово «Galizische Wahlen» приобрѣло въ общемъ сознаніи особый смыслъ. Во всей Австріи кипитъ борьба націй, но нигдѣ она не доводитъ людей до такого озлобленія: вѣдь не даромъ въ одной только Галиціи, изо всѣхъ австрійскихъ провинцій, оказался возможнымъ террористическій актъ (убійство русиномъ Сичинскимъ поляка-намѣстника) и, что особенно характерно, убійца встрѣтилъ нескрываемое сочувствіе со стороны всего русинскаго общества. Таковы результаты хозяйничанья угнетенной народности въ краѣ, гдѣ ей дано хоть очасті хозяйничать.

Въ другихъ формахъ, но по существу то же продѣлывается въ Галиціи и надъ евреями. На судѣ еврея, особенно бѣдному, немыслимо добиться правды противъ поляка, а бываютъ зато и такіе случаи, что судья-полякъ, въ разгарѣ засѣданія, обругаетъ еврея-свидѣтеля Іудой или въ этомъ родѣ (въ наказаніе потомъ такого судью переводятъ на лучшее мѣсто). Въ политическомъ смыслѣ поляки откровенно смотрятъ на евреевъ какъ на матеріаль для эксплуатаціи въ цѣляхъ упроченія своей власти надъ краемъ. Еврейская національность не признается, при переписи евреевъ записываютъ «поляками» и такимъ образомъ создается въ Галиціи «польское большинство». На самомъ дѣлѣ число поляковъ и русинъ въ краѣ одинаково, а изъ 800.000 евреевъ по крайней мѣрѣ 90 % носятъ пейсы, говорятъ на жаргонѣ и двухъ словъ не умѣютъ правильно сказать по польски. Еврейскій націонализмъ преслѣдуется всѣми средствами. Были случаи исключенія учениковъ изъ гимназіи «за сіонизмъ». Въ Галиціи за послѣднія десять лѣтъ открылось множество частныхъ школъ для распространенія древне-еврейскаго языка: нѣтъ мытарствъ, кото-

рымъ бы не подвергались эти школы, особенно подъ видомъ посѣщеній санитарной коммисіи, которая въ 75 случаяхъ на сто «приходить въ ужасъ» отъ антигигіенической обстановки, гдѣ чахнуть эти бѣдныя, милыя еврейскія дѣтки, и школу прикрываютъ. Особенной же ненавистью пользуется жаргонъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Лембергѣ совѣтъ адвокатскаго сословія подвергъ дисциплинарной карѣ одного молодого адвоката за то, что онъ публично произнесъ рѣчь на жаргонѣ. Не за содержаніе, а за жаргонъ! Въ этой ненависти къ еврейскому національному достоянію объединяются всѣ польскія партіи, отъ клерикаловъ до социаль-демократовъ. Не только сіонизмъ, не только социалисты Поалэ-Ціонъ, но и такъ называемая «еврейская социалистическая партія», соотвѣтствующая нашему Бунду и признающая евреевъ за особую національность, бойкотируется и преслѣдуется польскими социаль-демократами. Когда въ 1906 году депутатъ Штраухеръ впервые заговорилъ съ трибуны рейхсрата о евреяхъ, какъ націи, рѣзче и грубѣе всѣхъ издѣвался надъ нимъ вождь польскихъ социаль-демократовъ, Дашинскій. Двойная иллюстрація къ нашей темѣ: членъ угнетеннаго класса угнетенной націи, самъ завзятый націоналистъ, не хочетъ признать права на національную жизнь за другой народностью, еще болѣе угнетенной.

Впрочемъ, за самыми яркими иллюстраціями нѣтъ нужды отправляться за границу: ихъ сколько угодно въ русской Польшѣ. Тяжело и неловко объ этомъ говорить: въ передовой печати грустное положеніе Царства Польскаго всегда отмѣчается съ глубокимъ сочувствіемъ, и не принято нарушать общій тонъ упоминаніемъ про оборотную сторону польской медали.

Но вѣдь и на оборотной сторонѣ копошатся живые люди съ реальными страданіями, и въ сущности нѣтъ никакой причины замалчивать некрасивую правду...

Вотъ еще примѣръ, о которомъ тоже больно говорить. Въ Лондонѣ былъ недавно «конгрессъ угнетенныхъ націй». Представительница Финляндіи произнесла рѣчь, въ которой прозвучали покаянныя нотки. «И мы во многомъ были грѣшны», сказала она, «мы, живя подъ дамокловымъ мечемъ, сами угнетали другую націю — евреевъ. Пора было насъ встряхнуть. Но встряска эта оказалась слишкомъ ужъ сильной...» Да, слишкомъ сильной, и хочется вѣрить, что черная туча надъ Финляндіей всетаки пролетитъ и разсѣется безъ слѣда. Но что правда, то правда: о такомъ гнетѣ надъ евреями, какой существуетъ въ Финляндіи, даже Россія и Румынія не знаютъ. Евреямъ разрѣшено жить только въ трехъ городахъ (въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ и Або); за чертой города имъ воспрещено даже временное пребываніе, и первый встрѣчный финнъ, увидавъ еврея за городомъ, имѣетъ право арестовать преступника и представить въ участокъ. Большая часть промысловъ евреямъ недоступны. Браки между евреями обставлены стѣснительными и унижительными формальностями. Убой скота по еврейскому обряду воспрещенъ. Постройка синагогъ крайне затруднена. Поселеніе новыхъ евреевъ въ краѣ не допускается, незаконно проникшіе энергично выселяются мѣрами полиціи (даже теперь, въ моментъ глубокаго національнаго траура Финляндіи). Политическихъ правъ евреи лишены абсолютно, новый избирательный законъ, прославленный своей идеальной демократичностью, предоставляющій избирательныя права женщинамъ, оставилъ евреевъ за порогомъ. Тоже

демократія, тоже высокая культурность, тоже сами знаютъ, что такое угнетеніе и страданіе, а всетаки...

Мудръ былъ философъ, который сказалъ: homo homini lupus. Человѣкъ для человѣка хуже волка, и долго еще мы этого ничѣмъ не передѣлаемъ, ни государственной реформой, ни культурой, ни горькими уроками жизни. Глупъ тотъ, кто вѣритъ сосѣду, хотя бы самому доброму, самому ласковому. Глупъ, кто полагается на справедливость: она существуетъ только для тѣхъ, которые способны кулакомъ и упорствомъ ея добиться. Когда слышишь упреки за проповѣдь обособленія, недовѣрія и прочихъ терпкихъ вещей, иногда хочется отвѣтить: Да, виновенъ. Проповѣдую и буду проповѣдывать, потому что въ обособленіи, въ недовѣрїи, въ вѣчномъ «насторожѣ», въ вѣчной дубинкѣ за пазухой — единственное средство еще кое какъ удержаться на ногахъ въ этой волчьей свалкѣ.

1910.

НЕ ВЪРЮ

Отвѣчая на статью «Homo homini lupus», одинъ почтенный публицистъ не отрицаетъ того, что человѣкъ человѣку волкъ и хуже волка, но всетаки думаетъ, что эта бѣда — отъ несовершенства политическаго и социальнаго строя. Демократія, а въ особенности тотъ грядущій порядокъ, носителемъ котораго является рабочій классъ, все это измѣнять и исправлять; «тогда» и слабымъ народностямъ хорошо будетъ житься за пазухой у сильныхъ. Я, по мнѣнію уважаемаго оппонента, неправъ, когда обвиняю и демократію въ прикосновенности къ «волчьей свалкѣ»: развѣ, говоритъ онъ, Галиція — демократія? развѣ тамъ фактическая власть въ рукахъ народа? А потому надо вѣрить въ свѣтлее будущее. Демократія, а за нею нѣчто еще лучшее, вступятъ нѣкогда въ свои права, и будетъ хорошо. Какъ у Некрасова: «вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ».

Долженъ признаться, что я въ барина не вѣрю. Конечно, только въ данномъ отношеніи, въ смыслѣ вѣрнаго лекарства противъ племенного гнета. Этотъ пробѣлъ въ цѣлебныхъ свойствахъ демократіи нисколько не умаляетъ ея цѣнности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Вѣдь кромѣ національныхъ или расо-

выхъ меньшинствъ, которыя боятся чужого гнета, есть на свѣтѣ, слава Богу, и большинства, которымъ чужой гнетъ не грозитъ. а грозитъ только «свой», единокровный гнетъ абсолютизма или олигархіи. Для нихъ демократія означаетъ болѣе или менѣе полное освобожденіе отъ политическаго гнета. И такъ какъ на свѣтѣ число людей, принадлежащихъ къ мажоритарнымъ націямъ, несравненно больше числа людей, принадлежащихъ къ націямъ миноритарнымъ, то прежде всего надо по справедливости считаться съ интересами первыхъ.

Что касается до вторыхъ, то и для нихъ переходъ страны къ демократическому строю представляетъ, хотя не всегда и не во всемъ, облегченіе. Облегченіе заключается главнымъ образомъ въ томъ, что открывается большая, чѣмъ прежде, возможность протестовать, организовываться, бороться. Но чтобы демократія сама по себѣ была гарантіей противъ гнета одной націи надъ другою — въ это я не вѣрю. Демократія есть наисовершеннѣйшая организація политическаго выраженія народной воли; поэтому всѣ народныя предрасудки тоже наисовершеннѣйшимъ образомъ выражаются въ дѣйствіяхъ именно подъ эгидой демократическаго строя. А чтобы предрасудки сами собой испарялись отъ демократической благодати, этого, надѣюсь, никто не скажетъ.

Отличнымъ примѣромъ являются Соединенные Штаты. Мой оппонентъ правъ, что Галиція не демократія; но Соединенные Штаты Сѣверной Америки — демократія въ самомъ обширномъ смыслѣ, хотя и своеобразно сложившаяся. Правда, избирательныя права еще только въ немногихъ штатахъ распространены на оба пола, и это, конечно, недочетъ; но, за этимъ

исключеніемъ, механика демократіи на лицо. Всеобщее, равное, прямое и тайное голосованіе; президентъ избирается не парламентомъ, какъ во Франціи, а всенародной подачей голосовъ, и его право veto въ законодательныхъ вопросахъ ограничено; главныя должностныя лица, держація въ рукахъ узлы мѣстной администраціи, тоже избираются; мѣстное самоуправленіе доведено до *pes plus ultra*; свобода слова, собраній, союзовъ абсолютная. А всетаки негровы линчуютъ и громятъ ни за что, ни про что, и всетаки въ южныхъ штатахъ они лишены избирательныхъ правъ за цвѣтъ кожи.

Галиція, конечно, не демократія. Но какъ отнестись къ теперешнимъ депутатамъ отъ польскаго населенія Галиціи? Вѣдь они избраны всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Что ни говорите, это есть демократическое представительство, выраженіе народной воли по очень усовершенствованной системѣ. Знаменитыя избирательныя фальсификаціи, о которыхъ я уже говорилъ, примѣняются въ Галиціи главнымъ образомъ противъ русинъ и евреевъ, значительно рѣже противъ польскихъ избирателей. Между тѣмъ мой оппонентъ хорошо знаетъ, что польское коло въ вѣнскомъ рейхсратѣ всетаки представляетъ изъ себя реакціонную силу, идущую почти во всемя рука объ руку съ христіанскими социалистами. Какъ ни мудри, приходится заключить, что таково или приблизительно таково, въ общемъ, коллективное настроеніе польскаго населенія Галиціи.

То же самое приходится сказать и о нѣмцахъ Австріи. Въ нѣмецкихъ округахъ всеобщее избирательное право проведено съ особою тщательностью, такъ какъ самыя округа у нѣмцевъ меньше, чѣмъ у остальныхъ національностей. Объ избирательныхъ фальси-

фикаціяхъ или насиліяхъ ничего не слышно. А въ результатѣ — кромѣ социалистовъ, почти всѣ нѣмецкіе депутаты принадлежатъ къ антисемитическимъ фракціямъ. Изъ нихъ самая большая — христіанскіе социалисты. Остальныя именуется либеральными и, дѣйствительно, всегда рѣзко выступаютъ противъ клерикальныхъ попопзновеній. Но когда онѣ объединились въ общій союзъ, то при этомъ было соблюдено одно важное условіе: евреи Офнеръ и Куранда не были приняты въ члены союза, хотя оба бѣдняги и считаютъ себя нѣмцами перваго сорта. Такъ и слышатся теперь по кулуарамъ эти два тевтонца іудейскаго вѣроисповѣданія, въ качествѣ «дикихъ», не находя себѣ пріюта. А когда въ 1908 г. одинъ патерь изъ партіи Люэгера внесъ резолюцію о введеніи процентной нормы для евреевъ въ австрійскихъ школахъ, большинство нѣмецкихъ депутатовъ, избранныхъ отъ культурнаго нѣмецкаго народа всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ, голосовало за. Если бы завтра Австрія стала демократической республикой, то всѣ эти нѣмцы, поляки и пр. избирали бы не только депутатовъ, но и губернаторовъ съ исправниками. Рѣшительно не вижу, почему ихніе исправники были бы тогда лучше ихнихъ депутатовъ.

Конечно, «тамъ, за далью непогоды», за горизонтомъ демократіи, намъ рисуютъ царство будущаго социалистическаго строя. Я считаю обобществленіе орудій производства и неизбѣжнымъ, и желательнымъ результатомъ социальнаго процесса и признаю, что носителемъ этого переворота является рабочій классъ; слѣдовательно, съ этой стороны тоже не принадлежу къ особенно закоснѣлымъ еретикамъ. Но гадать о деталяхъ будущаго строя всетаки рано. Одно можно

сказать съ увѣренностью: національныя различія тогда не только не исчезнутъ, но еще ярче выразятся благодаря полной свободѣ развитія національныхъ культуръ и, въ особенности, благодаря подъему массъ, которыя являются главными носительницами фактической національной самобытности. Къ этому взгляду приходятъ въ послѣднее время всѣ тѣ социаль-демократы, которые не кругомъ невѣжественны въ національномъ вопросѣ: этотъ взглядъ проводится въ обширномъ трудѣ О. Бауэра «Социаль-демократія и національный вопросъ», и даже Каутскій не такъ уже далекъ отъ него, какъ десять лѣтъ тому назадъ. Но предсказывать съ точностью до одной десятой, какъ тогда будутъ настроены національныя большинства по отношенію къ живущимъ среди нихъ инородцамъ, будутъ ли нѣмцы любить евреевъ и освободятся ли американцы отъ своей животной антипатіи къ неграмъ, — это было бы шарлатанствомъ: и правнукамъ нашимъ отъ сегодняшняго дня черезъ сто лѣтъ всѣ эти вопросы врядъ ли уже будутъ ясны. Пока же можно съ увѣренностью говорить только объ одномъ: свободенъ или несвободенъ отъ національныхъ предрасудковъ самъ носитель будущаго строя, пролетаріатъ? Тутъ я вынужденъ опять отвѣтить, что и въ этого барина не вѣрю.

Не надо пересаливать. Изъ того, что рабочій есть носитель будущаго, совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы рабочій представлялъ собою нравственное совершенство уже въ настоящемъ. Пролетаріатъ есть классъ неимущій, и въ качествѣ такового неизбѣжно несетъ на себѣ пока всѣ печальныя слѣды бѣдности, невѣжества и предрасудковъ. Въ томъ числѣ и расовыхъ. Международная солидарность пролетаріата озна-

чаетъ, въ первую очередь, то, что рабочіе одной страны дѣйствительно заинтересованы въ благосостояніи рабочихъ другой страны — иначе послѣдніе, не находя заработка на мѣстѣ, начнутъ эмигрировать и сбивать заработную плату у первыхъ. И, дѣйствительно, какъ только дѣло доходитъ до иммиграціи, международная солидарность пролетаріата стусшевывается, и остается голая борьба рабочихъ одной націи противъ рабочихъ другой націи за кусокъ хлѣба.

Въ малыхъ размѣрахъ эту племенную борьбу между рабочими можно было наблюдать, на примѣръ, еще недавно въ Бѣлостокѣ. Трудно сосчитать, сколько тамъ было столкновеній между христіанскими и еврейскими ткачами на той почвѣ, что христіанскіе рабочіе не признавали за евреями права работать на механическихъ станкахъ. При ручномъ станкѣ — пусть будетъ и еврей; но какъ только фабрика (даже еврейская) вводитъ машинные станки, мѣсто должно перейти къ русскому или поляку. Въ изданіяхъ Бунда сколько угодно матеріала по исторіи этой борьбы. Христіанскіе рабочіе до того упорно стояли за свою «монополию», что возникала опасность физическихъ столкновеній. Наконецъ, въ послѣднее время установили *modus vivendi* въ видѣ процентной нормы: евреевъ должно быть не больше 50 процентовъ — это на еврейскихъ-же фабрикахъ! Чтобы оцѣнить справедливость этого процента, надо принять во вниманіе, что въ Бѣлостокѣ евреи составляютъ значительное большинство населенія и что на христіанскія фабрики ихъ совсѣмъ не принимаютъ. Въ нѣсколько большихъ размѣрахъ то же самое происходило въ концѣ 90-хъ годовъ на француско-бельгійской границѣ, гдѣ французскіе сельско-хозяйственныя рабочіе силой противились допущенію

къ работамъ партіи бельгійцевъ, пришедшихъ изъ-за заставы. Но во весь ростъ вырисовывается эта эгоистическая политика пролетаріата въ той же Сѣверной Америкѣ, т.-е. именно тамъ, гдѣ крупная промышленность достигла наивысшей степени развитія, а сосредоточенныя въ ней рабочія массы — наивысшей степени вліянія. Кто не знаетъ, что всѣ драконовскія мѣры Соединенныхъ Штатовъ противъ иммиграціи диктуются этимъ вліяніемъ? Для капиталистовъ Сѣверной Америки иммиграція, чѣмъ ея больше, тѣмъ выгоднѣе, потому что она понижаетъ заработную плату. Двери закрываются только въ интересахъ «коренного» пролетаріата, для огражденія его отъ конкуренціи и подъ прямымъ давленіемъ могущественныхъ и богатыхъ профессиональныхъ союзовъ. Профессиональные союзы и не стѣсняются этого, и не скрываютъ. Ихъ позиція въ вопросѣ о вѣздѣ китайскихъ рабочихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго по ясности: не впускать, и баста. Въ прошломъ году объѣзжалъ Европу делегатъ, посланный этими союзами для изученія вопроса объ эмиграціи; въ своихъ сношеніяхъ съ рабочими секретаріатами и комитетами этотъ делегатъ совершенно недвусмысленно настаивалъ на томъ, что американскій пролетаріатъ вынужденъ занять позицію противъ наплыва заморскихъ братьевъ. Въ результатѣ, когда изъ нью-іоркскаго или гальвестонскаго порта, точь въ точь какъ изъ Волочиска, выпроваживаютъ назадъ пріѣзжаго еврея, то за этимъ актомъ обороны стоитъ американскій пролетарій, одобряетъ и не стѣняется.

Тѣ же профессиональные союзы въ штатахъ Юга энергично поддержали всѣ мѣры, отнявшія у негровъ избирательныя права. А негры юга — типично-проле-

гарское населеніе. Среди нихъ процентъ и промышлен-ныхъ, и особенно сельско-хозяйственныхъ рабочихъ значительно выше, чѣмъ у бѣлыхъ, а предпринимателей почти нѣтъ. Но кожа у нихъ черная, и южно-американскій бѣлый пролетаріатъ голосоваль за то, чтобы черныхъ его товарищей лишили избирательныхъ правъ.

Правда, огромное большинство американскихъ рабочихъ еще не озарено благодатью социалистической вѣры. Но вѣдь классовая психологія пролетаріата зиждется на его объективной социальной функціи и вытекающихъ изъ нея реальныхъ интересахъ, а не на той или иной субъективно-воспринятой идеологіи. И въ смыслѣ классовой солидарности американскіе рабочіе дадутъ кому угодно сто очковъ впередъ: первое доказательство тому — монументальная сила ихъ профессиональныхъ союзовъ, импозантность ихъ рѣдкихъ, но грандіозныхъ забастовокъ. Но классовая солидарность превращается въ свою противоположность, какъ только на сцену слишкомъ густо напираетъ голодный заграничный пролетаріатъ; и классовая солидарность молчитъ, когда подымаетъ свой голосъ нелѣпѣйшій, отвратительнѣйшій изъ расовыхъ предразсудковъ.

Но и озаренные благодатью тоже еще не такъ прочны въ этомъ смыслѣ, какъ хочется вѣрить моему оппоненту. Въ упомянутой книгѣ Бауэра немного приподнята завѣса надъ національными треніями внутри австрійской социаль-демократіи, даже послѣ того, какъ брюннскій партейтагъ установилъ вѣчный миръ и ладъ. Между чешскими и нѣмецкими социаль-демократами доходило на выборахъ до голосованія за разныхъ кандидатовъ, чехи за чеха и нѣмцы за нѣмца, въ одномъ и томъ же округѣ, не взирая на буржуазную опасность.

Но особенно характерно, конечно, отношеніе къ евреямъ. Ужъ оставимъ то, что вѣнская «Arbeiter-Zeitung», органъ крещеныхъ евреевъ Виктора Адлера и Аустерлица, сплошь и рядомъ отпускаетъ, особенно въ полемикѣ противъ «Neue Freie Presse», юдофобскія шуточки, которыхъ въ Россіи не разрѣшила бы себѣ ни одна приличная газета. Не будемъ останавливаться на такихъ пустякахъ, какъ стиль оффиціального органа партіи, и взглянемся въ принципиальное отношеніе. О Дашинскомъ, лидерѣ польскихъ социалистовъ, я уже упоминалъ. Для него мысль о томъ, что еврей хочетъ обучаться въ своей школѣ на своемъ языкѣ и объясняться съ судьей на жаргонѣ, такъ же точно, какъ полякъ объясняется по-польски и русинъ по-русински, — и смѣшна, и возмутительна. Онъ это не разъ, и въ самой хлесткой формѣ, высказывалъ и съ трибуны парламента, и въ народныхъ собраніяхъ. Для Отто Бауэра, главнаго теоретика австрійской социаль-демократіи по національному вопросу, всѣ національности хороши, всѣ самобытныя культуры подлежатъ самой тщательной поддержкѣ и охранѣ — кромѣ еврейской. Онъ не отрицаетъ, что евреи пока еще нація; но ей слѣдуетъ исчезнуть. Почему? На это у Бауэра простой отвѣтъ, замѣчательный по искренности и цинизму: евреи не должны забывать, что христіанское общество сильно пропитано антисемитизмомъ, что отъ этого настроенія далеко не свободенъ даже христіанскій пролетаріатъ (sic), что всякія специфическія еврейскія особенности, вродѣ акцента, вызываютъ у христіанскихъ сосѣдей отталкиваніе, а потому евреямъ надо изо всѣхъ силъ ассимилироваться, лучше всего — посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Иными словами: антисемитизмъ санкціонуется, и евреямъ рекомен-

дуются не бороться съ нимъ, а, напротивъ, подладиться подь вкусъ антисемитовъ. Книга эта издана серьезными, правобѣрными марксистами и считается, наряду съ сочиненіями Шпрингера, библией австрійскихъ социаль-демократовъ по національному вопросу.

На фонѣ этого теоретическаго отношенія разыгрываются иногда во станѣ австрійской социаль-демократіи и совсѣмъ знакомыя сцены, напоминающія не столько о космополитической солидарности рабочаго класса, сколько о практикѣ дворянскихъ клубовъ, куда не пускаютъ евреевъ. Такая сцена вышла недавно на перьвомайскомъ праздникѣ въ Вѣнѣ. Въ праздникѣ осмѣлилась принять участіе группа еврейскихъ рабочихъ и подмастерьевъ изъ партіи Поалэ-Ціонъ. Они прошли по городу со своими красными знаменами, на знаменахъ были еврейскія надписи, и пѣли они еврейскія пѣсни; они думали, что это не грѣхъ, разь у нѣмцевъ нѣмецкія и у чеховъ чешскія надписи и пѣсни. Но когда они явились въ общій Lokal въ Пратерѣ, то къ нимъ подошелъ одинъ изъ редакторовъ «Arbeiter-Zeitung», онъ же распорядитель праздника, и приказалъ или не пѣть еврейскихъ пѣсень (hebräische Weisen), или убираться. «Иначе — прибавилъ — я не ручаюсь...» Тѣ ушли. Потомъ говорили изъ разныхъ источниковъ, будто сами рабочіе тутъ не при чемъ, а все сдѣлалъ распорядитель по собственному вдохновенію. Можетъ быть. Но вѣдь онъ то ужъ навѣрное пропитанъ социалистическою благодатью...

Нѣтъ, не вѣрю ни въ какого барина, ни въ завтрашняго, ни въ послѣзавтрашняго. А въ дубинку за пазухой вѣрю, ибо вижу отъ нея барыши въ сосѣдскихъ карманахъ.

НАШЕ БЫТОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

Недавно, по поводу одной моей газетной статьи, я удостоился получить нѣсколько писемъ отъ молодыхъ людей, обиженныхъ замѣчаніемъ, что еврейскіе дезертиры, принимающіе христіанскую вѣру ради выгодъ, засоряютъ ту христіанскую общину, къ которой приписываются. Молодые люди находятъ, что это напраслина. Во-первыхъ, они не дезертиры: «развѣ переходъ изъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ другое обусловливаетъ собою переходъ въ другую національность?» Во-вторыхъ, они ничего не засоряютъ. «Развѣ окропльшій насъ водою священникъ водрузилъ насъ тѣмъ на нивѣ своей общины? Нѣтъ, онъ насъ только вписалъ въ метрическую книгу. Что жъ мы засоряемъ?» А въ другомъ письмѣ идутъ еще дальше: если дезертиръ даже «водружается» на чужой нивѣ, то онъ ее не только не «засоряетъ», а даже напротивъ — украшаетъ: въ доказательство цитируется нѣсколько именъ изъ книги Когута «Знаменитые евреи и еврейки». Вообще же молодые люди находятъ, что писать о нихъ не деликатно: «существуетъ кругъ такихъ явленій, которыя являются дѣломъ личной совѣсти, и куда человѣкъ интеллигентный не долженъ залѣзть руками».

Это пишетъ одна сторона. А вотъ любопытный

откликъ съ другой стороны: письмо одного популярнаго хулигана. Оно напечатано въ «Земщинѣ» и гласить:

«Въ главной палатѣ русскаго народнаго союза имени Михаила Архангела почти ежедневно получаютъ письма отъ евреевъ на мое имя съ просьбой: «будьте мнѣ крестнымъ отцомъ — хочу креститься». Письма рву, взглянувъ на подпись жида, но на завтра новое. Сегодня получилъ такое: «Ваше высокопревосходительство! Я еврей г. Винницы. Желая принять православіе, имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство стать моимъ крестнымъ отцомъ. Беръ Заксъ. 17-го сентября 1910 г. Винница. Почтовая ул., д. Шерра». — Вступать въ какую бы то ни было переписку съ жидами не намѣренъ, посему, въ цѣляхъ сберечь время и бумагу тѣмъ, которые пожелали бы послѣдовать примѣру Закса, считаю нужнымъ уяснить мою принципиальную точку зрѣнія на этотъ вопросъ и полагаю, что жидкамъ она будетъ ясна изъ слѣдующей телеграммы, посланной мною въ отвѣтъ юркому Заксу: «Винница, Почтовая ул., д. Шерра. Беру Заксу. Для евреевъ крещеніе — видъ гешефта: окончившій гимназію крестится, дабы попасть въ университетъ, купецъ, чтобы устроиться внѣ черты осѣдлости, и такъ далѣе. Отказываюсь быть пособникомъ неблаговидныхъ поступковъ, предпочитая еврея не крещеннаго выкрестившемуся изъ-за побужденій, чуждыхъ душевнымъ запросамъ, а наличности таковыхъ у евреевъ не имѣется».

Конечно, мнѣніе этого лица не можетъ служить этическимъ мѣриломъ; привожу его не какъ аргументъ, а просто для характеристики настроеній. Что и говорить, съ пощечиной Полишинеля можно не

считаться. Но да будетъ позволено напомнить по этому поводу старую басню Федра. Тамъ изображенъ умирающій левъ, къ которому приходятъ разные звѣри, и каждый норовитъ его какъ-нибудь обидѣть. И левъ все терпитъ; но когда напоследокъ явился asinus, asini, второго склоненія, и тоже лягнулъ въ большое мѣсто, левъ не выдержалъ и заплакалъ, сказавъ: «Твой пинокъ, о срамъ природы, усугубляетъ для меня горечь смерти». А ужъ на что левъ — гордый звѣрь. Очевидно, во времена Федра еще полагали, что такой пинокъ — это ужъ самое послѣднее дѣло, предѣлъ надругательства. Но мы теперь умные, и предразсудки давно ликвидированы.

Предразсудки до того начисто ликвидированы, душа человѣка превращена въ такое идеально-гладкое, зеркально-лысое пустое мѣсто, что сплошь и рядомъ чувствуешь себя беспомощнымъ и безотвѣтнымъ предъ этой абсолютною плѣшью, гдѣ не осталось ничего со вчерашняго дня — ни одного разъ навсегда вбитаго гвоздя, ни одной глубоко вросшей былинки, ни традицій, ни аксіомъ, ни простой брезгливости, даже ничего похожаго на доску съ надписью: «здѣсь воспрещается». И когда вы пытаетесь напомнить, что все-таки должно же быть на свѣтѣ нѣчто воспрещенное, нѣчто такое, отъ чего сама собою отдергивается рука, васъ огорошиваютъ вопросомъ: А почему нельзя? — И вы вдругъ постигаете, растерянный, что, въ сущности, отвѣта у васъ нѣтъ. Ибо есть вещи, которыя доказать невозможно. И, какъ на зло, жизнь такъ глупо устроена, что именно тѣ щекотливыя вещи, которыя невозможно доказать, — именно онѣ дѣлаютъ разницу между человѣкомъ порядочнымъ и человѣкомъ покладистымъ.

Кто скитался за послѣдніе годы по такъ называемой «еврейской улицѣ», тому хорошо знакомъ этотъ убійственный вопросъ: «А почему нельзя?» Сталь онъ раздаваться недавно. Прежде было совсѣмъ другое время: прежде, въ эпоху подъема и до него, было всѣмъ ясно само собою, что на человѣкѣ лежитъ нѣкій долгъ, и что не все ему дозволено; каждый понималъ этотъ долгъ по своему, но атмосфера нѣкоторой нравственной дисциплины ощущалась повсюду, на какихъ угодно общественныхъ задворкахъ. И если кому ужъ приходилось нарушить эту дисциплину, сдѣлать что-нибудь такое, чего совѣсть не позволяла, то онъ старался ступешеваться, а не выступалъ гоголемъ на площади и не спрашивалъ: А почему бы нѣтъ? — Но прошелъ подъемъ, и все это измѣнилось. Нравственная дисциплина лопнула, и значительная часть молодежи пустилась въ погоню за своей долей, граціозно прыгая чрезъ какія угодно препятствія. При этомъ они держатъ голову гордо и высоко, пишутъ письма въ редакцію и требуютъ: одно изъ двухъ — или докажи имъ, осязательно, какъ дважды два, почему нельзя перепрыгивать чрезъ нѣкоторыя препятствія, или сними шапку, расшаркайся и признай ихъ полноправными джентльменами.

Конечно, для себя, для своей души, каждый изъ насъ хорошо знаетъ, «почему нельзя». Когда мы себя объ этомъ спрашиваемъ, то оглядываемся назадъ, и нашему духовному взору открывается картина, которая лучше всякаго отвѣта. Передъ нами разстилается необозримая равнина двухтысячелѣтняго мученичества; и на этой равнинѣ, въ любой странѣ, въ любую эпоху, видимъ мы одно и то же зрѣлище: кучка бѣдныхъ, бородатыхъ, горбоносыхъ людей сгрудилась

въ кружокъ подъ ударами, что сыплются отовсюду, и цѣпко держится нервными руками за какую-то святыню. Эта двадцативѣковая самооборона, молчаливая, непрерывная, обиденная, есть величайшій изъ національныхъ подвиговъ міра, предъ которымъ ничтсжны даже греко-персидскія войны, даже исторія Четырехъ Лѣсныхъ Кантоновъ, даже возстановленіе Италіи. Сами враги наши снимаютъ шапку предъ величіемъ этого грандіознаго упорства. Въ концѣ концовъ, люди забыли всѣ наши заслуги, забыли, кто имъ далъ единаго Бога и идею соціальной правды; насъ они считаютъ изолгавшимся племенемъ, въ душѣ котораго ничего не осталось, кромѣ коллекціи уловокъ и увертокъ, на подобіе связки отмычекъ у вора; и если передъ чѣмъ-нибудь еще преклоняется даже злѣйшій изъ клеветниковъ, если въ чемъ-нибудь еще видитъ, не можетъ не видѣть символъ и послѣдній остатокъ великой, исполинской нравственной мощи, — это только въ уцѣлѣвшей, ни на мигъ доселѣ не дрогнувшей способности страдать безъ конца за нѣкое древнее знамя. Въ этомъ упорствѣ наша высокая аристократичность, нашъ царскій титулъ, наше единственное право смотрѣть сверху внизъ. И теперь, надъ могилами несмѣтнаго ряда мученическихъ поколѣній, разорвать этотъ кругъ, распуснуть самооборону, выдать старое знамя старьевщикамъ? Что же намъ останется? Какъ это мыслимо? Какъ это возможно?! — Такъ ощущаемъ мы, еще не ликвидировавшіе предрасудковъ. Но вѣдь это ощущение, а не доказательство.

Не знаю, какъ другіе, которые умнѣе меня, но я долженъ сознаться, что не все могу доказать. Въ 1907 г. пришелъ ко мнѣ (было это въ Одессѣ) одинъ

юноша, когда-то мой протеже, и изложилъ мнѣ обычный въ тѣ дни планъ устройства личной жизни: онъ напишетъ банкиру такому-то письмо съ требованіемъ дать столько-то тысячъ, а если не дастъ, то его подстрѣлять. Я возмутился, заволновался, сталъ его отговаривать, а онъ меня срѣзалъ вопросомъ:

— А почему нельзя? докажите!

И со своей стороны изложилъ мнѣ свои аргументы. Онъ голодаеть, мать голодаеть... А банкиръ богатъ. И такъ далѣе — эту аргументацію всѣ мы слышали, и у всѣхъ она жива еще въ памяти. И сколько мы съ нимъ ни спорили, верхъ оставался за нимъ, потому что по логикѣ онъ былъ логиченъ, — а всетаки есть вещи, которыя не доказываются.

Другіе молодые люди пошли дальше. Они увидѣли, всмотрѣвшись поглубже, что если «можно» экспроприровать у банкира, то «почему нельзя» у лавочницы предмѣстья? Богатство — понятіе относительное и гибкое. Богатъ для меня тотъ, кто въ данную минуту богаче меня: если у лавочницы въ кассѣ лежитъ 80 копѣекъ выручки, а я голодень, она для меня богачка, и я имѣю полное право... А потомъ другіе пошли еще дальше. Почему я для этого непременно долженъ быть голодень въ грубомъ смыслѣ слова, физически голодень? А если желудокъ мой полонъ, но душа голодна, если мнѣ тоже хочется прифрантиться, сходить въ театръ, покататься съ барышнями, то почему я долженъ страдать, за что должна увядать безъ блеска и радости моя молодость, когда одинъ удачный налетъ можетъ распахнуть предо мною всю полноту жизни? И опять приходилось разводить руками и молчать, не находя отвѣта. Потому

что непримѣнима таблица умноженія въ социальныхъ отношеніяхъ. Тѣ молодые люди, что въ памятную эпоху налетовъ срамили и топтали наше народное доброе имя, что хуже черной сотни съ ея резинами терзали и разоряли нашу нищую массу, были, по большей части, ловкіе діалектики, и по таблицѣ умноженія очень искусно доказывали свою высшую правоту. Но въ то же время нестерпимый чадъ гнусной, неслыханной деморализаціи разливался отъ нихъ во-кругъ, и было ясно, что, на перекоръ всякой діалектикѣ, все-таки есть вещи недозволенные, и должна быть въ человѣкѣ внутренняя брезгливость, которая безъ словъ, непосредственно подсказывала бы ему, «почему нельзя». Этическое познается не разсужденіями, а оцупью, и въ комъ этого таланта оцупи нѣтъ, тотъ калѣва.

Бываютъ, конечно, калѣвки разной степени. Изъ примѣровъ, которые приведены только что, не слѣдуетъ заключать, что я ставлю дезертировъ на одну доску съ кѣмъ либо изъ перечисленныхъ героевъ. Понятно нѣтъ. Но, съ другой стороны, я не награжденъ отъ Бога и той снисходительностью, которая считаетъ переходъ въ чужую вѣру ради голой выгоды за нѣчто невинное. Думаю, что этотъ актъ ясно и непреложно говорить о нравственной глухотѣ субъекта. И въ особенности тогда, когда онъ совершается въ нашихъ здѣшнихъ условіяхъ, надъ поверженнымъ и израненнымъ тѣломъ затравленнаго, окруженнаго повсюду врагами и беззащитнаго російскаго еврейства.

Въ эпоху студенческихъ волненій былъ однажды такой случай. Десять студентовъ посадили въ одну небольшую камеру; имъ было тамъ невыносимо тѣсно, душно и грязно. Одного изъ нихъ приставъ зналъ,

такъ какъ игрывалъ въ карты съ его отцомъ; онъ вызвалъ этого студента и предложилъ перевести его въ камеру вѣсового. — И вамъ будетъ удобнѣе, и товарищамъ всетаки легче, — сказалъ любезный приставъ. Но студентъ отказался. Собственно говоря, почему было ему не согласиться? Вѣдь отъ него за то никакихъ «услугъ» не требовали, и товарищамъ его отказъ никакой видимой пользы не принесъ — напротивъ, если бы одинъ выбылъ, все же стало бы просторнѣе. Но студентъ отказался, потому что у него было этическое чутье. Онъ понялъ, или, вѣроятнѣе, просто почувствовалъ, что его переходъ на привилегированное положеніе, когда товарищи по бѣдѣ остаются въ ямѣ, посягалъ бы въ атмосферѣ какую-то неуловимую, невѣсомую деморализацію, которая гораздо ядовитѣе спертаго воздуха. — То былъ маленький случай, и бѣда была сравнительно маленькая. Теперь мы стоимъ предъ великимъ національнымъ горемъ, въ глубокой ямѣ копошатся не десять человѣкъ, а шесть милліоновъ, цѣлая Португалія, двѣ Норвегіи, и вопросъ о томъ, есть ли у насъ это чутье невѣсомыхъ преградъ, разрастается до размѣровъ огромной національной трагедіи. Передъ лицомъ этой трагедіи человѣкъ, которому дано перо въ руки, не имѣетъ права считаться съ личными переживаніями отдѣльных дезертировъ. Онъ долженъ напомнить во всеуслышаніе старую истину, черезъ которую вы слишкомъ цинично переступили: что именно талантъ внутренней брезгливости, именно чутье невѣсомыхъ святынь и преградъ создаетъ то, что мы называемъ порядочностью, *sittlicher Ernst*; и у кого въ такую тяжелую эпоху медленной пытки, затяжного погрома не оказывается въ наличности этого чутья, тотъ дол-

женъ самъ понять себѣ цѣну и не удивляться, если другіе называютъ ее вслухъ.

Хочется говорить объ этомъ какъ можно болѣе сдержанно, и оттого главнымъ образомъ приходится настаивать на невѣсомыхъ моментахъ. Вѣдь съ той стороны это — главный доводъ: «живя согласно съ строгимъ моралю, я никому не сдѣлалъ въ жизни зла». Хочется напомнить людямъ, что если даже допустить, будто и въ самомъ дѣлѣ «никому не сдѣлано зла», это еще само по себѣ далеко не отворяетъ двери въ ту комнату, гдѣ у Бога помѣщены джентльмены, — люди, которымъ можно довѣрять, люди, съ которыми можно вмѣстѣ страдать и которые не выльзутъ въ окошко... Но, въ концѣ концовъ, этотъ вѣчный припѣвъ cadaго дезертира, что онъ «никому не сдѣлалъ зла», тоже неправда.

Когда люди еще вѣрили въ Государственную Думу, въ одномъ городѣ черты осѣдлости была выставлена кандидатура бывшаго еврея, популярнаго мѣстнаго дѣятеля. Націоналисты были противъ этого, и одинъ изъ нихъ сказалъ мѣткое слово: — Вамъ нуженъ въ Думѣ человекъ, который отстаивалъ бы ваше равноправіе. Такъ не посылайте въ Думу человека, который самъ является живымъ доказательствомъ того, что можно великолѣпно обойтись и безъ равноправія.

Сейчасъ выборовъ нѣтъ и больше о такихъ кандидатурахъ не слышно, и всѣ эти безобидные молодые люди, которые «никому не дѣлаютъ зла», идутъ представлять о насъ не въ Думу, а на самое торжище жизни. Но тѣмъ глубже политическое вліяніе этого массоваго представительства, и мы, остающіеся въ ямѣ, еще учтемъ его плоды на своей шкурѣ. Ибо никогда еще мы не выпускали въ міръ съ такой лег-

костью такого множества живыхъ доказательствъ, что можно при желаніи обойтись и безъ равноправія. Въ Германіи, напримѣръ, уже давно знаютъ, что «ренегатство, оказывая губительнѣйшее нравственное вліяніе, кромѣ того еще тормозитъ борьбу германскаго еврейства за фактическое осуществленіе его политическихъ и гражданскихъ правъ. Теперь, когда нѣмецкое еврейство ведетъ упорную борьбу за свои конституціонныя права, ренегаты, добываясь этихъ правъ при помощи «Taufzettel», наносятъ общему дѣлу еврейства непоправимый ущербъ» (резолуція съѣзда германскихъ еврейскихъ дѣятелей въ 1910 г.). Тѣмъ хуже положеніе въ Россіи. На глазахъ у враговъ и равнодушныхъ наша молодежь съ такой легкостью мѣняетъ религію, что у зрителя возможенъ только одинъ выводъ: разъ это такъ легко и просто, то, очевидно, тѣ, которые этого не продѣлываютъ, далеко не такъ страшно угнетены, и особенно о нихъ беспокоиться нечего. Этотъ выводъ естественно складывается и осѣдаетъ не только у враговъ, но, что гораздо важнѣе, у равнодушныхъ, т. е. именно въ томъ кругу, отъ котораго зависитъ дать перевѣсъ друзьямъ или врагамъ. Какъ, какими доводами бороться тутъ за отмѣну еврейскаго безправія, за созданіе выхода изъ ямы, когда намъ отвѣтять: позвольте, но вѣдь выходъ уже есть, и очевидно вполне для васъ приемлемый! Какъ, какими словами отстаивать эмансипацію общины, изъ которой сотнями дезертируетъ ея «цвѣтъ», ея молодая интеллигенція, и самымъ фактомъ своего массоваго бѣгства кричитъ на всю Россію: монастырь оставленъ на вымираніе, стоитъ ли о немъ еще думать!

Въ концѣ концовъ все это выливается въ подстрекательство къ новому гнету. Свѣтская власть, мо-

жетъ быть, и не особенно рада этому новому устремленію строптиваго племени и склонна его разсматривать (не безъ основанія), какъ новый массовый «обходъ закона», новую «еврейскую уловку», по беззащитному цинизму превосходящую всѣ прежнія. Но вѣдь есть въ Россіи и духовная власть, очень вліятельная, въ иные періоды даже всемогущая. Духовенство господствующей церкви нигдѣ и никогда не оставалось безучастнымъ къ приросту своей паствы: призванное блюсти интересъ церкви, оно всегда и всюду смотрѣло на такой приростъ, какъ на явленіе положительное, и не особенно допытывалось о причинахъ и внутреннихъ побужденіяхъ, справедливо разсуждая, что, каковы бы ни были эти побужденія, во второмъ поколѣніи отъ нихъ не останется ни слѣда, а останется только чистый приростъ... Такъ разсуждала и по сей день разсуждаетъ господствующая церковь всюду на Западѣ и на Востокѣ. Какъ отнесется она въ Россіи къ этому еще небывалому урожаю неофитовъ, предсказать не берусь. Но очень боюсь, что мы даемъ въ могущественныя, очень могущественныя и принципиально-враждебныя намъ руки сильнѣйшій доводъ въ пользу не только сохраненія, но и усиленія всящаго надъ нами гнета.

Зато молодые люди насъ утѣшаютъ, что «выходъ изъ религіи не есть выходъ изъ національности». Нація наша, значить, и впредь будетъ почтена ихъ присутствіемъ. Лестно. Но тутъ опять сказывается нечуткое резонерство, неспособность ощутить то важное, что невѣсомо. Говоря вообще, это — совершенно справедливый принципъ: національность сама по себѣ, а религія сама по себѣ. Въ дни свободы, когда мы еще мечтали о созывѣ «національнаго собранія», мно-

гіе даже среди сіонистовъ и націоналистовъ провозглашали, что «членомъ еврейской національной общины является каждое лицо, признающее свою принадлежность къ еврейской національности, безъ различія вѣроисповѣданія». Но — нашимъ мечтамъ тогда рисовалась совершенно другая картина, чѣмъ то, что видимъ теперь. Намъ рисовался большой праздникъ свободы, когда еврейскій народъ на радостяхъ амнистировалъ бы старыхъ дезертировъ за старый грѣхъ, а впредь уже крещенія могли бы происходить только по убѣжденію. Это было бы совсѣмъ, совсѣмъ другое дѣло. Перемѣна вѣры изъ внутренняго убѣжденія въ превосходствѣ новой религіи — это къ чести человѣка, а не къ стыду... Но когда *эти* сегодняшніе молодые люди, только что ради голой выгоды съ легкостью вальса увильнувшіе отъ той круговой поруки, которой только и можетъ нація держаться, милостиво предлагаютъ и впредь числиться по нашему національному списку — то ужъ это съ ихъ стороны любезность чрезмѣрная и излишняя. Нѣтъ ужъ, молодые люди, скатертью дорога, а намъ въ утѣшеніе останется умное слово Герцля: «мы теряемъ тѣхъ, въ лицѣ которыхъ мы ничего не теряемъ».

«Выходъ изъ еврейской религіи не обусловливаетъ выхода изъ еврейской національности»... Если эти молодые люди искренно такъ думаютъ, то они горько обманываются. До сихъ поръ уходившіе изъ нашей религіи уходили и изъ нашей національности. И больше того: въ Европѣ существуетъ формула: «дѣдъ ассимиляторъ, отецъ крещенъ, сынъ антисемитъ». Это вполне естественно. У «отца» еще всетаки что-то теплое осталось въ душѣ отъ воспоминаній дѣтства, связанныхъ съ субботой, или хоть отъ слезъ матери

въ тотъ день, когда онъ пошелъ къ священнику. Но ужъ у его сына не можетъ быть ничего, кромѣ глухой досады на всѣхъ евреевъ за то, что его еще все-таки иногда поругиваютъ Judenbub'омъ. Забыть о еврействѣ ему не дадутъ, любить еврейство онъ не можетъ — остается одно: ненавидѣть, и это одно съ неизбѣжностью, въ той или иной степени, повторится и въ Россіи. Еврейскій народъ не новичокъ въ этомъ вопросѣ — онъ уже привыкъ, глядя въ догонку уходящему дезертиру, горестно думать о томъ, что, можетъ быть, ровно черезъ одно поколѣніе новый камень съ улицы ударится въ его окошко. Кто знаетъ, еще можетъ быть ихъ дѣти нѣкогда будутъ выселять изъ Кіева нашихъ дѣтей.

Множество софизмовъ пущено теперь по улицѣ, чтобъ оправдать эту вакханалію бѣгства, и всѣ софизмы гнилые и неискренніе. Самый ходкій тотъ, что, молъ, крестятся вовсе не «для голой выгоды», а ради науки. Это болтовня. Науку юридическую, философскую, историческую и т. п. можно получить въ публичной библіотекѣ, и еще бесплатно. А науку медицинскую или инженерную можно получить заграницей, въ крайнемъ случаѣ голодая, какъ голодаютъ тысячи нашихъ юношей и дѣвушекъ въ разныхъ Бернахъ и Женевахъ, предпочитающіе мучиться, но не креститься. Крестятся ради диплома, т. е. ради выгоды, ради того, чтобы вести потомъ сравнительно привольную жизнь адвоката, инженера или врача, а не быть вынужденнымъ (о, ужасъ!) пасть, напирмѣръ, до приказчика. Я понимаю, что страшно больно бросить посрединѣ разъ намѣченное русло жизни, ликвидировать мечты; но если люди не чувствуютъ, что дезертирство — это еще страшнѣе, еще больнѣе,

если изъ всѣхъ тяжслыхъ перспективъ имъ представляется наиболѣе приемлемой именно та, которая для здороваго чутья должна казаться самой ужасной — отступничество, то какое подыщешь имя, кромѣ нравственной глухоты? Да, наконецъ, развѣ только ради университета крестятся въ наше просвѣщенное время? Больно перечислять въ печати, предъ чужими людьми, изъ за какихъ пустяковъ это продѣлывается на каждомъ шагу... Ибо зачѣмъ терпѣть даже малое неудобство, когда есть такой легкій выходъ, понимаете ли, такой *легкій*?! Эта легкость, необыкновенная, безпримѣрная, еще неслыханная въ еврейской исторіи — это и есть главная особенность теперешней эпидеміи, придающая послѣдней совершенно своеобразный характеръ полного паралича высшихъ этическихъ центровъ. Гдѣ-то въ ямѣ копошатся шесть милліоновъ, голодаютъ, стонуть, рвутъ на себѣ волосы; сто тысячъ ежегодно берутъ въ руки посохъ, пробираются черезъ границу, иногда безъ паспорта, подъ выстрѣлами, — ѣдутъ на край свѣта бороться за кусокъ хлѣба, и все это для нихъ оказывается легче, чѣмъ отступничество! Дураки — они еще не поняли, что отступничество-то легче всего...

При всемъ томъ эти молодые люди находятъ, что, пуская корни на новой нивѣ, они оную ничуть не «засоряютъ». Это дѣло вкуса, судить объ этомъ, въ концѣ концовъ, могутъ только сами новые единовѣрцы нашихъ бѣглецовъ. Что-то, однако, не слышно, чтобы неогфиты изъ евреевъ гдѣ-либо, въ какой-бы то ни было христіанской общинѣ слыли украшеніемъ. Еврейству, впрочемъ, все равно, какъ и гдѣ акклиматизируются тѣ, которые отъ него уходятъ. Но что не «все равно» — это самый фактъ, что намъ, сидящимъ въ

ямѣ, назначена премія за отступничество, и что въ этомъ растлѣвающимъ сознаниіи вырастаетъ наша молодежь. Въ концѣ концовъ, ничего мудренаго, если въ ея душѣ развивается такая готовность къ дерзирству по первому востребованію жизни. Она съ дѣтства знаетъ — и ей не дають ни на минуту забыть — что все запретное станетъ дозволеннымъ, если только согласишься, съ ложью въ душѣ, поклониться чужимъ алтарямъ. Это сознание расшатываетъ характеры, ослабляетъ задерживающіе центры, вытравляетъ нравственную брезгливость. А что можетъ наша молодежь противопоставить этому соблазну? Изъ современнаго еврейскаго воспитанія выброшено все, что могло бы закрѣпить въ ея душѣ положительныя связи съ еврействомъ. Чуда нѣтъ, если въ результатѣ остается голая, плѣшивая, пустая душа. Пусть это инымъ покажется жестокостью, но, мнѣ думается, лучше было бы россійскому еврейству остаться совсѣмъ заперти, безъ выхода, чѣмъ имѣть передъ собою *этотъ одинъ выходъ*, эту развращающую перспективу уплаты наличными за самое отвратительное изъ лицемѣрій. Одно время долго держался слухъ, будто этихъ молодыхъ людей такъ и не примутъ въ университетъ. Сознаюсь, я бы очень мало этимъ огорчился. И еще менѣе огорчился бы, если бы это стало правиломъ, распространяющимся на всѣ области полноправія. Ибо личная судьба нѣсколькихъ «юркихъ Заксовъ» интересуетъ насъ, какъ прошлогодній снѣгъ; но для народа нашего, для подрастающихъ дѣтей нашихъ не было ли бы здоровѣе, если бы во мракѣ нашего бытія перестали мерцать эти тридцать сребренниковъ равноправія, покупаемые такимъ путемъ...

ОБМѢНЪ КОМПЛИМЕНТОВЪ

РАЗГОВОРЪ

Это былъ именно разговоръ, бесѣда, *causerie*; я въ ней не участвовалъ, а сидѣлъ сбоку и слушалъ, и потому не отвѣчаю ни за доводы, ни за выводы. Тему бесѣдовавшимъ лицамъ дала напумѣвшая статья А. Столыпина о «низшей расѣ». Собесѣдниковъ двое: одинъ русскій, другой еврей; оба мирно сидятъ за чаемъ и ласково бесѣдуютъ о томъ, чья раса ниже.

— По моему, — сказалъ еврей, — вообще нѣтъ высшихъ и низшихъ расъ. У каждой есть свои особенности, своя фizioномія, свой комплексъ способностей, но я увѣренъ, что если бы можно было найти абсолютную мѣрку и точно расцѣнить прирожденные качества каждой расы, то въ общемъ оказалось бы, что всѣ онѣ приблизительно равноцѣнны.

— Какъ такъ? чукчи и эллины равноцѣнны?

— Я думаю. Поселите чукчей въ условіяхъ древней Эллады — и они, вѣроятно, дали бы міру свои цѣнности. Не тѣ самыя, какія дали міру греки, потому что у каждыаго народа свое, но все же цѣнности и, быть можетъ, равноцѣнныя съ эллинскими. Доказать это, конечно, не въ нашей власти; я вамъ только высказываю свое убѣжденіе, но зато ужъ это —

глубокое убѣжденіе. Я не вѣрю въ то, будто есть высшія и низшія расы. Всѣ одинаково по своему хороши.

— Странно слышать это именно изъ устъ еврея. Вы, которые исторически смотрѣли на себя, какъ на племя избранное...

— Да, да, знаю этотъ доводъ. Я вамъ и больше скажу: послѣ разрушенія второго храма Титомъ еврейскіе мудрецы больше всего убивались именно о томъ, что Богъ предалъ ихъ въ руки «умма шефела». «Умма шефела» значитъ буквально низшее племя. Понимаете, въ ихъ глазахъ римляне, блестящіе римляне эпохи принципата, уже впитавшіе въ себя, кромѣ собственной культуры, изысканную цѣнность эллинизма, — были всетаки низшей расой. Но это доказываетъ только одно: что тѣ мудрецы были ослѣплены. И точно такъ же всѣ новыя теоріи о низшихъ расахъ — продуктъ ослѣпленія.

— Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ. Конечно, А. Столыпинъ пересолилъ; это объясняется его личнымъ горемъ, которое именно ослѣпляетъ; надо это понять и прсстить. Но все же и въ другую сторону пересаливать нѣтъ надобности. Что всѣ расы равноцѣнны, это парадоксъ. Я могъ бы сослаться на негровъ, которые живутъ въ Америкѣ рядомъ съ бѣлыми и все-таки не равны бѣлымъ, на турокъ, которые устроили Стамбуль на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ арійцы создали Византію, и т. д. Но я считаю ваше общее положеніе, будто всѣ расы равноцѣнны, настолько парадоксальнымъ, что даже не стану его опровергать. Вы не найдете пяти человекъ даже среди вашихъ едино-вѣрцевъ — вѣрнѣе, особенно среди вашихъ едино-вѣрцевъ, — которые согласились бы съ этимъ мнѣ-

ніемъ. Оставимъ поэтому общій вопросъ въ сторонѣ. Рѣчь у насъ шла о еврейской расѣ. Повторяю, Столыпинъ пересолилъ. Я не скажу, чтобы и съ Чемберленомъ былъ вполнѣ согласенъ, хотя это очень образованный и очень вдумчивый мыслитель. Я также не во всемъ согласенъ съ вашимъ собственнымъ Вейнингеромъ, хотя и онъ приводитъ много поражающихъ, глубокихъ аргументовъ въ подтвержденіе того, что еврейская раса, такъ сказать, неполноцѣнна. Затѣмъ, я читалъ кое-что и съ вашей стороны — Гертца, который вообще отрицаетъ расу, и новаго писателя Цольшана, который считаетъ еврейскую расу превосходной. Главное же, чѣмъ я интересуюсь, это жизнь, и вотъ вамъ общее впечатлѣніе, которое у меня осталось по этому вопросу изъ книгъ и изъ наблюденія жизни. Вы, несомнѣнно, раса съ какими-то крупными органическими духовными недочетами. (Вы понимаете, я не говорю объ исключеніяхъ — есть очень почтенные евреи, я самъ знаю идеальныхъ людей изъ вашей среды: впрочемъ, и эти исключенія можно объяснить случайнымъ смѣшеніемъ крови; но тутъ не о нихъ идетъ рѣчь. вы понимаете).

— Понимаю, понимаю. не стѣсняйтесь, мы привыкли.

— И вотъ мое общее впечатлѣніе: вы раса безусловно неполноцѣнная. Полноцѣнной я называю расу творческую и гармонично-разностороннюю. Вы — ни то, ни другое. У васъ нѣтъ и никогда не было собственного творчества. Доказано, что ваше единобожіе и ваша суббота заимствованы; вы по отношенію къ этимъ идеямъ сыграли только роль популяризаторовъ, если позволите — даже комми-воажеровъ; къ этой роли еврейская раса, дѣйствительно, весьма приспособлена.

соблена. Зато еврейская душа неспособна ко многимъ воспріятіямъ, ваша гамма ощущеній крайне мала и не имѣтъ хроматическихъ оттѣнковъ; этимъ объясняется то, что у васъ въ лучшія времена вашей независимости не было никогда пластическихъ искусствъ. Для постройки храма Соломону пришлось вызвать зодчаго изъ за-границы. Въ вашей Библии — даже въ «Пѣсни пѣсней» — нѣтъ, говорятъ, ни одного слова, означающаго цвѣтъ, окраску. Только про Давида сказано, что онъ былъ рыжій, да Суламию себя называетъ смуглой; но краски природы, неба, моря, листвы — все это игнорируется, точно не существуетъ, не нужно, не интересно для сухого, расчетливаго, монотоннаго еврейскаго духа. Сравните съ этимъ Гомера, его *rhododactylos Eos* — зарю съ розовыми пальчиками!..

— Позвольте, при чемъ тутъ раса? Изъ той же расы произошли потомъ Израэльсь, Левитанъ... Да и чуть-ли не вся «русская» скульптура, простите, тоже произошла изъ этой расы — Антокольскій, Гинцбургъ, Аронсонъ... Просто въ древности не могло развиваться у евреевъ художество потому, что религія запрещала изображать то, что «на небѣ вверху и что на землѣ внизу»...

— Нѣтъ-съ, это не доводъ. Религіозныя вѣрованія не объясняютъ національнаго характера, они сами должны имѣть свое объясненіе въ особенностяхъ національнаго характера. Народъ съ художественными задатками никогда не принялъ бы антихудожественной религіи. Но вы меня не прерывайте. Я иду дальше: и библейская этика ваша, которой вы такъ гордитесь, какая-то сухая, расчетливая, — не-рыцарская, чтобы не сказать — просто неблагородная. Каждый

параграфъ имѣеть ясную практическую санкцію, обязательство Господа Бога уплатить наличными: дать зѣмлю, текущую млеко́мъ и медомъ, продлить дни твои на землѣ... Библия не знаетъ высшихъ стимуловъ морали — ни идеи совершенства, ни приближенія къ божеству, ни загробной жизни. Вдумайтесь только въ этотъ фактъ: народъ, въ священныхъ книгахъ котораго нѣтъ ни слова о томъ, что будетъ съ человѣкомъ послѣ смерти! Сравните это съ арійцами, у которыхъ вся религія-то началась съ культа «отцовъ»! Вѣдь это разительное доказательство полного отсутствія интереса ко всему, что не имѣеть непосредственной практической цѣли. За предѣлами практическихъ надобностей общежитія у васъ не только воля, но даже мысль не работала. Просто не интересовались. Неужели все это не даетъ права отрицать многогранность еврейской души? Неужели она равноцѣнна съ душой арійца, всесторонняго, рыцарственнаго, мечтательнаго, гармоническаго? Поймите, я не хочу обидѣть...

— Понимаю, понимаю. Пожалуйста.

— Да я кончилъ. Хотѣлъ только прибавить, что и въ жизни не могу не видѣть подтвержденій этого взгляда. Распространяться на эту тему не хочу, но всетаки согласитесь, что если всѣ, всюду, всегда ненавидятъ и презирають одну и ту же расу, то вѣдь нельзя это такъ просто объяснить однимъ тѣмъ, что всѣ люди, молъ, мерзавцы. Мѣняются предлоги вражды, мѣняется содержаніе обвиненій, предъявляемыхъ къ евреямъ, но вражда и презрѣніе вѣчны. Неужели вамъ самимъ въ голову никогда не приходитъ, что вѣрно есть въ васъ что-то такое неприемлемое, нестерпимое, разъ всегда и повсюду вы наталкиваетесь на одно

и то же отношеніе? Возьмите только списокъ выдающихся людей, которые терпѣть не могли евреевъ: кого вы тамъ только не найдете! Цицеронъ, Ювеналь и Тацитъ, Джордано Бруно и Лютеръ; Шекспиръ, Вагнеръ, Дюрингъ, Гартманъ, въ сущности и Ренанъ; Пушкинъ, Гоголь, Шевченко, Достоевскій, Тургеневъ... Это даже не десятая доля полного списка. Наконецъ, вотъ что я вамъ скажу. Вы, евреи, вообще мало встрѣчаетесь съ русскими, даже съ юдофильствующими; а я среди нихъ живу и знаю, какъ они къ вамъ относятся, когда васъ нѣтъ по близости. Вы, господа, сами не знаете, сколько у васъ враговъ даже среди вашихъ друзей. Можетъ быть, это не «вражда» въ настоящемъ смыслѣ, даже не презрѣніе: это именно каксе-то непреоборимое ощущеніе низшаго существа, низшей расы. Это ощущеніе есть у всѣхъ, и если какой-нибудь Милюковъ или даже Плехановъ станетъ меня увѣрять, будто оно ему незнакомо, я ему не повѣрю. А когда одно и то же чувство раздѣляютъ всѣ, тогда то чувство — правда.

— Вы кончили?

— Кончилъ. Жду вашихъ возраженій.

— Я не буду возражать.

— Вотъ какъ?

— Не буду. Развѣ укажу вамъ на двѣ-три мелочи, которыя мнѣ больше запомнились. Напримѣръ, о загробной жизни. Въ Библии о ней, дѣйствительно, не говорится; тѣмъ не менѣе совершенно ясно, что вѣрованія о загробной жизни у древнихъ евреевъ были. Саулъ въ Энъ-Дорѣ вызываетъ тѣнь пророка Самуила; Самуиль «подымается» и спрашиваетъ: «зачѣмъ ты меня потревожилъ?» Для всякаго, кто привыкъ разбираться въ исторіи культуры, ясно, что

такая легенда. такія выраженія, вообще самая идея вызыванія мертвецовъ можетъ зародиться только тамъ, гдѣ есть вѣра, что мертвецъ и за гробомъ продолжаетъ жить. А другія выраженія Библии, вродѣ того, что «Авраамъ присоединился къ народу своему», иными словами — умеръ? Или та тщательность, съ которой Авраамъ выбираетъ мѣсто, гдѣ похоронить Сарру? Всякій соціологъ скажетъ вамъ, что это явныя черты народа, вѣровавшаго въ загробную жизнь. Прямого излсженія этихъ вѣрованій въ Библии не сохранилось, но не забудьте, что почти вся древнѣйшая литература евреевъ погибла, и Библия — только осколки ея. Въ книгѣ Есѡири ни разу не упоминается имя Божіе. Если бы уцѣлѣла только она, вы бы стали увѣрять, что евреи не знали идеи Бога... Или вотъ, тоже о краскахъ и вообще о художествѣ. Во-первыхъ, кромѣ русаго Давида и смуглой Суламиѡи, въ Библии есть еще и «зеленѣющія» деревья, и «красная» чечевичная похлебка, и «синяя» пряжа. Во-вторыхъ, картины природы въ «Пѣсни пѣсней», именно по богатству зрительныхъ впечатлѣній, куда полнѣе Гомера и его розоперстой зари. Въ-третьихъ — почему вы напираете на отсутствіе пластическихъ искусствъ, а забываете о высокомъ развитіи музыки у древнихъ евреевъ? Книги Паралипоменонъ полны музыки даже черезчуръ — на каждомъ шагу музыка и пѣніе. Это еще спорно, какое искусство глубже, какое искусство болѣе артистично — пластическое или тоническое. А что касается до иностранныхъ зодчихъ, то вѣдь и вамъ въ Россіи долгое время всѣ лучшіе храмы строили заморскіе архитекторы, однако вы себѣ не отказываете въ художественной душѣ... Но это все мелочи. По существу я съ вами спорить не буду.

— Значить, согласны?

— Нѣтъ, это просто значить, что о вкусахъ не спорять. Изъ вашихъ словъ ясно только одно: что мы вамъ не нравимся. Это дѣло эстетики. Объективнаго критерія тутъ быть не можетъ. Вы считаете, что ждаты награды въ загробной жизни есть этика высшаго качества, чѣмъ ждаты награды въ жизни земной, а я считаю, что наоборотъ. Вы считаете, будто ученіе о приближеніи къ божеству выше ученія о томъ, что надо время отъ времени прощать долговныя обязательства, и во время жатвы оставлять край поля необраннымъ — для бѣдняковъ; а я полагаю, что въ этихъ простыхъ правилахъ куда больше правды, и не земной, а божественной правды, правды, приближающей къ божеству. Вы считаете, что заимствовать элементы культуры у Вавилона значить быть коммивояжерами; а я считаю, что всякое творчество въ мірѣ опирается на заимствованные элементы, и что народъ, который сумѣлъ, на самой зарѣ своей жизни, собрать эти осколки золота и создать изъ нихъ та-кой вѣчный храмъ, — что этотъ народъ есть народъ творчества *par excellence* среди всѣхъ народовъ земли. Словомъ, это дѣло вкуса. Я вѣдь не отрицатель расъ, я не спорю противъ того, что есть арійское начало и есть еврейское, и что они различны по содержанію. Я только считаю нелѣпостью всякую попытку расцѣ-нить оба эти начала, установить, какое изъ нихъ «высшее» и какое «низшее». Думаю, что предъ лицомъ объективности оба равноцѣнны и равно необходимы человѣчеству. А всякая оцѣнка можетъ исходить только изъ предвзятой нелюбви. Хотите, я вамъ покажу опытъ?

— Какой?

— Я попробую проанализировать нѣсколько моментовъ изъ русской исторіи. Буду при этомъ дѣйствовать такъ же, какъ вы: возьму въ руки такую мѣрку, какая мнѣ нравится. и буду ее прилагать къ событіямъ, изложеннымъ у Иловайскаго. Посмотримъ, что получится. Хотите?

— Пожалуйста. Compliments за compliments.

— Именно. Начнемъ съ мѣрки. По вашему, мѣрка высшей расы—это творчество и многогранность. Я могъ бы поспорить и на ту тему, доказало ли русское племя въ чемъ-нибудь свою творческую многогранность—дало ли оно міру хоть одно великое новое слово въ области науки, религіи, философіи, законодательства, техники, искусства... Но оставимъ это. Дѣло въ томъ, что я выдвигаю другой критерій высшей расы: самосознаніе. Въ существѣ высшей породы, будь это ученый среди дикарей или аристократъ среди плебеевъ, всегда живетъ неискоренимое, неподвластное его собственной волѣ сознаніе своей цѣнности. Внѣшне оно выражается въ томъ, что мы называемъ разными именами—чаще всего гордостью. Это есть та черта, благодаря которой король Лиръ и въ рубищѣ остается королемъ: онъ сознаетъ себя королемъ, онъ не можетъ отдѣлаться отъ этого сознанія. Это ощущеніе своей аристократичности есть первый и главный признакъ аристократичности. Конечно, иногда рагвену выдаетъ себя за аристократа; съ другой стороны, и у бушменовъ есть повѣрье, что остальные люди хуже ихъ. Но достаточно выскочкѣ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ настоящимъ бариномъ, и трещина въ его сознаніи сразу вскрыется: онъ смутится, онъ собьется съ тона—и онъ ощутитъ свою инфериорность. То же самое происходитъ съ бушменомъ при столкнове-

ніяхъ съ бѣлымъ человѣкомъ: въ концѣ концовъ, бѣлый ему всетаки импонируетъ. У обоихъ есть сознание своего превосходства, но у бѣлаго оно уцѣлѣетъ, а у бушмена расшатается и атрофируется, и бѣлый получить надъ нимъ не только кулачную, но и моральную власть. Поэтому, признакомъ высшей расы можно считать только такое сознание превосходства, которое оказалось способнымъ выдержать въ теченіе долгаго времени сильные конфликты и не пошатнулось.

— А, я понимаю вашу мысль. Такъ какъ, молъ, евреи три тысячи лѣтъ вѣрятъ въ свое превосходство, то они...

— Нѣтъ. Рѣчь у насъ не о евреяхъ, а о васъ, русскихъ. Я только разъяснялъ, что понимаю подъ словомъ «самосознание» и почему считаю наличность такого самосознанія главнымъ признакомъ высшей расы (если, конечно, допустить, что есть высшія и низшія расы). Высшая раса должна обладать прежде всего самосознаніемъ; ей присуща непоборимая гордость, выражающаяся, конечно, не въ спѣси, но въ стойкой выдержкѣ, въ уваженіи къ цѣнностямъ своего духа. Самая мысль о томъ, чтобы подчинить себя и свою душу чужому началу, должна быть органически неприемлема для такой расы. Теперь беремте Иловайскаго и начнемъ мѣрить этой мѣркой вашу русскую исторію.

— Посмотримъ.

— На зарѣ этой исторіи мы встрѣчаемся съ призваніемъ варяговъ. Фактъ замѣчательный. Вы скажете мнѣ, что это басня, а не фактъ. Я знаю. Конечно, на самомъ-то дѣлѣ оно произошло не такъ; вѣроятно, варяжскіе викинги просто на просто захва-

тили когда-то власть силой, и потомъ смутное воспоминаніе объ этомъ событіи превратилось въ легенду. Но вѣдь легенда есть плодъ народнаго творчества, и въ ней сказывается народная душа. Поэтому, если за «призваніе варяговъ» русскій народъ не отвѣтственъ, то за легенду о призваніи варяговъ онъ отвѣчаетъ. Та идея, которая лежитъ въ основѣ этой легенды, была, очевидно, вполнѣ приѣлема, совершенно естественна для русскаго народнаго самосознанія, иначе легенда не сохранила бы этой идеи. А въ чемъ эта идея? Что собрались вожди русской земли и рѣшили поставить надъ собою вождя изъ-за границы. Не кто-нибудь, не простое мужичье, а воеводы собрались, и не нашлось у нихъ достаточно самолюбія, чтобы додуматься до другого выхода изъ положенія. Очевидно, народу, который создалъ эту легенду, который такъ объяснялъ себѣ фактъ воцаренія чужеземцевъ, это казалось естественнымъ; очевидно, его не шокировала мысль о томъ, что предки его сами управлять не могли и что единственнымъ средствомъ завести порядокъ было выписать начальника изъ за-границы. Чтобы понять всю соль этой басни, сравните ее съ еврейской легендой о томъ, что произошло на зарѣ еврейской исторіи. На зарѣ еврейской исторіи Израиль уходитъ изъ подъ власти чужеземнаго царя и пускается черезъ пустыню — завоевывать себѣ обѣтованную отчизну. Вамъ не кажется, что въ этихъ двухъ легендахъ — двѣ народныя психологіи?

— Нѣтъ, не кажется. Впрочемъ, я вѣдь не спорю, я слушаю.

— Перелистываемъ Иловайскаго дальше. Останавливаю ваше вниманіе на страницѣ, гдѣ рассказывается,

какъ весь народъ при Владимирѣ принималъ новую вѣру. Стоять по горло въ водѣ и принимаютъ новую вѣру. Въ это же самое время они кричатъ Перуну, котораго по княжьему приказу сбросили въ воду: «выдыбай, боже!» То-есть, Перунъ для нихъ еще богъ, который можетъ выплыть. Я понимаю, народъ мѣняетъ вѣру, когда старая распатана. Но когда старая вѣра еще цѣлехонька, когда она изъ глубины души народной кричитъ «выдыбай, боже!» — въ это самое время лѣзть всѣмъ скопомъ въ воду и принимать новую вѣру — это ясно говоритъ объ одномъ: не было самосознанія, не было гордаго уваженія къ своему внутреннему достоянiю, не было ощущенія, что мнѣ нельзя ничего навязать такого, чему нѣтъ корней въ моей совѣсти. Если есть расы высшiя и низшiя, то такъ не дѣйствуетъ высшая.

— Одно замѣчанiе: у Иловайскаго приведена поговорка, объясняющая, почему пришлось лѣзть въ воду. «Добрыня крестилъ мечемъ, а Путята огнемъ».

— Не сомнѣваюсь. Позвольте вамъ только напомнить, для сравненiя, что насъ, евреевъ, крестили и огнемъ, и мечомъ; это у насъ не поговорка, а вся наша исторiя за 2000 лѣтъ этимъ полна — и, однако, ни Путята, ни Добрыня ничего съ нами не подѣлали. Очевидно, мы такой народъ, съ которымъ нельзя разговаривать съ палкой въ рукахъ... Но я отвлекаюсь; вернемся къ Иловайскому. Передъ нами татарское иго. Это одно изъ самыхъ странныхъ политическихъ явленiй на свѣтѣ. Оно почти безпримѣрно. Когда римляне завоевывали страну, они ставили тамъ гарнизонъ, выводили туда римскiя или латинскiя колонiи; это была оккупация, въ той или иной формѣ. Тутъ было совершенно другое. Послѣ страшнаго раз-

грома татары отхлынули къ себѣ въ орду; они, собственно, эвакуировали Русь, и не фактическимъ постоємъ, а однимъ только угрожающимъ видомъ своимъ, издали, держали ее въ повиновеніи. Вамъ не кажется, что для этого нуженъ былъ ей какой-то особенный... талантъ повиновенія? Конечно, разгромъ былъ ужасный, память объ этомъ урокъ изгладиться не могла; но, всетаки, есть характеры строптивые, жестоковѣйные, которые быстро забываютъ самый кровавый урокъ и дерутся, пока не обрубятъ имъ рукъ, — и есть другіе характеры, помягче. Сравните опять-таки, ради параллели, отношеніе евреевъ къ чужеземному владычеству надъ Палестиной. Пока хоть горсть іудеевъ оставалась на святой землѣ, страна не покорилась. Не съ ордою кочевниковъ, а съ великимъ Римомъ воевали Баръ-Гіора и Баръ-Кохба! Татары оставили удѣльной Руси полную автономію, и она смирялась и платила дань. Римлянамъ пришлось провести плугъ по Іерусалиму, сравнять съ землею цвѣтущіе города Галилеи, истребить и разогнать еврейское населеніе чуть ли не до послѣдняго человѣка, и только тогда Іудея подчинилась. Кровавая баня Тита была тоже страшнымъ «урокомъ», но черезъ 70 лѣтъ Баръ-Кохба уже успѣлъ его забыть. Очевидно, не всѣ расы обладаютъ счастливой способностью такъ свято помнить «уроки», чтобы достаточно было хорошенько «проучить» одинъ разъ, и повиновеніе гарантировано на 200 лѣтъ. Есть расы неукротимыя, и есть поддающіяся укрощенію. Какія «выше»?

— Дѣло вкуса, какъ вы сами сказали. Но я васъ слушаю, продолжайте.

— Нѣтъ, признаться, мнѣ ужъ надоѣло. Мы, вѣдь, не такъ интересуемся вашей исторіей, какъ вы, анти-

семиты, нашей. Развѣ еще укажу на одну маленькую деталь, относящуюся къ той же страницѣ Иловайскаго — о татарскомъ игѣ. Тамъ разсказывается, что ваши князья ѣздили въ орду на поклонъ и становились на колѣни передъ ханомъ. Я этого не осуждаю, это было очень благо разумно и патриотично. Но вотъ вамъ параллель — изъ романа «Камо грядеши», сочиненіе Сенкевича. Къ Нерону приходятъ разныя лица и становятся на колѣни; только два раввина не преклоняютъ колѣнъ, и Неронъ съ этимъ мирится, ибо, очевидно, понимаетъ, что тутъ ничего не подѣлаешь: евреи не стануть на колѣни. Да, словомъ, есть расы и расы, и какая изъ нихъ «выше» — трудно розобрать...

— Знаете, что я вамъ на все это скажу? Вы еще большій руссофобъ, чѣмъ я антисемитъ.

— Это я самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаю. Для меня всѣ народы равноцѣнны и равно хороши. Конечно, свой народъ я люблю больше всѣхъ другихъ народовъ, но не считаю его «выше». Но если начать мѣряться, то все зависитъ отъ мѣрки, и я тогда буду настаивать, между прочимъ, и на своей мѣркѣ: выше тотъ, который непреклоннѣе, тотъ, кого можно истребить, но нельзя «проучить», тотъ, который никогда, даже въ угнетеніи, не отдаетъ своей внутренней независимости. Наша исторія начинается со слова «народъ жестоковѣрный» — и теперь, черезъ столько вѣковъ, мы еще боремся, мы еще бунтуемъ, мы еще не сдались. Мы — раса неукротимая во вѣки-вѣковъ; я не знаю высшей аристократичности, чѣмъ эта.

— Гм... — сказалъ русскій. — Да, вы правы, это дѣло вкуса. Я... остаюсь при моемъ вкусѣ.

ВМѢСТО АПОЛОГИИ

Если вникнуть какъ слѣдуетъ во вкусъ ритуальнаго обвиненія, возникаетъ ощущеніе очень тяжелое, для впечатлительнаго человѣка нестерпимое. Вы вдумайтесь : вѣдь это про насъ — про меня, васъ, вашу мать! Каждый изъ насъ, говоря съ иновѣрцемъ, долженъ, значить, помнить, что тотъ, быть можетъ, въ эту самую минуту ежится и думаетъ : «а кто тебя знаетъ, не хлебнулъ ли когда-нибудь и ты изъ ритуальной рюмочки?» Попробуйте во все это вникнуть! Въ сущности, вѣдь это ужаснѣе, чѣмъ все остальное, что мы переносимъ въ этой тюрьмѣ. Я себѣ представляю, что впечатлительный человѣкъ, вдумавшись въ это обвиненіе какъ слѣдуетъ, во всю глубину, можетъ сойти съ ума отъ обиды и отчаянія, или, по крайней мѣрѣ, долженъ рыдать и рвать на себѣ волосы...

Человѣкъ менѣе слабонервный, но зато наивный, долженъ выбѣжать на улицу, хватать тамъ прохожихъ за полу или за пуговицу и доказывать имъ, пока не охрипнетъ горло, что это клевета, что мы ни въ чемъ подобномъ не виноваты. Наконецъ, человѣкъ слѣпородженный (среди насъ такихъ очень много) поступить иначе. Онъ себя успокоить обычными успо-

контельными фразами: что въ такую нелѣпость никто въ сущности не вѣритъ; что сами обвинители въ нее не вѣрятъ; что это просто политическій маневръ: что вся благоразумная часть христіанскаго населенія (а таковая, конечно, въ подавляющемъ большинствѣ) слушать не желаетъ подобной клеветы, даже возмущена ею; что, словомъ, все обстоитъ благополучно и на Шипкѣ спокойно.

Я не принадлежу ни къ впечатлительнымъ, которые охаютъ, ни къ наивнымъ, которые оправдываются, ни къ слѣпорожденнымъ, которые не видятъ, что у нихъ подъ носомъ происходитъ. Особенно рѣзко долженъ отмежеваться отъ послѣдней категоріи. Конечно, очень удобно и очень пріятно воображать, будто всѣ твои враги просто мошенники и сознательные обманщики; но такое упрощенное пониманіе непріятельской психологіи всегда въ конечномъ итогѣ приводитъ къ величайшимъ пораженіямъ. Ибо оно неправильно и несправедливо. Среди нашихъ враговъ далеко не всѣ лыкомъ шиты и далеко не всѣ сознательные лжецы. Очень совѣтую одноплеменникамъ моимъ не заблуждаться на этотъ счетъ. Среди правыхъ есть и вполне искренніе люди. Эти люди совершенно искренно вѣрятъ, что евреи дѣйствительно употребляютъ въ пищу кровь христіанскихъ младенцевъ; по крайней мѣрѣ, что среди евреевъ есть такая секта. Эти люди могутъ также совершенно искренно думать, что убійство Юцинскаго въ этомъ смыслѣ подозрительно и что надо его разслѣдовать съ особенной тщательностью, иначе богатые евреи подкупятъ отечественную Θεмиду, и дѣло будетъ замазано. Они совершенно искренно считаютъ евреевъ богатыми, а отечественную Θεмиду покладистой. Поэтому отдѣлаться отъ нихъ будетъ не

такъ легко и не такъ просто, какъ это думаютъ многіе изъ насъ. Вообще все это дѣло гораздо сложнѣе.

Оно особенно сложно потому, что вѣра въ ритуальныя убійства распространена не только среди правыхъ. Въ нейтральной, беспартиійной массѣ, даже интеллигентной, тоже далеко еще не искоренилось это подозрѣніе. Смѣшно и глупо замалчивать это обстоятельство. Мало ли разъ всякій изъ насъ, кому только приходилось встрѣчаться съ христіанами, слышалъ отъ самыхъ милыхъ людей откровенныя признанія въ этомъ сомнѣніи? Конечно, милые люди выражаютъ это сомнѣніе не въ такой грубой формѣ. Они обыкновенно говорятъ такъ: — конечно, мы не сомнѣваемся, вы и ваши близкіе объ этомъ не знаете. Но... можетъ быть, ваши равнины знаютъ? Мало ли такихъ древнихъ религій, въ которыхъ высшія таинства извѣстны только немногимъ посвященнымъ? — Другіе еще добрѣе, они идутъ еще дальше по пути уступокъ и ставятъ вопросъ такъ: — можетъ быть это какая-нибудь особенная секта? Можете ли вы поручиться, что знаете наперечетъ всѣ секты въ лонѣ еврейства и всѣ тайны каждой секты? Вотъ и у насъ есть изуверы — хлысты и скопцы — развѣ мы за нихъ въ отвѣтъ? Зачѣмъ же вамъ такъ волноваться и огуломъ отрицать то, что всетаки, быть можетъ, имѣется въ дѣйствительности? — Такъ говорятъ многіе, очень многіе изъ самыхъ милыхъ нашихъ сосѣдей; причемъ я ихъ называю милыми безъ всякой ироніи, а серьезно. Есть вполне порядочные, совершенно благожелательные люди, которые, однако, высказываются именно въ этомъ смыслѣ. Кто скажетъ, будто такихъ нѣтъ, тому я просто отвѣчу, что онъ говоритъ неправду. Они есть, и всякій изъ насъ имѣлъ случай ихъ видѣть

и слышать. А сколько такихъ, которые не высказываютъ вслухъ, но думаютъ то же или еще хуже? И больше спрошу: гдѣ гарантія, что это подозрѣніе такъ цѣпко держится только въ безпартійной, нейтральной средѣ? Неужели для того, чтобы стать кадетомъ, надо раньше искоренить въ себѣ всѣ предрассудки, даже взрощенные вѣнками? Неужели въ рядахъ трудовиковъ нѣтъ мѣста человѣку, который подписывается подъ всей партійной программой, но все-таки еще не можетъ, положивъ руку на сердце, поручиться, что въ Талмудѣ, который знать онъ не обязанъ, нѣтъ параграфа о ритуальномъ убійствѣ? Не хочу вести это разсужденіе дальше налѣво, только напомню, что главный матеріалъ, изъ котораго строятся или должны-бы строиться русскія лѣвыя партіи, это — или крестьянство, или фабричныя, вчера вышедшія изъ деревни. Наши слѣпорожденные горько ошибаются, и суждено имъ еще горько разочароваться.

Ошибаются во многомъ и наивные — тѣ, что по всякому поводу становятся въ позу и начинаютъ защитительную рѣчь. Ихъ доводы такъ же однообразны, какъ обвиненія противной стороны. Одно и то же изъ вѣка въ вѣкъ. Сначала доказывается, что еврейская вѣра воспрещаетъ употребленіе крови; затѣмъ идетъ доказательство, что самые знаменитые ритуальные процессы всегда кончались торжествомъ истины, оправданіемъ невиновныхъ и посрамленіемъ клеветниковъ. И толпа этихъ доводовъ не слушаетъ, и никто въ толпѣ съ ними не считается. На перечень оправдательныхъ приговоровъ отвѣчаютъ: жида подкупили судъ. На перечень текстовъ, запрещающихъ употребленіе крови, отвѣчаютъ: значить, есть еще одинъ текстъ, кото-

рый разрѣшаетъ, и его-то вы намъ не хотите процитировать. Вся аргументація пропадаетъ даромъ, какъ вода въ дырявой бочкѣ. Я не вообще отрицаю полезность документальной защиты, но она полезна только въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Мѣсто ей — на судѣ, мѣсто ей — въ настоящемъ парламентѣ, но только въ настоящемъ, гдѣ происходитъ дѣйствительно серьезное разсмотрѣніе серьезныхъ вопросовъ. Когда вмѣсто парламента имѣется митингъ, чтобы не сказать хуже, — митингъ, гдѣ съ трибуны несутся ругательства, оскорбленія, призывы «бей», гдѣ резонансъ никто не слушаетъ и документами никто не интересуется, — тогда защитительное краснорѣчіе не имѣетъ никакой цѣнности и никакого смысла. Двѣсти раввиновъ (въ который разъ) печатно побожились, что евреи не пьютъ крови младенцевъ, — и никто этого не замѣтилъ, даже черносотенная пресса не огрызнулась какъ слѣдуетъ: просто прошла мимо, не оглянувшись. То же самое впечатлѣніе произвели и произведутъ всѣ бывшія и будущія рѣчи на эту тему еврейскихъ депутатовъ. Съ документами и доводами считаются тамъ, гдѣ собрались люди съ намѣреніемъ спокойно и безпристрастно изслѣдовать. Въ атмосферѣ свалки, бѣшенства, битья чѣмъ попало — всѣ оправдательныя словеса неумѣстны.

Можетъ быть, даже вредны. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ евреи въ Россіи плотно сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. Это не ихъ вина. Но вотъ что безспорно ихъ вина: они себя держатъ, какъ подсудимые. Мы все время и во все горло оправдываемся. Мы божимся, что мы совсѣмъ не революціонеры, не уклоняемся отъ воинской повинности и не продавали Россію японцамъ. Выскочилъ Азефъ — мы начинаемъ бо-

житься, что мы не виноваты, что мы совсѣмъ не такіе, какъ онъ. Выскочилъ Богровъ — и опять насъ за шиворотъ тащутъ на скамью подсудимыхъ, и опять мы входимъ въ навязанную роль и начинаемъ оправдываться. Въмѣсто того, чтобы повернуть обвинителямъ спину, ибо не въ чемъ и не передъ кѣмъ намъ извиняться, мы опять божимся, что мы тутъ не при чемъ, и для пущей убѣдительности начинаемъ усердно отплеываться отъ памяти Богрова, хотя надъ этимъ — каковъ бы онъ ни былъ — несчастнымъ юношей, въ часъ изумительной его кончины, и безъ насъ достаточно надругались тѣ десять хамовъ изъ выгребной ямы кievскаго черносотепства. Теперь подняли гвалтъ о ритуальномъ убійствѣ — и вотъ уже мы опять вошли въ роль подсудимыхъ, мы прижимаемъ руки къ сердцу, перебираемъ дрожащими пальцами старыя кипы оправдательныхъ документовъ, которыми никто не интересуется, и божимся на всѣ стороны, что мы этого питья не потребляемъ, отродясь ни капельки во рту не бывало, разрази меня Богъ на этомъ мѣстѣ... Доколѣ? Скажите, друзья мои, неужели вамъ эта канитель еще не надоѣла? И не время ли, въ отвѣтъ на всѣ эти и на всѣ будущія обвиненія, попреки, заподозриванія, оговоры и доносы, просто скрестить руки на груди и громко, отчетливо, холодно и спокойно, въ качествѣ единственнаго аргумента, который понятенъ и доступенъ этой публикѣ, заявить: убирайтесь вы всѣ къ чорту? Кто мы такіе, чтобы предъ ними оправдываться, кто они такіе, чтобы насъ допрашивать? Какой смыслъ во всей этой комедіи суда надъ цѣлымъ народомъ, гдѣ приговоръ заранѣе извѣстенъ? Съ какой радости намъ по доброй волѣ участвовать въ этой комедіи, освящать гнусную

процедуру издѣвательства нашими защитительными рѣ-
чами? Наша защита бесполезна и безнадежна, враги
не повѣрятъ, равнодушные не вслушаются. Апологіи
отжили свой вѣкъ.

Наша привычка постоянно и усердно отчиты-
ваться передъ всякимъ сбродомъ принесла намъ уже
огромный вредъ и принесетъ еще большій. На-
селеніе привыкло къ этому, привыкло слышать изъ
нашихъ устъ жалобный тонъ обвиняемаго. Положе-
ніе, которое создалось въ результатъ, трагически под-
тверждаетъ извѣстную поговорку: *qui s'excuse s'accuse*.
Мы сами приучили сосѣдей къ мысли, что за всякаго
проворовавшагося еврея можно тащить къ отвѣту цѣ-
лый древній народъ, который законодательствовалъ
уже въ тѣ времена, когда сосѣди еще и до лаптя не
успѣли додуматься. Каждое обвиненіе вызываетъ среди
насъ такой переполохъ, что люди невольно думаютъ:
какъ они всего боятся! Видно, совѣсть нечиста. Именно
потому, что мы согласны въ любую минуту вытя-
нуть руки по швамъ и принести присягу, развивается
въ населеніи неискоренимый взглядъ на насъ, какъ на
какое-то специально-вороватое племя. Мы думаемъ,
будто наша постоянная готовность безропотно под-
вергнуться обыску и выворотить карманы въ концѣ-
концовъ убѣдить человѣчество въ нашемъ благород-
ствѣ: вотъ мы молъ какіе джентльмены — намъ нечего
прятать! Но это грубая ошибка. Настоящіе джентль-
мены — это тѣ, которые никому и ни за что не позво-
лятъ обыскивать свою квартиру, свои карманы и
свою душу. Только поднадзорные готовы къ обыску
во всякій часъ. И мы себя ставимъ именно въ такое
положеніе, не считаясь съ самой ужасной опасностью:
а что, если намъ подбросятъ краденую вещь?

До сихъ поръ ритуальныя убійства подбрасывались намъ почти всегда неумѣлыми, топорными руками. Но я считаю вполне возможнымъ, чтобы и въ этой области сказался однажды общій техническій прогрессъ нашего времени. Можетъ найтись виртуозъ, который такъ умно и тщательно разработаетъ планъ, учтетъ и предусмотритъ всѣ неожиданности, что эффектъ получится самый ослѣпительный. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Среди анти-семитовъ теперь есть очень культурные люди, а съ другой стороны — очень богатые и могущественные люди, которымъ доступны самыя вѣрныя орудія фальсификаціи. Не такъ трудно теперь найти и еврейчика-лжесвидѣтеля: этого добра и въ прежнія времена было не мало, а теперь особенно. Въ результатъ могутъ предъ нами въ одинъ прекрасный день разыграть такую правдоподобную комедію ритуальнаго убійства, что самый честный, самый безпристрастный судья поколеблется. Что же мы скажемъ тогда — мы, которые чуть не всю свою оборону строимъ на томъ, что судьи насъ по большей части оправдывали? Но я считаю возможнымъ, даже вполне вѣроятнымъ и другой, гораздо болѣе ужасный случай. Еврейство сильно изнервничалось; кажется, мы одинъ изъ первыхъ народовъ по количеству душевно-больныхъ. Въ той атмосферѣ травли, которую создаетъ вокругъ насъ басня о ритуальномъ убоѣ, могутъ въ концѣ-концовъ у насъ народиться и маніаки, помѣшавшіеся на этой баснѣ. Если не ошибаюсь, въ Падубѣ въ XVI вѣкѣ былъ такой случай: еврей Давидъ Морпурго впалъ въ безуміе и сталъ кричать, чтобы къ нему привели 3-лѣтнюю дочь сосѣда-католика — онъ ее зарѣжетъ и окропитъ ея кровью опрѣснокъ. Раввины связали его и вы-

дали властямъ; по счастью, безуміе его оказалось очевиднымъ, и дѣло не кончилось погромомъ. Но за 400 лѣтъ наши нервы сильно распатались, и теперь не будетъ чудомъ, если явится болѣе утонченный маниакъ, который кричать не станетъ, а просто возьметъ и сдѣлаетъ. Я считаю страннымъ счастьемъ, что этого до сихъ поръ не случилось. Не забудьте, среди какого кошмара мы живемъ, подъ какимъ ужасомъ воспитывается наша молодежь. Мы уже видѣли такихъ, которые помѣшались на революціи, на террорѣ, на экспроприацияхъ; въ эпидеміи самоубійствъ есть несомнѣнная примѣсь психическаго разстройства; недавнее половое повѣтріе тоже выдвинуло замѣтный элементъ явныхъ маниаковъ. И вотъ, если разразится такая бѣда, что мы скажемъ, какіе тексты вытащимъ? Будемъ ждать реабилитаціи своего народнаго имени отъ суда и экспертовъ: если они признаютъ, что это сумасшедшій, то наша честь спасена; а если маниакъ попадется вродѣ Джека-потрошителя, трезвый и уравновѣшенный во всемъ, кромѣ своей маніи, и покажется экспертамъ здоровымъ, тогда мы, значить, признаемъ себя обезпеченными навѣкъ? Ибо таковъ будетъ неотвратимый выводъ изъ нашей маніи — реагировать на каждый попрекъ, принимать всенародно отвѣтственность за каждый проступокъ еврея, оправдываться передъ кѣмъ попало — въ томъ числѣ и чортъ знаетъ передъ кѣмъ.

Я считаю эту систему ложной до самаго корня. Насъ не любятъ не потому, что на насъ взведены всяческія обвиненія: на насъ взводятъ обвиненія потому, что не любятъ. Оттого этихъ обвиненій такъ много, они такъ разнообразны и такъ противорѣчивы. Сегодня намъ кричатъ, что мы эксплуатируемъ бѣд-

ныхъ, завтра кричать, что мы съедемъ социализмъ, введемъ бѣдныхъ противъ эксплуататоровъ. Одна польская газета на-дняхъ увѣряла, что евреи расчленили Польшу и отдали ее Россіи, а 100 русскихъ газетъ увѣряютъ, что евреи хотятъ расчленить Россію и восстановить Польшу. Итальянцы увѣряютъ, что нападки на нихъ во всей европейской прессѣ — дѣло евреевъ, а турецкая оппозиція утверждаетъ, что на захватъ Триполи подбили Италію евреи. Что же, на весь этотъ визгъ и лай со всѣхъ сторонъ надо откликаться, божиться, увѣрять, присягать? Немыслимо и бесполезно. Если даже опровергнемъ одно, родится другое. Человѣческая злоба и глупость неистощимы. Съ оправданіями можно выступать только въ рѣдкіе, исключительно важные моменты, когда есть полная увѣренность, что сидящій предъ тобою ареопагъ дѣйствительно имѣетъ справедливыя намѣренія и надлежащую компетенцію. Но дѣлать изъ апологіи систему для каждаго дня, выносить ее на улицы, на трибуну митинга, хотя бы и именуемаго парламентомъ, на летучіе столбцы газеты — это значитъ унижать себя до равенства съ лающей псарней.

Намъ не въ чемъ извиняться. Мы народъ, какъ всѣ народы; не имѣемъ никакого притязанія быть лучше. Въ качествѣ одного изъ первыхъ условій равноправія, требуемъ признать за нами право имѣть своихъ мерзавцевъ, точно такъ же, какъ имѣютъ ихъ и другіе народы. Да, есть у насъ и провокаторы, и торговцы живымъ товаромъ, и уклоняющіеся отъ воинской повинности, есть, и даже странно, что ихъ такъ мало при нынѣшнихъ условіяхъ. У другихъ народовъ тоже много этого добра, а зато еще есть и казнокрады, и погромщики, и истязатели, — и, однако, ни-

чего. сосѣди живутъ и не стѣсняются. Нравимся мы или не нравимся, это намъ, въ концѣ-концовъ, совершенно безразлично. Ритуальнаго убійства у насъ нѣтъ и никогда не было; но если они хотятъ непременно вѣрить, что «есть такая секта» — пожалуйста, пусть вѣрятъ, сколько влѣзетъ. Какое намъ дѣло, съ какой стати намъ стѣсняться? Краснѣютъ развѣ наши сосѣди за то, что христіане въ Кишиневѣ вбивали гвозди въ глаза еврейскимъ младенцамъ? Нисколько: ходятъ, поднявъ голову, смотрятъ всѣмъ прямо въ лицо, и совершенно правы, ибо такъ и надо, ибо особа народа царственна, не подлежитъ отвѣтственности и не обязана оправдываться. Даже тогда, когда есть въ чемъ оправдываться. Съ какой же радости лѣзть на скамью подсудимыхъ намъ, которые давнымъ-давно слышали всю эту клевету, когда нынѣшнихъ культурныхъ народовъ еще не было на свѣтѣ, и знаемъ цѣну ей, себѣ, имъ? Никому мы не обязаны отчетомъ, ни передъ кѣмъ не держимъ экзамена, и никто не доросъ звать насъ къ отвѣту. Раньше ихъ мы пришли и позже уйдемъ. Мы такіе, какъ есть, для себя хороши, иными не будемъ и быть не хотимъ.

1911.

О ЯЗЫКАХЪ И ПРОЧЕМЪ

П. Б. Струве въ январской книжкѣ «Русской Мысли» (1911) затронулъ интересный и важный вопросъ. Жаль только, что затронулъ мимоходомъ и аподиктически разрѣшилъ на 4 страничкахъ. Этотъ споръ объ этнической природѣ государства російскаго, о томъ, считать или не считать малороссовъ и бѣлоруссовъ за особыя націи, о томъ, быть ли Россіи «національнымъ государствомъ», или же пути ея ведутъ къ такъ называемому Nationalitätenstaat, — споръ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго, самаго, если позволено такъ выразиться, увѣсистаго обсужденія. И я глубоко убѣжденъ, что постепенно онъ и станетъ во всей серьезной російской публицистикѣ предметомъ такого именно обсужденія. Ибо вопросъ о національностяхъ есть для Россіи кардинальный вопросъ ея будущности, болѣе важный, болѣе основной, чѣмъ всѣ другія политическія и даже социальныя проблемы, включая хотя бы самое аграрную реформу. Пишу эти слова и, конечно, знаю, что лишь очень немногіе съ ними согласятся. И тѣмъ не менѣе, — оно все же такъ. Было время, когда и въ Австріи думали, будто національная проблема есть второстепенная мелочь, скромно отходящая на задній планъ, какъ только

на сцену выступаютъ «настоящіе» интересы, особенно экономическіе. А жизнь доказала, что все бытіе государства, точно вокругъ оси, обречено вращаться вокругъ проблемы національностей, и подъ конецъ даже социаль-демократія стала давать основательныя трещины какъ разъ по швамъ національныхъ раздѣленій. Отъ судьбы не ушла Австрія, отъ судьбы не уйдутъ и ея сосѣди.

Я тоже не имѣю въ виду братья за «увѣсистое» разсмотрѣніе вопроса, затронутого П. Б. Струве. Но хочу сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній по поводу одной изъ деталей этого вопроса: о томъ, куда зачислить малороссовъ и бѣлороссовъ. Врядъ ли, впрочемъ, умѣстно тутъ слово «деталь»: это не деталь, а центръ тяжести всего спора. Въ самомъ дѣлѣ: если малороссовъ и бѣлороссовъ зачислить, какъ хочетъ П. Б. Струве, въ составъ единой русской націи, то нація эта возрастаетъ до 65 процентовъ всего населенія имперіи, т. е. до громаднаго большинства въ двѣ трети; и тогда, пожалуй, картина дѣйствительна недалеко отъ «національнаго государства». Наоборотъ, если малороссовъ и бѣлороссовъ считать за особія народности, то господствующая національность сама оказывается въ меньшинствѣ (43 проц.) противъ остального населенія, а сообразно тому измѣняются и всѣ виды на будущее. Поэтому смѣло можно сказать, что разрѣшеніе спора о національномъ характерѣ Россіи почти всецѣло зависитъ отъ позиціи, которую займетъ тридцатимилліонный украинскій народъ. Согласится онъ обрусѣть — Россія пойдетъ по одной дорогѣ, не согласится — она волей-неволей пойдетъ по другому пути. Прекрасно поняли это правые въ Государственной Думѣ. Когда рѣшался вопросъ о язы-

кахъ инородческой школы, они, смѣху ради, голо-
совали даже за какихъ-то «шайтановъ» и «казанскихъ
грековъ»; они даже не подняли рукъ противъ еврей-
скаго языка, очевидно, желая сдѣлать весь законо-
проектъ ненавистнымъ и неприемлемымъ для началь-
ства; но когда рѣчь зашла объ украинскомъ языкѣ,
они отбросили и паясничество, и хитроумные рас-
четы, и просто подняли руки противъ, ибо почували,
что тутъ самое опасное мѣсто, рѣшительный шагъ, при
которомъ ни шутки шутить, ни лукаво мудрствовать
не приходится.

Возраженіе П. Б. Струве вызвано слѣдующими
моими строками, напечатанными въ той же «Русской
Мысли»:

«На этихъ страницахъ П. Б. Струве неоднократно
высказывалъ, что считаетъ Россію государствомъ на-
ціонально-русскимъ. Въ этомъ очеркѣ не мѣсто спо-
рить о такомъ сложномъ вопросѣ; но считаю нуж-
нымъ кратко оговорить, что стою на рѣзко противо-
положной точкѣ зрѣнія. Примыкаю къ тѣмъ, которые
не закрываютъ глазъ на статистику и помнятъ, что
народность, языкъ которой называется русскимъ, со-
ставляетъ, по несомнѣнно преувеличеннымъ даннымъ
переписи 1897 г., всего 43 процента населенія Им-
періи. Это много, но этого недостаточно для того,
чтобы остальные, «инородцы», добровольно согласились
на роль бесплатнаго приложенія къ великорусской на-
родности. Относясь съ глубочайшимъ уваженіемъ къ
этой народности и къ ея могучей культурѣ, желая
съ ней жить и дальше въ тѣсной близости духовнаго
обмѣна, они, однако, полагаютъ, что естественной
вотчиной этой культуры являются предѣлы этногра-
фической Великороссіи, и если теперь оно не такъ,

то причина, главнымъ образомъ, въ вѣковомъ насиліи и безправіи. Мы, «инородцы», предвидимъ только одну изъ двухъ возможностей: или въ Россіи никогда не будетъ свободы и права, или каждый изъ насъ сознательно используетъ свободу и право прежде всего для развитія своей самобытной національной личности и для эмансипаціи отъ чужой культуры. Или Россія пойдетъ по пути національной децентрализаціи, или въ ней немислимо будетъ ни одно изъ основаній демократіи, начиная со всеобщаго избирательнаго права. Для Россіи прогрессъ и Nationalitätenstaat — синонимы, и всякая попытка перескочить черезъ эту истину, утвердить въ государствѣ прочный порядокъ наперекоръ волѣ и сознанію трехъ пятыхъ населенія — кончится крахомъ. Такъ полагаютъ «инородческіе» націоналисты, и не только они; а кто правъ, отвѣтитъ будущее».

— «Изумительно прежде всего», — отвѣчаетъ П. Б. Струве, — «въ какой мѣрѣ политическая или иная тенденція способна слѣпить глаза и скрывать отъ зрѣнія самые внушительные и непререкаемые объективные факты. Какая-то упорная традиція, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденціей, скрываетъ отъ нѣкоторыхъ людей огромный историческій фактъ: *существованіе русской націи и русской культуры*. Именно русской, а не великорусской. Ставя въ одинъ рядъ этнографическіе «термины» — «великорусскій», «малорусскій», «бѣлорусскій», авторъ забываетъ, что есть еще терминъ «русскій», и что «русскій» не есть какая-то отвлеченная «средняя» изъ тѣхъ трехъ «терминовъ», а живая культурная сила, великая, развивающаяся и растущая національная стихія, творимая нація (nation in the making, какъ говорятъ о себѣ американцы)».

Прежде всего замѣчу, что П. Б. Струве не правъ, полагая, будто я забываю о терминѣ «русскій». Напротивъ. Я даже совершенно согласенъ съ г. Струве въ томъ, что русская нація и культура «не есть какая-то отвлеченная средняя» изъ великороссовъ, малороссовъ и бѣлороссовъ. Конечно, не есть. Русскимъ языкомъ называется у людей языкъ одного только великорусскаго племени; ни украинскаго, ни бѣлорусскаго языка этотъ терминъ не обхватываетъ. А русскою національной культурой называется культура, созданная на этомъ языкѣ. На языкѣ великороссовъ и только великороссовъ, а не на какомъ-то отвлеченномъ «среднемъ» изъ трехъ языковъ. Ибо такого средняго и на свѣтѣ нѣтъ. Слѣдовательно, русская культура есть національная культура великорусскаго племени. Малороссовъ и бѣлороссовъ можно заставить присоединиться къ ней, или можно даже мечтать, что они къ ней всѣ добровольно присоединятся; но это будетъ именно присоединеніе къ *чужой* (хотя бы и родственной) культурѣ, созданной *не на природномъ* языкѣ присоединяющихся національностей. Термины «русская культура» и «великорусская культура», взятые въ чистомъ своемъ значеніи, совершенно совпадаютъ, ибо русскій языкъ и русская культура ни для кого, кромѣ великороссовъ, не являются природными. Я лично всегда охотнѣе употребляю терминъ «русскій» вмѣсто «великороссъ»; если въ данномъ случаѣ отступилъ отъ этой привычки, то только во избѣжаніе неясности, такъ какъ зналъ, что есть — повторю выраженіе П. Б. Струве — «какая-то упорная традиція» совершенно не точно смѣшивать подъ словомъ «русскій» въ одну кучу три народа, отличные другъ отъ друга по языку, по исторіи, по темпераменту, по физическому типу,

по внутренней индивидуальности, по быту и общественному строю.

Есть «какая-то упорная традиція, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденціей», увѣрять самихъ себя и всѣхъ добрыхъ людей, будто русская нація есть не «живая культурная сила», реальная, осязаемая и ограниченная, а именно «какая-то отвлеченная средняя», нѣкая метафизическая сущность, сочетающая въ своемъ единствѣ три различныхъ начала. Это, конечно, чистѣйшая фантазія. Но, мнѣ кажется, если кто заслуживаетъ упрека въ такомъ фантазированіи, то ужъ никакъ не тѣ, для кого русская нація сама по себѣ, и украинская или бѣлорусская — тоже сама по себѣ, — а скорѣе тѣ, которые не признають тождества «русской» культуры съ «великорусской» и непремѣнно хотятъ придать первому термину какое-то болѣе широкое значеніе...

Правда, сами украинскіе публицисты часто употребляютъ слово «русскій» въ другомъ значеніи, чисто этнографическомъ, и въ этомъ смыслѣ причисляютъ къ «русскому племени» и украинскую народность. Если не ошибаюсь, такая формулировка родства между великороссами, малороссами и бѣлоруссами освящена еще авторитетомъ Костомарова. Въ одной статьѣ одного украинскаго націоналиста она была выражена такъ: «Я — славянинъ по расѣ, русскій по племени, украинецъ по національности». Сомнѣваюсь, имѣетъ ли эта сложная классификація какуо-либо цѣнность съ точки зрѣнія этнологіи; но во всякомъ случаѣ за предѣлы этнологіи и этнографіи ея значеніе не простирается. Специфическую культуру создаютъ не «расы» и не «племена» (да и вообще эти термины такъ неопредѣленны и расплывчаты, что теперь ими надо поль-

зоваться только съ величайшей осторожностью); культуры создаются *національностями*, и каждая изъ національностей ревниво бережетъ свою культуру и противится, когда сосѣдь ей навязываетъ свою, хотя бы сосѣдь этотъ числился ей двоюроднымъ братомъ «по расѣ» и единоутробнымъ «по племени». Хорваты и словинцы — и тѣсные сосѣди, и близкая родня по расѣ, племени, вѣрѣ и т. д., и даже языки ихъ куда ближе другъ къ другу, чѣмъ русскій съ украинскимъ; однако это двѣ разныя національности съ двумя разными культурами. Венгерскіе словаки — ближайшая родня чехамъ, настолько близкая, что словацкое население сосѣдней Моравіи считаетъ своимъ національнымъ языкомъ чешскій; но словаки Венгріи считаютъ себя словаками, ревниво берегутъ отличія въ своемъ діалектѣ, охраняютъ свою литературную рѣчь отъ чешскихъ оборотовъ и, насколько это мыслимо при мерзостяхъ мадьярскаго режима, творятъ свою словацкую, а не чешскую культуру. Ибо для этого творчества ни этнологія, ни даже филологія не указъ. Для него указъ — національное сознание. Кто «украинець по національности», для того все остальное родство по племени, по расѣ и т. д. можетъ имѣть только побочное значеніе: при выборѣ культуры рѣшающій голосъ принадлежитъ не «расѣ», не «племени», а осознанной **національности**.

Еще одна оговорка. Обыкновенно, когда хотятъ доказать, что русская культура есть продуктъ тройственнаго взаимодействія, а не однихъ великороссовъ, на сцену вытаскивается Гоголь, а иногда, въ последнее время, и Короленко. Вотъ, дескать, малороссы, участвовавшіе въ созданіи «общерусской» литературы. Убѣдительность этого доказательства подѣ

большимъ сомнѣніемъ. Величайшій венгерскій поэтъ Шандоръ Петёфи назывался въ сущности Александръ Петровичъ и былъ сыномъ словака; но никто въ этомъ не видитъ доказательства, что мадьярская литература будто-бы есть «обще-венгерская». У нѣмцевъ тоже былъ крупный поэтъ, даже съ проблесками гениальности, по имени Шамиссо, а по происхожденію французъ: развѣ поэтому нѣмецкая литература стала нѣмецко-французской? Развѣ она стала изъ-за Гейне нѣмецко-еврейской? Общій фонъ, общій характеръ данной культуры не измѣняется оттого, что случайно жизнь заброситъ въ ея ряды человѣка другой крови, хотя бы даже гениальнаго. Онъ или цѣликомъ ассимилируется съ окружающимъ фономъ, какъ Петёфи или Шамиссо, или только наполовину, какъ Гоголь, на чьихъ произведеніяхъ лежитъ сильнѣйшая печать украинскаго темперамента, или совсѣмъ не ассимилируется и остается бобылемъ, непризнаннымъ изгоемъ, какъ Гейне, — но національный характеръ данной культуры остается неприкосновеннымъ, и инородныя пятна только выдѣляютъ и подчеркиваютъ ея основной цвѣтъ, подобно тому, какъ черныя «мушки» оттѣняютъ бѣлизну кожи. Десять Гоголей и сто Короленко не сдѣлаютъ русскую литературу «общерусской»: она остается русскою, т.-е. великорусскою, а рядомъ съ нею украинская народность, пробиваясь сквозь строй великихъ трудностей, создаетъ *свою* литературу на *своемъ* языкѣ.

Я написалъ, что если русская культура играетъ теперь неестественную роль культуры всероссійской, то «причина, главнымъ образомъ, въ вѣковомъ насиліи и безправіи». П. Б. Струве съ этимъ несогласенъ. Русская, молъ, культура преобладаетъ и въ Кіевѣ, и въ

Могилевъ, и въ Тифлисѣ, и въ Ташкентѣ «вовсе не потому, что тамъ обязательно тянуть въ участокъ расписаться въ почтеніи передъ русской культурой, а потому, что эта культура дѣйствительно есть внутренно властный фактъ самой реальной жизни всѣхъ частей Имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи». Тутъ ужъ П. Б. Струве безусловно несправедливъ къ нашему благопопечительному російскому начальству. Какъ же можно отрицать его великія, неискоренимыя изъ нашей памяти заслуги по части насажденія русской культуры за предѣлами Велико-россіи? П. Б. Струве съ легкимъ сердцемъ констатируетъ, что теперь въ Кіевѣ «нельзя быть участникомъ культурной жизни, не зная русскаго языка», и думаетъ, будто «участокъ» тутъ не причемъ, а между тѣмъ это великая ошибка. Напротивъ, все дѣло въ участкѣ и въ его многовѣковомъ усердіи. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ усердіи извѣстный украинскій историкъ, проф. М. Грушевскій: «покончивъ съ политической особностью Украины, правительство не удовлетворилось этимъ: оно рѣшило стереть и уничтожить также и проявленія ея національной жизни, и даже особенности украинскаго національнаго типа. Начиная съ Петра I, для украинскіихъ изданій вводится цензура, имѣвшая цѣлью привести ихъ къ единообразію въ языкѣ съ изданіями великорусскими. Русифицируются украинскія школы. Вводится великорусское произношеніе въ богослуженіи. Всякія проявленія украинскаго патріотизма ревностно преслѣдуются и подавляются».

Но зачѣмъ заглядывать такъ глубоко въ старину! Вотъ предъ нами новѣйшее время: съ половины прошлаго столѣтія замѣчается въ Россіи подъемъ украин-

скаго движенія — и тотчасъ же начинается сверху ревностная борьба противъ «хохломаніи» и «сепаратизма». Въ 1863 г. министръ Валуевъ провозглашаетъ: «Не было, нѣтъ и быть не можетъ украинскаго языка», — а въ 1876 г. изданъ былъ указъ, просто на просто воспретившій украинскую культуру. Отнынѣ разрѣшалось печатать по-украински только беллетристику да стихи и разыгрывать пьесы въ театрѣ; что касается до газетъ, журналовъ, серьезныхъ книгъ и статей, лекцій, проповѣдей и т. п. — все это было воспрещено, а объ украинской школѣ и говорить нечего. Что же удивительнаго, если на этомъ полѣ, начисто опустошенномъ и распаханномъ усиліями урядника, съ такой легкостью и внѣ всякой конкуренціи возшли посѣвы той культуры, которую урядникъ, по крайней мѣрѣ, терпѣлъ? И ничуть ея пышный расцвѣтъ въ Кіевѣ не доказываетъ, что дѣло исключительно въ ея собственной мощи, что она и безъ помощи урядника все равно заглушила бы всѣ сосѣдніе ростки и воцарилась единодержавно. Напротивъ. П. Б. Струве самъ не будетъ спорить противъ того, что если бы вмѣсто указа о воспрещеніи украинской культуры явился въ 1876 г. указъ о разрѣшеніи вести на украинскомъ языкѣ преподаваніе въ школахъ и гимназіяхъ, то уважаемому публицисту врядъ ли пришлось бы теперь такъ побѣдоносно констатировать, что въ Кіевѣ безъ русскаго языка нельзя быть культурнымъ человѣкомъ.

Что въ Кіевѣ, то было и повсюду. Всюду на окраинахъ русская культура появилась только послѣ того, какъ земскій ярыжка расчистилъ ей дорогу, затоптавъ сапожищами всѣхъ ея конкурентовъ. На Литвѣ съ 1863 года были запрещены польскіе спек-

такли, польскія газеты и даже польскія вывѣски, а литовцамъ запретили печатать литовскимъ алфавитомъ что бы то ни было, даже молитвенники. Воспрещены были спектакли на еврейскомъ жаргонѣ (еврейскихъ актеровъ заставляли играть «по-нѣмецки»), и до начала этого вѣка не разрѣшали ни одной газеты на жаргонѣ. То же или почти то же происходило на Кавказѣ, и только потому П. Б. Струве имѣетъ нынѣ возможность записать и Тифлисъ въ перечень городовъ, завоеванныхъ русскою культурой. Точнѣе, куда точнѣе было бы сказать: «Завоеванныхъ урядникомъ для русской культуры». Это, конечно, не мѣшаетъ намъ всѣмъ высоко цѣнить и даже любить русскую культуру, которая многому хорошему насъ научила и много высокаго дала. Но зачѣмъ игнорировать исторію и увѣрять, будто все обошлось безъ кулака и будто успѣхи русскаго языка на окраинахъ доказываютъ внутреннее безсиліе инородческихъ культуръ? Ничего эти успѣхи не доказываютъ, кромѣ той старой истины, что подкованными каблучищами можно втоптать въ землю даже самый жизнеспособный цвѣтокъ.

Дальше слѣдуетъ г. Струве аргументъ, который странно даже слышать изъ устъ такого вдумчиваго, совсѣмъ не шаблоннаго писателя и мыслителя. «Постановка въ одинъ рядъ съ русской культурой другихъ, ей равноцѣнныхъ, созданіе въ странѣ *множества культуръ*, такъ сказать, *одного роста*, поглотить массу средствъ и силъ, которыя при другихъ условіяхъ пошли бы не на національное размноженіе культуръ, а на подъемъ культуры вообще». Такое «размноженіе культуръ» будетъ «колоссальной растратой исторической энергіи населенія Россійской Имперіи». Это, да простить глубокоуважаемый авторъ, пѣсня

старая, пѣтая, перепѣтая — и отпѣтая. Теперь отъ нея даже непрошибаемые социаль-демократы отказались. Самое лучшее, самое прекрасное въ міровой культурѣ — это именно ея многообразіе. Каждая историческая нація внесла въ нее свои особыя, неподражаемо-своеобразныя вклады, и въ этомъ безчисленномъ множествѣ *формъ*, а не въ количествѣ *результатовъ* и заключается главное богатство человѣческой цивилизаціи. Если бы маленькій 2-милліонный народъ, населяющій Норвегію, послушался во время оно совѣтовъ г. Струве и, вмѣсто того, чтобы «тратить» силы на созданіе собственной культуры, записался въ нѣмцы, — то въ учебникѣ нѣмецкой словесности числилось бы нѣсколькими именами больше, но за то не было бы на свѣтѣ того совершенно своеобразнаго, особенно благоухающаго, индивидуально цѣннаго божьяго букета, который называется норвежской литературой. Да и нельзя никакъ противопоставлять «размноженіе культуры» «подъему культуры вообще». Ибо съ равнымъ правомъ (а по моему съ бѣльшимъ) можно сказать, что «культуры вообще» нѣтъ, что это абстракція, ибо конкретно существуютъ (если, конечно, не считать машинъ и прочей мертвой утвари) только отдѣльныя культуры отдѣльныхъ націй. И это значитъ, что отдѣльная личность, участвующая въ созданіи культуры, будь это поэтъ, философъ, ученый или политикъ, можетъ наилучше развить и использовать свои творческія силы, наиполнѣйшимъ образомъ *sich ausleben* только въ родной средѣ, въ родной обстановкѣ и атмосферѣ, гдѣ все, хотя не осязаемо, но осязимо пропитано родными соками. Въ чужой обстановкѣ значительная часть творческихъ силъ уходитъ на преодоленіе какого-то естественнаго тренія, хотя бы иногда

неосязаемого, и потому результаты такого творчества меньше и беднѣе. Съ этой точки зрѣнія стоитъ (даже въ интересахъ «подъема культуры вообще») потратить много силъ и много лѣтъ на созданіе особой бурятской или якутской культуры, чтобы создать обстановку, въ которой потомъ бурятскіе и якутскіе таланты разовьются лучше, полнѣе и съ большею пользой для человѣчества, чѣмъ развились бы въ «общерусской» средѣ, созданной и пропитанной вліяніемъ другихъ націй. Раздробленіе силъ, «растрата энергіи» тутъ съ лихвою будутъ возмѣщены впоследствии интенсификаціей творчества въ отдѣльныхъ національныхъ коллективахъ. Если тутъ есть «обособленіе», то это обособленіе законное, необходимое: такъ «обособляется» художникъ, когда затворяется въ своемъ кабинетѣ, убранномъ по его вкусу, никого къ себѣ не впускаетъ — и пишетъ прекрасное произведеніе на радость и пользу всѣмъ людямъ.

Но все это зады, которыми прилично было заниматься лѣтъ пять или шесть тому назадъ, когда «мы» всѣ были еще очень наивны и вѣрили, будто національный вопросъ выдуманъ злоумышленниками. Теперь, слава Богу, извѣстно и признано, что право каждой народности на самобытную культуру опредѣляется и доказывается не теоріями, а ея собственной волей къ національному бытію. Наличие этой воли показали и малороссы, и бѣлороссы, и всѣ остальные, несчетные и несмѣтные народы Россійскаго государства; а остальное додѣлаетъ время.

1911.

СТРАННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Газеты одного крупнаго города черты осѣдлости, описывая тамошнюю попытку публичнаго чествованія памяти Коммиссаржевской, устроенную литературно-артистическимъ клубомъ, отмѣтили, что русской публики на торжествѣ было мало, а зато было очень много публики еврейской. Это, дѣйствительно, любопытное явленіе; мнѣ давно хотѣлось его отмѣтить и побесѣдовать на эту тему, но не рѣшался. Ни для кого не тайна, что литературные клубы въ чертѣ осѣдлости вообще на девять десятыхъ посѣщаются евреями; сгромное большинство членовъ — тоже евреи. Аріійскій элементъ представленъ обычно десяткомъ-другимъ отдѣльныхъ любителей слова и музыки; пусть это талантливые и симпатичные люди, но ихъ мало. Остальная, массовая часть членовъ и посѣтителей состоитъ изъ евреевъ.

Читатель, вѣроятно, тутъ заспорить и скажетъ: «позвольте, что же въ этомъ дурнаго — напротивъ, очень хорошо, что евреи такъ отзывчивы, такъ интересуются — это дѣлаетъ имъ честь»... Честь или не честь, это другой вопросъ; но займемся пока не евреями, а русскими. Гдѣ они? Отчего не приходятъ? Почему

они такъ мало отзывчивы, почему они не интересуются, почему они не хотятъ «дѣлать себѣ честь»?

Странно: вѣдь арійская интеллигенція велика и обильна. Несомнѣнно, есть же въ томъ городѣ достаточно образованной русской публики, чтобы заполнить три такихъ зала, особенно, если присчитать учащуюся молодежь. Отчего же *эти* не ходятъ? Вотъ, оказывается, и въ Петербургѣ ихъ не было на вечерѣ памяти Коммиссаржевской. Петербургъ въ этомъ отношеніи особенно характеренъ. Городъ русскій, еврей тамъ врядъ ли составляютъ и 2 сотыхъ населенія. Тамъ тоже было, а можетъ и теперь есть, литературное общество аналогичнаго типа, «объединяющее всѣ національности». И на рефератахъ этого общества очи видѣли ту же знакомую картину: 10—15 репрезентативныхъ христіанъ изъ радикальной литературы, а въ публикѣ почти исключительно еврей. Что за притча? Гдѣ русская интеллигенція? Смѣшно вѣдь даже спрашивать, есть ли она въ столицѣ, интересуется ли дѣлами культуры. Это вѣдь *она* создаетъ русскую культуру, *она* создала все, что было цѣннаго въ русской литературѣ, *она* создала и Коммиссаржевскую. Въ чемъ же дѣло?

Лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ было бы узнать мнѣніе самихъ отсутствующихъ — мнѣніе тѣхъ самыхъ русскихъ интеллигентовъ, которые культуру-то создаютъ, а на рефераты и вечера извѣстнаго рода упорно не ходятъ. Но мнѣ ихъ взглядъ совершенно неизвѣстенъ. Зато приходилось часто говорить объ этомъ «странномъ» явленіи съ ихъ, такъ сказать, замѣстителями, — съ еврейскими ассимиляторами. Многіе изъ нихъ вообще не желаютъ говорить на эту тему. Они не замѣчаютъ. Но нѣкоторые, все же, разговорились и разоткровенничались. У меня получилось отъ

этой откровенности странное впечатлѣніе. Они мнѣ говорили извѣстныя старыя вещи: что евреи — прекрасный ферментъ, что ихъ миссія — будить всюду интересъ къ идеѣ и культурѣ, что они — авангардъ, увлекающій за собою неповоротливыхъ домохозяевъ, и пр. Я, какъ извѣстно, грѣшникъ, считаю національность альфой и омегой своей вѣры, дорожу ею больше, чѣмъ прогрессомъ, и т. д. Но, признаюсь, я совершенно не способенъ проникнуться этимъ взглядомъ на еврея, какъ на соль земли, безъ которой остальные вахлаки совсѣмъ бы закисло. Для меня совершенно ясно, что не только эллины въ древности, но и многіе народы въ настоящее время, напримѣръ, англичане и нѣмцы, куда талантливѣй евреевъ во всемъ, рѣшительно во всемъ, начиная съ литературы и кончая банкирскими конторами. Я въ этомъ не вижу никакой обиды для евреевъ, потому что не смотрю на нихъ, какъ на народъ, который всю жизнь держитъ передъ кѣмъ-то экзамень и долженъ непремѣнно получать всѣ пятерки. Право народа на самобытность и равенство не нуждается ни въ какихъ оправданіяхъ. Конечно, разъ мы тутъ по Европѣ околачиваемся столько вѣковъ, мы естественно принесли ей много пользы, обогатили ея жизнь; иначе и быть не могло — вѣдь и мы же не лыкомъ шиты, и если занимаемъ среди историческихъ націй не первое мѣсто, то и не послѣднее. Но смѣшно пересаливать. Не будь евреевъ, культурный міръ тоже бы теперь не въ лаптяхъ ходилъ. Въ частности, русскій народъ свою литературу создалъ безъ всякой помощи евреевъ, такъ же, какъ и французскій, и англійскій, и итальянскій. Да будетъ позволено спросить: если бы въ Петербургѣ и Одессѣ совсѣмъ не было евреевъ, неужели тамъ и здѣсь такъ-таки никогда не

возникли бы литературные клубы? Мое скромное мнѣніе таково: не только возникли бы, но и процвѣтали бы не меньше теперешняго, только публика была бы въ нихъ — русская.

Здѣсь я долженъ привести мнѣніе одного извѣстнаго журналиста, родомъ изъ евреевъ. Прошу читателя не принять эту ссылку за литературный пріемъ: это былъ настоящій разговоръ съ настоящимъ извѣстнымъ журналистомъ еврейскаго происхожденія. Онъ живетъ въ русскомъ городѣ, русскими интересами, вращается почти исключительно въ русскомъ обществѣ, слѣдовательно, знаетъ ту самую публику, которая «не ходитъ»; кромѣ того, самъ пользуется репутацией умнаго, образованнаго и хладнокровнаго человѣка. Я всегда зналъ его за ассимилятора; впрочемъ, онъ не отрицалъ того, что еврейство национализируется, но не сочувствовалъ этому процессу. Рѣчь зашла о томъ самомъ «странномъ» явленіи: что «они» «не ходятъ». Совершенно ручаюсь за точную передачу мысли моего собесѣдника:

— Я вотъ что здѣсь наблюдаю уже не въ первый разъ, — сказалъ онъ. — Возникаетъ какое-нибудь общество или, скажемъ, литературный органъ; основатели его — русскіе люди съ именами. (Это не всегда бываетъ такъ, но я нарочно беру только тѣ именно случаи, когда основатели — русскіе). Когда дѣло наладится и машина пущена въ ходъ, первое время все идетъ нормально. Русская публика интересуется, участвуетъ, посѣщаетъ, читаетъ и сама пишетъ. Но со второго или третьяго мѣсяца начинается наплывъ евреевъ. Основатели радушно ихъ принимаютъ, даже очень рады — знаете, нѣтъ вѣдь ничего добродушнѣе и искреннѣе хорошаго русскаго интеллигента: онъ,

право, по большей части и не замѣчаетъ, кто въ такой. Черезъ нѣсколько недѣль — ваша аудиторія полна евреевъ. И тогда вы начинаете замѣчать странную вещь: по мѣрѣ того, какъ прибываютъ евреи, убываютъ русскіе. Не только въ смыслѣ процента, но абсолютно. Гдѣ ихъ прежде было 100, тамъ ихъ остается 20. Уходятъ. Не ругаются, не сердятся, не жалуются, вообще ничего не говорятъ, а просто отстраняются. Спросишь ихъ: почему? — Сами не умѣютъ объяснить. Да, да, вы правы, надо будетъ опять записаться, просто, знаете ли, вылетѣло изъ головы... Иногда я въ этомъ чувствую привкусъ сознательной юдсѳобіи; но, право, гораздо чаще ничего подобнаго не могу нащупать. А вижу только разительное паденіе интереса къ дѣлу именно съ того момента, какъ имъ такъ ревностно заинтересовались евреи. Оно съ этого мгновенія какъ бы стало для русской публики чужимъ, ее туда уже больше не тянетъ, ей тамъ больше не уютно и незанятно, хотя сюжеты преній или статей остались тѣ же. Это повторяется и съ обществами, и съ газетами, — быть можетъ и съ партіями — и, говорю вамъ, не въ первый разъ. Чѣмъ это объяснить, я не знаю; но нельзя отрицать, что есть какое-то невидимое «отталкиваніе». И вотъ мой выводъ: хорошо это или печально, но Россія должна будетъ пройти черезъ полосу національнаго размежеванія точно такъ же, какъ проходитъ черезъ нее Австрія. Придется взять эту линію и евреямъ, отмежеваться въ обоихъ смыслахъ: политически и культурно. Я, конечно, исключаю тотъ десятокъ-другой евреевъ, которые для еврейства — отрѣзанные ломти, давно ушли, завязали новыя связи и пустили корни въ чужой средѣ. Но еврейское общество въ цѣломъ должно будетъ отгра-

ничить себя отъ русскаго и въ политикѣ и въ культурѣ. Этимъ оно окажетъ большую услугу и себѣ и русскимъ: оно имъ дастъ, наконецъ, возможность организовать внутри себя, по своему, безъ постороннихъ примѣсей, которыя въ такомъ количествѣ для нихъ очевидно неприемлемы...

За точную передачу мысли, какъ уже сказано, я ручаюсь. Ручаться за правильность наблюденія и вывода, конечно, не мое дѣло. Я не знаю ни той публики, ни ея настроеній. Но позволю себѣ напомнить тѣмъ, для которыхъ эти щекотливые вопросы поневолѣ должны быть интересны, что «странное» явленіе, всетаки, должно имѣть свою причину. И до тѣхъ поръ, пока жива на свѣтѣ логика, эта причина можетъ быть только одна изъ двухъ. Она или въ русской интеллигенціи, или въ еврейской. Или первая органически неспособна интересоваться, откликаться, реагировать и т. д., и только евреи, эти единственные ангелы-хранители русской культуры въ Петербургѣ и на окраинахъ, еще спасаютъ положеніе, держатъ знамя и прочая, и тогда остается только изумляться, откуда у этого равнодушнаго русскаго племени взялось столько творческаго подъема, чтобы создать безъ всякой еврейской помощи Толстого или Коммиссаржевскую. — Или — *ихъ* къ евреямъ просто «не тянетъ», и когда они видятъ, что на ихъ собственномъ праздникѣ танцуетъ слишкомъ много евреевъ, то даже лучшіе изъ *нихъ* предпочитаютъ праздновать у себя дома; и если это такъ, то евреямъ и дальше придется нести на себѣ лестную роль единственныхъ музыкантовъ на чужой свадьбѣ — съ которой хозяева ушли.

НА ЛОЖНОМЪ ПУТИ

Замѣтка о «странномъ явленіи» вызвала оживленный газетный споръ, но споръ этотъ, къ сожалѣнію, пошелъ по нелѣпой линіи. Получилось такое впечатлѣніе, точно я въ своей замѣткѣ спрашивалъ русскихъ: почему вы, добрые люди, не ходите въ собранія? не потому ли, что вамъ не хочется якшаться съ евреями? И вотъ, нѣсколько почтенныхъ русскихъ согражданъ удостовѣрили, что они, напротивъ, очень рады якшаться съ евреями, да только какъ-то все не случалось, — и нѣсколько почтенныхъ еврейскихъ ксллегъ тоже откровенно признались, что настоящая русская интеллигенція чрезвычайно любитъ еврейскую. Очень пріятно, прочелъ съ удовольствіемъ. Но зачѣмъ это все было написано — не знаю. Я этого вопроса не ставилъ. Отчасти потому, что нѣтъ смысла наивничать и спрашивать «любишь ли ты меня?» тамъ, гдѣ каждый ребенокъ на улицѣ знаетъ всю правду. А главнымъ образомъ потому, что какъ разъ я меньше всего этимъ вопросомъ интересуюсь. По моему, онъ никакого отношенія не имѣетъ даже къ спору о томъ, надо ли «размежеваться». Журналистъ еврейскаго происхсжденія, о которомъ я въ той статьѣ рассказывалъ, дѣйствительно дошелъ до мысли о необходимости «раз-

межеванія» только потому, что замѣтилъ со стороны русскихъ явное нежеланіе «якшаться». Но на то онъ ассимиляторъ. Для людей моего лагеря суть дѣла совершенно не въ томъ, какъ относятся къ евреямъ остальные народности. Если бы насъ любили, обожали, звали въ объятія, мы бы такъ же непреклонно требовали «размежеванія». Ибо мы думаемъ, что миссія каждой націи — создать свою особую культуру; и мы думаемъ, что это достижимо только путемъ полюбовнаго размежеванія. Какое намъ дѣло съ этой точки зрѣнія до любви или антипатіи сосѣдей? Если они евреевъ не любятъ, мы объ этомъ очень жалѣемъ; если полюбятъ, будемъ очень рады и будемъ платить взаимностью; но наше отношеніе къ ассимиляціи отъ этого не зависитъ. Мы не желаемъ, чтобы евреи стали русскими, даже если русская интеллигенція начнетъ скопомъ ходить на вечера литературнаго клуба.

Моя замѣтка имѣла въ виду совершенно другую цѣль. Интересуетъ меня не отношеніе христіанъ къ еврейской ассимиляціи, а самочувствіе еврейскихъ ассимиляторовъ. Я считаю ихъ позицію въ основѣ и по существу ложной и стараюсь прослѣдить и отмѣтить тѣ случаи, когда эта внутренняя ложь обнаруживается особенно выпукло, когда сама жизнь, такъ сказать, демонстрируетъ противъ ассимиляціи. Такой случай, по моему, теперь на лицо, когда ассимилированные евреи въ огромномъ городѣ вынуждены фигурировать въ роли единственныхъ носителей русской культуры — «единственныхъ музыкантовъ на чужой свадьбѣ, съ которой хозяева ушли». На эту ситуацію я хотѣлъ обратить вниманіе самихъ «музыкантовъ», предложить имъ обдумать ее и сдѣлать выводы. Такъ какъ дискуссія вмѣсто того направилась по совершенно постороннему

фарватеру, то позволю себѣ вернуться къ сути вопроса и сдѣлать эти выводы такъ, какъ я ихъ понимаю.

Совершенно неопровержимо установленнымъ я считаю тотъ фактъ, что ассимилированные евреи въ нашемъ городѣ дѣйствительно очутились въ роли единственныхъ публичныхъ носителей и насаждателей русской культуры. Этого никто во всей дискуссіи даже не пробовалъ отрицать, ибо это слишкомъ яркая очевидность. Обсуждая и оцѣнивая эту любопытную ситуацію, я прежде всего нахожу ее въ высочайшей степени комичной.

Почему она комична — я доказать не умѣю. Смѣшное не доказывается, анекдотъ не требуетъ аргументаціи. Комизмъ ощущается непосредственно, и basta. И я утверждаю, что этотъ комизмъ положенія, когда евреямъ въ полномъ одиночествѣ приходится чувствовать Пушкина и Коммиссаржевскую, ощущается рѣшительно всѣми, прежде всего самими «музыкантами». Я часто встрѣчаюсь со своими противниками, но не встрѣтилъ еще ни одного, который не чувствовалъ бы этого комизма. Иначе нельзя объяснить и переполюса, который вызвала именно эта моя замѣтка. Мнѣ случалось уже писать, напримѣръ, и о томъ, что много рядовыхъ либеральныхъ христіанъ въ глубинѣ души вѣрятъ въ ритуальную сказку; это похуже, поопаснѣе, чѣмъ нехождение на «четверги», и однако никто изъ ассимиляторовъ такъ не взволновался, какъ на сей разъ. На сей разъ было такое впечатлѣніе, словно людей вдругъ обнажили, указали пальцемъ какъ разъ на ту мозоль, за которую имъ въ душѣ особенно неловко, и вотъ они изо всей силы стараются прикрыть ее чѣмъ попало. Очевидно, каждый въ душѣ чувствуетъ, что «ассимиляція», «сляніе» съ окружаю-

щей средой обязательно требует «рецепции», согласія окружающей среды; для того, чтобы обрусѣніе не было унизительнымъ, необходима тутъ же наличность большой русской толпы, въ которой евреи могли бы разсыпаться, размѣститься, растаять — и притомъ съ ея хотя бы молчаливаго согласія. Тогда бы въ этой массѣ дѣйствительно все перемѣшалось; рядомъ съ тремя русскими ораторами могъ бы тогда выступить четвертымъ и еврей и тоже сказать «мы, русскіе» или «наша русская литература» — и это стерлось бы, утонуло бы въ общемъ впечатлѣніи. Но когда русской толпы нѣтъ и никакъ ея не заманишь и не притянешь, и на празднествахъ русской культуры въ полумилліонномъ городѣ одни евреи, совершенно лишенные русскаго прикрытія, бьютъ въ барабанъ и кричатъ «ура» во славу «нашей литературы», — то эта ситуація комична, потому что комична. Лѣтъ пять тому назадъ польская печать горячо обсуждала вопросъ, ѣхать ли въ Прагу на всеславянскій съѣздъ; наконецъ всѣ согласились, что надо ѣхать — Романъ Дмовскій согласился, Сенкевичъ согласился, графы Тышкевичи, князья Радзивиллы и прочіе лидеры и магнаты согласились. Одинъ только Станиславъ Кемпнеръ (тотъ самый, котораго Нѣмоевскій называлъ потомъ «Шая Кемпнеръ») долго еще упирался и настаивалъ, что «мы, поляки» не должны ѣхать въ Прагу, ибо это братаніе съ остальными славянами можетъ повредить «нашимъ» польскимъ интересамъ. Можетъ быть, я неточно помню всѣ имена, но случай этотъ былъ. И вся Польша хохотала надъ этимъ сверхъ-полякомъ и была права, потому что это было комично. Ассимиляція по природѣ своей требуетъ незамѣтности, *наглядной* возможности утонуть въ громадѣ ассимилирующаго тѣла; гдѣ девять русскихъ,

тамъ еврей еще кое-какъ можетъ быть «десятымъ русскимъ»; но когда пропорція обратная, или того хуже — весь, какъ говорится по еврейски, «миньянъ» состоитъ изъ великороссовъ еврейскаго происхожденія, то это есть явленіе высочайшаго и глубочайшаго социальнаго комизма.

Конечно, когда обнаруживается социальный комизмъ какой-нибудь ситуаціи, разные люди по разному на это реагируютъ. Одни, у которыхъ болѣе плоская душа и болѣе толстая кожа на ланитахъ, продолжаютъ выступать гоголемъ; о такихъ нечего разговаривать, такъ какъ это элементъ, лишенный всякой культурной цѣнности. Но есть и въ ассимилированномъ лагерѣ люди болѣе тонкой организаціи. Для такихъ увидѣть себя въ ситуаціи, полной такого органическаго комизма, есть болѣзненный ударъ въ ту самую точку сердца, гдѣ хранится у человѣка его лучшее богатство — его гордость. Для такихъ людей комизмъ превращается въ трагизмъ. Я увѣренъ, переполохъ, вызванный въ станѣ ассимиляторовъ дискуссіей по поводу «страннаго явленія», объясняется еще и тѣмъ, что лучшіе, наиболѣе чуткіе и вдумчивые люди этого стана почувствовали не простую неловкость отъ комическаго положенія, но и настоящую боль, уколъ въ самое чувствительное мѣсто, и имъ на минуту стало жутко отъ мысли: а что, если все это правда? а быть можетъ, я и самъ давно все это подозрѣвалъ, только не рѣшался формулировать? И на минуту почудилось имъ, что, быть можетъ, вся работа ихъ жизни дѣйствительно прошла по ложной колеѣ и завела ихъ вмѣстѣ съ ихъ паствою, куда не надо... — Но, конечно, даже чуткій человѣкъ, если онъ уже затратилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ на данной чертѣ, въ концѣ

концовъ прогнать черныя мысли и дать себя успокоить обычными словесами. Остается только маленькая трещина въ душѣ — и если она осталась, я очень радъ: этого я добивался.

Но патологичность ситуации не только въ ея комизмѣ и даже не въ трагическомъ привкусѣ этого комизма. Еще хуже другое. Хотя мы здѣсь «шумимъ, братецъ, шумимъ», а настоящіе русскіе молчатъ, но тѣмъ не менѣе для всего міра ясно глубокое несоотвѣтствіе между шумомъ и цѣнностью. Ни одинъ серьезный зритель не сомнѣвается, что хоть шумять на русскихъ культурныхъ праздникахъ еврей, а всетаки истинной, стихійно-нерушимой опорой и источникомъ русской культуры служатъ не тѣ, которые шумятъ, а тѣ, которые молчатъ. Если судить по шуму, то выходитъ, будто русскіе 1-го разряда, активные русскіе — это и есть ассимилированные еврей, тогда какъ люди настоящаго русскаго происхожденія — это, какъ выражается Отто Бауэръ, *Hintersassen der Nation*, русскіе 2-го сорта. Между тѣмъ ясно и неопровержимо, что это въ сущности какъ разъ наоборотъ. Именно съ момента, когда еврей объявляетъ себя русскимъ, онъ становится гражданиномъ 2-го класса.

Я, націоналистъ, ни за что не признаю себя въ Россіи гражданиномъ 2-го разряда. Я считаю себя принципиально такимъ же хозяиномъ въ этомъ государствѣ, какъ и русскаго; я желаю говорить, учиться, писать, судиться, управляться на моемъ національномъ языкѣ, ни къ кому не намѣренъ подлаживаться и приспособляться и требую, напротивъ, чтобы государство приспособлялось къ моимъ національнымъ домогательствамъ точно такъ же, какъ оно должно приспособиться къ домогательствамъ русскихъ, украинцевъ,

поляковъ, татаръ и т. д., гармонизировавъ эти всѣ требованія въ общемъ «народо-союзномъ» строѣ. Покуда я такъ смотрю на свое мѣсто въ Россіи, я не выше другихъ и не ниже другихъ, мы всѣ граждане одного ранга. Но если я захочу пролѣзть непременно въ русскіе, то дѣло сразу мѣняется. Тутъ я попадаю въ положеніе неофита. Чужая національная сущность, чужая психика и ею пропитанная культура не могутъ быть по-настоящему усвоены даже за срокъ цѣлаго поколѣнія, даже за срокъ нѣсколькихъ поколѣній. Сохраняется акцентъ въ рѣчи и точно такъ же сохраняется особый «акцентъ» души. Могутъ ли эти оттѣнки совершенно исчезнуть впоследствии, черезъ много-много лѣтъ, это вопросъ другой, котораго я здѣсь не касаюсь; но покуда они есть, до тѣхъ поръ я обреченъ числиться не-настоящимъ, неполнымъ русскимъ, кандидатомъ въ русскіе, подмастерьемъ русско-культурнаго цеха. Меня могутъ любить или не любить, это къ дѣлу не относится; но совершенно ясно, что источникъ и оплотъ русской культуры не въ неофитѣ, а въ той массѣ, съ которой онъ еще только старается слиться. Когда людямъ понадобится настоящее русское творчество, они оттолкнутъ издѣлье неофита и скажутъ: можетъ быть, это поддѣлано очень мило, можетъ быть это и лучше, чѣмъ настоящее русское, — но извините, намъ нужно не это, а настоящее русское. Это и значить быть русскими 2-го разряда. Надо различать понятія: россиянинъ и русскій. Россияне мы всѣ отъ Амура до Днѣпра, русскіе только треть въ этой массѣ. Еврей можетъ быть россияниномъ перваго ранга, но *русскимъ* — только втораго. Такъ на него въ этой роли смотрятъ другіе и такъ на себя невольно смотритъ онъ самъ.

Здѣсь я не буду вновь поднимать споръ о томъ, многимъ или малымъ обязана русская, нѣмецкая, французская и пр. литературы ассимилированнымъ евреямъ, достаточно ли усвоили эти писатели изъ евреевъ соотвѣтствующій національный «духъ» и т. д. Спорить объ этомъ трудно потому, что это вопросъ чутья, ошущи, и еврейскіе судьи тутъ совершенно не компетентны. Сколько бы ни божился еврейскій критикъ, что Гейне — подлинный нѣмецъ по духу, вопросъ этимъ не будетъ рѣшенъ. — Но я интересуюсь этимъ вопросомъ больше съ политической стороны. Здѣсь дѣло яснѣе, здѣсь мы не бродимъ въ потемкахъ эстетическихъ оцѣнокъ, а имѣемъ предъ собою массовые факты. И эти факты ясно говорятъ, что ассимилированный еврей при первомъ серьезномъ испытаніи всегда и всюду оказывается такимъ же плохимъ «ассимилятомъ», какъ и плохимъ евреемъ. Онъ объявляетъ себя нѣмцемъ, покуда господствуютъ нѣмцы, и старается дѣлать такъ, чтобы по виду его нельзя было отличить отъ настоящаго нѣмца. Но какъ только господство переходитъ къ другой національности, моментально обнаруживается различіе: настоящіе нѣмцы остаются нѣмцами, выдерживаютъ борьбу и несутъ на себѣ всѣ жертвы, между тѣмъ какъ тевтоны израильскаго происхожденія съ поразительной быстротою начинаютъ трястать прахъ нѣмецкій и присоединяться къ національности новаго хозяина. Я уже нѣсколько разъ вскользь упоминалъ объ этихъ поразительныхъ превращеніяхъ, но стоитъ еще разъ на нихъ остановиться, и подробно, ибо они гораздо яснѣе всѣхъ прочихъ доводовъ показываютъ истинную внутреннюю прочность еврейской ассимиляціи.

Въ 40-выхъ годахъ прошлаго столѣтія Австрія,

включавшая тогда и Венгрію, была почти сплошь онѣмечена. По крайней мѣрѣ, такъ должно было показаться туристу, который посѣтилъ бы города имперіи. Только на юго-западѣ, въ итальянскихъ провинціяхъ, онъ нашелъ-бы сильную итальянскую культуру — и то съ большими нѣмецкими заплатами; но Будапештъ весь говорилъ по-нѣмецки, мадьярская рѣчь едва слышалась на задворкахъ; въ Прагѣ и думать забыли о томъ, что гдѣ-то на свѣтѣ есть чешская рѣчь; и даже въ Галиціи нѣмецкая рѣчь на улицахъ, въ оффиціальнхъ учрежденіяхъ, въ университетахъ и на вывѣскахъ соперничала съ польской, и большей частью побѣдоносно соперничала. Словомъ, картина онѣмеченія *городской* Австріи была полная. Гдѣ-то въ деревнѣ прозябали чешскіе, словинскіе, русинскіе мужики, но съ ними никому и въ голову не приходило считаться: казалось совершенно яснымъ, яснымъ прежде всего для нихъ самихъ, что ихъ рѣчь — мужицкая рѣчь, для культурныхъ цѣлей непригодная, и для каждаго порядочнаго человѣка просвѣщеніе — синонимъ германизаціи. Нѣкоторыя сомнѣнія вызывали упрямые итальянцы, безпокойные мадьяры и крамольные поляки, но благоразумные люди надѣялись, что и эти злоумышленники сами поймутъ свою ошибку. Вѣдь человѣчество должно сближаться, а не раздѣляться; это проповѣдывалъ еще мудрый императоръ Іосифъ II, начертавшій въ одномъ декретѣ: «Нѣтъ лучшаго средства пріучить гражданъ ко взаимной между собою любви, какъ давъ имъ единый общій языкъ». И въ доказательство сослался — на Россійскую Имперію. Но правъ онъ былъ въ томъ отношеніи, что внѣшняя культурная фізіономія Австріи въ его время и десятки лѣтъ послѣ него была очень

похожа на тогдашнюю или теперешнюю культурную физиономию Россіи: и тамъ, какъ тутъ, господствовали почти нераздѣльно языкъ и культура главнаго хозяина; и тамъ, какъ тутъ, совершенно или почти совершенно забыли о существованіи другихъ народностей.

Въ этой обстановкѣ началось пробужденіе австрійскаго еврейства. Выйдя изъ гетто, снявъ халаты, подрѣзавъ пейсы, его передовые сыны осмотрѣлись вокругъ и увидѣли, что все приличное общество говоритъ по нѣмецки. Они тоже заговорили по нѣмецки; это имъ далось даже легче, благодаря жаргону, чѣмъ сосѣдямъ. Въ Прагѣ, во Львовѣ, въ Будапештѣ евреи начали считать себя нѣмцами, были очень довольны такимъ повышеніемъ въ чинѣ и думали, что на этомъ можно и успокоиться.

Но вотъ они стали замѣчать, что, напримѣръ, въ г. Прагѣ начинается что-то странное. Какіе-то оригиналы вдругъ затѣяли говорить по мужицки, и не только у себя дома, но и на улицѣ, и въ театрѣ, да нарочно такъ, чтобы всѣ слышали. Сначала это смѣшно, потомъ начинаетъ раздражать. Тѣмъ болѣе, что эти оригиналы выдвигаютъ еще въ придачу какія-то претензіи. — Мы, чехи, въ этомъ краѣ большинство. — заявляютъ они, — а потому Прага должна быть наша, въ судахъ и школахъ и даже въ университетѣ долженъ господствовать нашъ языкъ, а нѣмецкому достаточно мѣста въ Вѣнѣ. — Слыша такія вздорныя рѣчи, нѣмцы пожимаютъ плечами: какъ смѣютъ мечтать о такихъ вещахъ эти санкюлоты, у которыхъ даже литературы еще нѣтъ? А они отвѣчаютъ: у насъ есть Ганка, Палацкій, Краледворская рукопись; начало есть, а продолженіе будетъ. —

Нѣмцы сначала отшучивались, а потомъ стали сердиться и отвѣчать возгласомъ: долой чеховъ!

И тутъ евреи попали въ щекотливое положеніе. Разъ они записались въ нѣмцы, то надо было показать себя хорошими нѣмцами. А такъ какъ еще къ тому же настоящіе нѣмцы немного косились на нихъ и не вполнѣ имъ еще довѣряли, то надо было особенно постараться — такъ сказать, перекричать самага заправскаго нѣмца. Кромѣ того, ихъ и въ самомъ дѣлѣ раздражали претензіи некультурнаго чеха. Какъ такъ? Значитъ, въ Прагѣ будетъ, на примѣръ, въ городскомъ театрѣ не нѣмецкая, а чешская драма? Въ обществѣ придется вести свѣтскій разговоръ не по нѣмецки, а по чешски? Этимъ бѣднымъ людямъ съ такимъ трудомъ дался нѣмецкій языкъ, столько пришлось попотѣть надъ устраненіемъ предательскаго акцента — и что же, все это на смарку? Начинать сначала учиться по новому? Нѣтъ, не бываетъ тому! И вотъ, наравнѣ съ нѣмцами и еще громче нѣмцевъ начали евреи подпѣвать: долой чеховъ! Прага «наша», нѣмецкая!

Но чехи не испугались ни нѣмцевъ, ни евреевъ. Шагъ за шагомъ, день за днемъ, напоздали изъ деревни въ Прагу чешскіе муравьи, постепенно проникали во всѣ щели и по крохамъ строили свою культуру. У нихъ появились газеты, книжки, потомъ книги, потомъ цѣлая литература, потомъ гимназія, потомъ университетъ. И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, нѣмцы моисеева закона не узнали своей Праги. Отъ нѣмецкаго всевластія остались одни огрызки. Въ городской думѣ ни одного нѣмца, на улицахъ и въ театрѣ чешская рѣчь, придешь въ магазинъ — не желаютъ тебѣ отвѣчать по нѣмецки,

а если ты самъ купецъ — изволь говорить съ покупателемъ по чешски, а то надѣнетъ шапку и уйдетъ въ сосѣднюю лавку — къ чеху. А въ газетахъ, даже самыхъ либеральныхъ, очень недвусмысленно пишутъ, что евреямъ слѣдовало бы поостеречься насчетъ нѣмецкаго рвенія, потому что, ежели нѣмцамъ мы его прощаемъ, то ужъ евреямъ не простимъ. И... евреи начали понемножку переписываться изъ нѣмцевъ въ чехи. Появились чехи моисеева закона. Сначала мало, потомъ больше, а теперь большинство. Но такъ какъ настоящіе чехи кричатъ: «долой нѣмцевъ», а еврей старается быть совсѣмъ какъ настоящій чехъ и даже еще лучше, то дѣти или младшіе братья тѣхъ, что кричали когда-то «долой чеховъ!» — тоже кричатъ вмѣстѣ съ новыми хозяевами: — Долой нѣмца!

То же самое было въ Галиціи. Извѣстно, до какого раболѣпства дошелъ теперь на польской службѣ галиційскій ассимиляторъ, знаменитый «Мошко». Онъ и туда, онъ и сюда, онъ за польщизну душу готовъ полсжить, онъ за польскую культуру согласенъ раздавить и русинъ, и евреевъ, а ужъ нѣмцевъ, притѣсняющихъ «его братьевъ» въ Познани, онъ ненавидитъ выше всякой мѣры. Но хотите знать исторію этого польскаго энтузіазма? Яркимъ образчикомъ ея былъ покойный депутатъ Эмиль Быкъ, членъ польскаго коло и ярый колонизаторъ, умершій въ 1906 г. Не далѣе, какъ въ 1873 г. онъ еще состоялъ всею душою въ нѣмцахъ, развѣзжалъ по Галиціи и агитировалъ, чтобы всѣ евреи записались въ нѣмецкую партію. Но потомъ, хорошенько осмотрѣвшись и увидѣвъ, куда вѣтеръ дуетъ, онъ «пересталъ быть» нѣмцемъ и «сдѣлался» полякомъ съ той же легкостью, съ какой человѣкъ изъ маклера становится сватомъ,

и съ тѣхъ поръ не было у поляковъ въ Галиціи болѣе вѣрнаго лакея и у нѣмцевъ болѣе грознаго врага. И эту эволюцію продѣлало все старшее поколѣніе ассимиляторовъ. Когда-то они состояли въ нѣмцахъ и ворчали на поляковъ; теперь они состоятъ въ полякахъ и стараются дѣлать все такъ, какъ дѣлаютъ настоящіе поляки. Но настоящіе поляки боятся теперь въ Галиціи не нѣмца, а новаго врага. На сцену все рѣшительнѣе выдвигается новый претендентъ: русины. Ихъ въ Галиціи 3 милліона, а въ восточной половинѣ они составляютъ огромное большинство; Львовъ лежитъ въ Восточной Галиціи, а потому они заявляютъ на него самыя категорическія притязанія. Это не Лембергъ, говорятъ они, и не Львувъ, а Львівъ, столица австрійской Украины; городъ этотъ долженъ быть нашъ, въ судахъ, въ участкѣ, въ университетѣ долженъ господствовать украинскій языкъ, а для польскаго довольно мѣста и въ Краковѣ. Иными словами, песторяется исторія съ Прагой... И духовные братья Эмиля Быка, съ недалёковидностью, типичной для всѣхъ ренегатовъ, во все горло подхватываютъ лозунгъ «долой гайдамаковъ!» — забывая, что черезъ 30 лѣтъ эти «гайдамаки» неизбежно будутъ полными господами Восточной Галиціи... Впрочемъ, что за бѣда? Мошко тогда перевернется въ третью національность.

Я теперь не спорю о томъ, хорошо это или дурно съ нравственной точки зрѣнія. Настаиваю только на сдномъ: это *факты*, и эти факты неопровержимо доказываютъ одно: когда еврей воспринимаетъ чужую культуру, превращается въ нѣмца, чеха или поляка, то каковъ бы ни былъ его энтузіазмъ, нельзя полагаться на глубину и прочность этого превращенія. Ассимилированный еврей не выдерживаетъ перваго на-

тиска, отдаёт «воспринятую» культуру безъ всякаго сопротивленія, какъ только убѣдится, что ея господство прошло и хозяйское мѣсто переходитъ въ другія руки. Онъ не можетъ служить опорой для этой культуры; съ какимъ бы онъ пыломъ о ней ни говорилъ, неглубокость и непрочность корней, которыми она связана съ его душою, обнаруживается при первомъ серьёзномъ испытаніи. Къ этому выводу приходятъ всѣ авторитетные наблюдатели національныхъ отношеній, самые серьёзные, самые спокойные, какъ проф. Раухбергъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о Богеміи¹⁾, какъ М. Hainisch въ своей обстоятельной статистико-экономической монографіи о перспективахъ австрійскаго развитія²⁾. И даже социаль-демократъ Шпрингеръ, говоря о венгерскихъ евреяхъ, которые тоже 60 лѣтъ тому назадъ «были нѣмцами», а теперь на каждомъ шагу поютъ гимны «нашей мадьярской культурѣ», — ставитъ имъ уничтожающій прогнозъ: «Они останутся мадьярами, покуда венгерскимъ государствомъ правятъ мадьяры, — ни минуты дольше»³⁾. Но настоящіе мадьяры, и потерявъ владычество надъ инородцами, все же останутся мадьярами — и въ этомъ, а не въ шумѣ, скажется различіе между мадьярами перваго и втораго сорта...

Всѣмъ тѣмъ изъ стана ассимиляторовъ, которые не утратили еще прямого взгляда на вещи и самостоятельности мышленія, я задаю вопросъ: гдѣ доказательство, что здѣшніе евреи сдѣланы изъ лучшей глины, чѣмъ евреи Будапешта, Лемберга, Праги? Тѣ

1) Prof. H. Rauchberg, Der nationale Besitzstand in Böhmen. I, стр. 673.

2) Dr. M. Hainisch, Die Zukunft der Deutsch-Österreicher, стр. 31.

3) R. Springer, Die Krise des Dualismus.

вѣдь тоже не были сознательными лицомърами, субъективно они были искренни и тогда, когда обожали все нѣмецкое, и теперь, когда обожаютъ чешскую или мадьярскую культуру. Слѣдовательно, дѣло не въ субъективномъ энтузіазмѣ, который вовсе не доказываетъ глубины чувства, а дѣло въ какихъ-то объективныхъ моментахъ, которые создаютъ дѣйствительную, кровную связь между человекомъ и его культурой, рожденной его предками и его братьями изъ его національной души. У евреевъ ближняго запада этихъ моментовъ при испытаніи не оказалось. Почему мы забываемъ о томъ, что и намъ, повидимому, грозитъ точно такое же испытаніе? Главная масса евреевъ живетъ среди украинцевъ, поляковъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ; эти народы начинаютъ теперь подымать головы такъ же точно, какъ 60 лѣтъ тому назадъ начали дѣлать это чехи. Это происходитъ у насъ на глазахъ, пройти мимо этого явленія можетъ только близорукой. Надо же имѣть намъ линію поведенія не только на сегодняшній, но и на завтрашній день. Вѣдь одно изъ двухъ: или Россія останется въ полицейскихъ тискахъ, или всѣ эти народности используютъ политическую свободу прежде всего для того, чтобы сдѣлать изъ Россіи большую Австрію; хотимъ мы этого или не хотимъ, это будетъ, и ни Струве, ни мы съ вами не «уговоримъ» ни тридцатимилліонную массу малороссовъ, ни даже маленькій литовскій народъ. Какъ же мы опредѣлимъ свою позицію къ этому моменту? Какова будетъ наша роль въ этой будущей Россіи, гдѣ сто народовъ вокругъ насъ будутъ развиваться самобытно, создавая свои національныя цѣнности на своихъ языкахъ? Останемся ли мы тогда въ роли, на которую намеки есть уже и теперь —

въ роли единственныхъ носителей русификаціи на окраинахъ? Или пойдемъ по пути австрійскихъ ассимиляторовъ, мѣняя національность при каждомъ перемѣщеніи политическихъ силъ? Или, быть можетъ, изберемъ третью дорогу, предоставимъ русскимъ быть русскими, полякамъ поляками, а сами воздвигнемъ свои маяки?

Я прекрасно понимаю, что «ассимиляторъ» есть, чаще всего, продуктъ ассимиляціи, и передѣлать себя онъ въ извѣстномъ возрастѣ уже не можетъ. Онъ привыкъ жить русскою культурой, ему другая недоступна, — и ему некуда уйти. Не обречь же себя на духовный голодъ. Это я понимаю. Отъ каждого отдѣльнаго человѣка нельзя требовать личныхъ жертвъ, да еще такихъ длительныхъ, на всю жизнь. Рѣчь идетъ пока не о личномъ поведеніи того или иного еврейскаго интеллигента. Рѣчь идетъ о политической оріентаціи. Мы не только лично живемъ, но мы и прокладываемъ линіи для будущаго. Если мы попали въ тупикъ, и извѣстной части нашего поколѣнія уже нѣтъ изъ него выхода, то вѣдь остается долгъ — направить завтрашнія поколѣнія по другой колеѣ. Созиданіе національной культуры, борьба за ея гегемонію въ еврейской душѣ — это задача и для того изъ насъ, кому лично уже не суждено пить изъ ея родниковъ. Пусть онъ строитъ для своего сына, пусть чертитъ планъ жизни для болѣе счастливыхъ. И главное, пусть громко признаетъ, что *его* путь былъ ложный путь, и станетъ на порогѣ западни, куда самъ попалъ, — станетъ на порогѣ, не пуская другихъ.

МРАКОБЪСЪ

Возстановленіе и объединеніе Италіи закончилось 20 сентября 1870 года. Это называется: во-время успѣть. Счастливъ Богъ Гарибальди и Виктора-Эммануила, что дѣло не затянулось еще лѣтъ на сорокъ; счастливъ Богъ Кавура, что онъ умеръ еще раньше: правда, ему не удалось видѣть своими глазами, какъ Римъ сталъ столицей объединенной Италіи, но зато онъ умеръ во-время, въ полной увѣренности, что не только Италія, но и весь міръ смотритъ на него, какъ на порядочнаго человѣка. Опоздай онъ лѣтъ на пятьдесятъ — картина могла бы сильно измѣниться.

Часто я пытаюсь вообразить, какъ отнеслось бы прогрессивное человѣчество къ гарибальдійской эпопее, если бы она происходила теперь, въ наши дни. Въ сущности, вѣдь и въ наши дни есть народы, находящіеся въ положеніи Италіи до Гарибальди. Въ чемъ заключалось горе Италіи до Гарибальди? Въ томъ, что она была разрознена и порабощена. Мало ли теперь народовъ разрозненныхъ и порабощенныхъ? Даже итальянцы еще не всѣхъ своихъ братьевъ собрали подъ родимую кровлю. Южный Тироль, провинція историческаго Тридента, родина Данте, все еще принадлежитъ Австріи, все еще правитъ имъ нѣмецъ, и мраморный старикъ Алигьери со своего гранитнаго пьедестала на площади въ Тренто все еще

тоскливо глядитъ на югъ, черезъ Альпы, въ сторону оторванной Италіи. Но и помимо итальянцевъ! Сербохорваты раздѣлены между пятью или шестью государствами. Болгарскій сѣверъ Македоніи все еще въ турецкихъ рукахъ. Греческій югъ Македоніи, греческіе острова Архипелага и самый Критъ все еще подъ туркомъ. Два милліона румынъ кричатъ въ венгерской Трансильваніи. И еще много племень можно бы назвать, и всѣ они ждутъ своего Гарибальди. Но вотъ что любопытно: какъ относится къ этимъ ихъ ожиданіямъ и надеждамъ передовое человѣчество? Не дипломаты, конечно, и не генералъ-губернаторы, а та «молодая», радикальная Европа, что въ свое время молилась на итальянскаго Гарибальди и до сихъ поръ чтитъ и чествуетъ его имя? Сочувствуетъ ли она триентинскимъ итальянцамъ въ ихъ стремленіи оторваться отъ Австріи, сочувствуетъ ли она сербохорватамъ, болгарамъ, румынамъ и другимъ народамъ въ ихъ мечтѣ — воспроизвести эпопею объединенія Италіи, измѣнить политическую карту, разорвать старыя государства и воздвигнуть новыя?

Нѣтъ-съ, не сочувствуетъ. Радикальная Европа на все это смотритъ очень косо, и чѣмъ она радикальнѣе, тѣмъ хуже. На лѣвомъ флангѣ политической мысли твердо рѣшено, что все это ненужныя и вредныя фантазіи. Онѣ отвлекаютъ человѣчество отъ его настоящихъ задачъ, онѣ затемняютъ классовое сознаніе. Какъ, напримѣръ, называютъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ австрійской политической мысли тѣхъ иррендентистовъ, которые мечтаютъ о присоединеніи Триента и Триеста къ Италіи? Ихъ называютъ реакціонерами и шовинистами. Только реакціонеръ можетъ

мечтать о созданіи новыхъ государствъ, когда и старыхъ уже слишкомъ много развелось. Только шовинистъ можетъ проповѣдывать, будто народы непременно должны отдѣляться другъ отъ друга государственными рамками. Только реакціонеры и шовинисты способны разжигать во имя этихъ фанаберій націоналистическія страсти, отвлекая трудовую массу отъ ея прямой задачи. Такъ говорятъ и пишутъ на лѣвомъ флангѣ, псевсюду — у итальянцевъ, у балканскихъ народовъ, у поляковъ, у евреевъ. Счастливецъ Гарибальди! Если бы онъ опоздалъ на полвѣка...

Гдѣ-то въ одесскомъ порту еще стоитъ, быть можетъ, та харчевня, гдѣ юноша Гарибальди, много лѣтъ назадъ, встрѣтилъ матроса-карбонарія и впервые отъ него услышалъ проповѣдь о единой Италіи. Одни говорятъ, что эта встрѣча произошла въ Таганрогѣ, другіе думаютъ, что въ Одессѣ, и это достовѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ, гдѣ-то близко отъ насъ. Въ Италіи тогда на такія темы нельзя было говорить. Юнгой на отцовскомъ кораблѣ пріѣхалъ сюда Гарибальди, забрелъ въ харчевню, выпилъ стаканъ вина съ незнакомымъ матросомъ, и тотъ раскрылъ передъ его глазами новый міръ. Кто былъ тотъ матросъ, освободившій Италію? Имя его осталось невѣдомо, все равно какъ имя того калики перехожаго, что поднялъ когда-то на ноги русскаго богатыря.

Въ одной книгѣ написано о такихъ невѣдомыхъ вотъ что:

Я расскажу вамъ русскую былинку:

Жилъ богатырь, мужицкій сынъ Илья.

Онъ тридцать лѣтъ, не разгибая спину,

Сидѣлъ въ углу отцовскаго жилья.

По всѣмъ дорогамъ рыскали татары,
Въ лѣсу царилъ разбойникъ Соловей:
Илья сидѣлъ, Илья глоталъ удары,
И не было защиты у людей.
И вотъ пришелъ незнамый странникъ Божій,
Безыменный калика переходжій,
Сказалъ: «вставай, настала череда!» —
И всталъ Илья, плечомъ могучимъ двинулъ,
Татарскую державу опрокинулъ
И Соловья съ семи дубовъ низринулъ —
А странникъ тотъ ушелъ, пропалъ и сгинулъ,
Невѣдомый откуда и куда.

И это все. Ни пѣсенъ о каликѣ,
Ни памяти: пришелъ, позвалъ — и нѣтъ.
А между тѣмъ былъ онъ герой великій,
Отважнѣй всѣхъ, чье помнить имя свѣтъ.
Ужъ на него ль не зарились татары?
И Соловей въ глуши своихъ лѣсовъ
Не на него ль придумалъ злыя кары
И посылалъ въ облаву слугъ и псовъ?
Онъ отъ собакъ ушелъ и отъ холопей,
Онъ хитраго татарина провелъ,
Прошелъ сквозь тучи стрѣлъ, сквозь строй коній,
Онъ забутилъ пески зыбучихъ топей,
Онъ прорубилъ дубравы — и дошелъ!

Въ томъ подвигѣ невидномъ и негромкомъ
Вся жизнь его: пришелъ, позвалъ — и нѣтъ.
Но онъ — герой. И вамъ, его потомкамъ,
Отъ родины спасибо и привѣтъ!

Неизвѣстный матросъ былъ тоже изъ «его потомковъ», и теперь всѣ согласны. даже на лѣвомъ флангѣ,

что ему полагается отъ родины спасибо и привѣтъ. Ибо все это было давно, чуть ли не сто лѣтъ тому назадъ. Но хотѣлъ бы я знать, что сказали бы мы теперь, если бы та бесѣда молодого Гарибальди съ карбонаріемъ въ одесской харчевнѣ произошла въ наши дни и кто-нибудь изъ насъ ее подслушалъ. Влетѣло бы тогда отъ насъ и Гарибальди, и особенно его перешожему каликѣ!

Вы сомнѣваетесь? Но тогда позвольте возстановить предъ вами содержаніе той бесѣды. Я при ней, конечно, не былъ, и, кажется, нигдѣ ея подробности не записаны, но, тѣмъ не менѣе, возстановить ее нетрудно. Дѣло ясное: что могъ сказать матросъ-карбонарій бѣлокурому мальчику изъ Ниццы съ честными смѣлыми глазами, — что могъ онъ ему сказать, кромѣ тѣхъ самыхъ вещей, за которыя теперь никто бы его по головкѣ не погладилъ? Рѣчь карбонарія несомнѣнно представляла собой яркій образецъ того, что мы теперь называемъ шовинизмомъ и нетерпимостью. Подумайте сами: говорилъ ли онъ юношѣ о томъ, что всѣ люди братья? Нѣтъ, онъ, должно быть, про это забылъ, а говорилъ ему о томъ, что надо выгнать изъ Италіи нѣмцевъ. И, вѣроятно, декламировалъ на память, или вытацилъ изъ за пазухи на пропотѣвшемъ листочкѣ запрещенные стихи Джусти, отъ которыхъ тогда содрогалась вся грамотная Италія. Мы бы съ вами тоже содрогнулись, прочитавъ эти стихи, но отъ противоположнаго чувства: отъ добродѣтельнаго негодованія. Такіе возмутительные стихи, полные духа племенной вражды, и въ каждой строчкѣ звучить нота натравливанія одной національности на другую! Напримѣръ, приблизительно такъ:

Что мы хотимъ? Отчизну и свободу
Возстановить — а нѣмцевъ не хотимъ ;
Хотимъ дышать, хотимъ вернуть народу
Родной языкъ — а нѣмцевъ не хотимъ ;
Хотимъ творить и чтить свои преданья —
А нѣмцевъ не желаемъ. До свиданья!

И когда матросъ произносилъ этотъ рефренъ: «*e non vogliam Tedeschi*», его шопотъ приобрѣталь зловѣщій оттѣнокъ, и въ немъ чувствовалось остріе скрытаго кинжала. А честные, смѣлые глаза бѣлокурого юноши хмурились ненавистью. Онъ думаль о поработителяхъ. Ему казалось, что они усѣяли родную землю, словно гадкая сыпь на миломъ дѣлѣ. Они ее портять, они ее безобразять, они ее пачкають. Ихъ надо прогнать. Вонъ! До одинаго человѣка вонъ! И, можетъ быть, въ эту минуту неизвѣстный юнга даль себѣ тихую клятву, и изъ этой клятвы потомъ родилась одна изъ прекраснѣйшихъ, изъ самыхъ возвышенныхъ страницъ міровой исторіи... Но какое намъ дѣло? Если бы этотъ разговоръ происходилъ въ наши дни, мы сурово обругали бы всѣхъ трехъ: поэта Джусти за то, что онъ науськиваль Италію на нѣмцевъ, матроса-карбонаря за то, что распространяль эти вредныя вирши, а юношу изъ Ниццы за то, что рѣшилъ посвятить свою богатую жизнь такому ничтожному и неблагородному дѣлу, какъ осуществленіе шовинистической и реакціонной программы.

Да къ чему и свелась дѣятельность Гарибальди въ Италиі? Напоминаль ли онъ своимъ согражданамъ о томъ, что нѣмца надо любить, какъ родного брата? Напрстивъ, всякій шагъ его, всякій жестъ его разжигаль въ итальянскихъ массахъ ненависть къ чуже-

земцу. Говорилъ ли Гарибальди народу про то, что на свѣтѣ есть только двѣ націи — богачи и бѣдняки, и что всѣ бѣдняки, будь они итальянцы или нѣмцы, должны быть заодно? Напротивъ, онъ призывалъ богатыхъ и бѣдныхъ объединиться во имя патриотической идеи, забыть всѣ раздоры, отложить всѣ внутренніе споры до того момента, пока не будетъ осуществленъ націоналистическій идеаль. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ демократизаціи отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ состоялъ въ его дни Апеннинскій полуостровъ, онъ заставилъ цѣлое поколѣніе, отбросивъ остальные, быть можетъ болѣе важныя соціальныя заботы, посвятить всѣ силы націоналистической и, въ сущности, безмысленной задачѣ — созданію объединеннаго королевства. Зачѣмъ? Что за прихоть? Развѣ это нужно для счастья народа? Не все ли равно для бѣднаго люда, сколько надъ нимъ королей? Не лучше ли было бы для народа, если бы Гарибальди направилъ свои усилія въ другую сторону, и теперь на Апеннинскомъ полуостровѣ было бы нѣсколько республикъ вмѣсто одного королевства? Въ сущности, если хорошенько взглядѣться до самой глубины, не была ли жизнь Гарибальди ошибкой отъ начала до конца? Не сбиль ли онъ съ толку, не свель ли съ прямого пути цѣлый народъ, цѣлое поколѣніе, и — хуже того — не завѣцалъ ли своихъ заблужденій другимъ народамъ и позднѣйшимъ поколѣніямъ? Развѣ не его примѣромъ и не его успѣхами увлекаются, развѣ не по стопамъ Италіи слѣдуютъ теперь шовинисты всего міра, вопя о необходимости національныхъ государствъ и задерживая разрѣшеніе соціальной проблемы? И если возстановить во всѣхъ деталяхъ ту атмосферу, которая господствовала въ Италіи въ эпоху

борьбы за независимость. въ эпоху истинна нѣмцевъ и объединенія полуострова, и если хорватенко выскунуть въ эту атмосферу, полную националистическаго пыла, пропитанную ненавистью къ чужеземцу, оглашаемую нестерпимой декламаціей патріотическихъ Лезунговъ; если вспомнить, что на цѣлыя десятилѣтія было забыто и заброшено все остальное: никто не думалъ о школахъ, о развитіи промышленности и торговли, даже о хорошихъ законахъ, а всѣ силы были поглощены исключительно вопросами національности и патріотизма, — если все это взвѣсить, то не придется ли съ болью въ сердцѣ сказать, что то была атмосфера истиннаго шовинизма, въ которой, какъ рыба въ водѣ, чувствовали бы себя Марковъ и Пуришкевичъ?

Понимаю, что здѣсь меня лѣвый читатель прерветъ и скажетъ возмущенно, что онъ никогда ничего подобнаго не говорилъ. Да, я знаю, что не говорилъ. О Гарибальди мы этого не говоримъ. Но почитайте, что говорятъ и пишутъ о людяхъ, которые въ наши дни и въ нашихъ условіяхъ смѣютъ молиться тѣмъ богамъ, которымъ молился Гарибальди. Нѣтъ бранныхъ словъ, которыхъ они бы не слышали. Ихъ объявляютъ ненавистниками человѣка, врагами общелюдскаго братства. Они мракобѣсы, противники культуры. Они обманщики, они водятъ за носъ темную массу, даютъ ей камень вмѣсто хлѣба. Они ей говорятъ: «долгой нѣмца!» вмѣсто того, чтобы говорить ей: «всѣ люди братья». Они говорятъ ей: «созидай государства!» вмѣсто того, чтобы говорить ей: «демократизируй государства». Они говорятъ ей: «нѣтъ разницы между бѣднымъ и богатымъ, пока не осуществится національный идеалъ». вмѣсто того, чтобы говорить ей: «пролетаріи всѣхъ

странъ, объединяйтесь». Они наполняютъ атмосферу лозунгами боевого націонализма. Они отрываютъ сердца молодежи отъ общечеловѣческихъ идеаловъ и зажигаютъ ея мозгъ преувеличеннымъ культомъ національнаго прошлаго и національнаго языка. Они хотятъ, чтобы всѣ другія проблемы были отодвинуты на второй планъ и чтобы всѣ лучшія силы народа пошли на построение золоченой клѣтки, гдѣ бы народъ могъ отграничиться отъ своихъ иноязычныхъ братьевъ. Они реакціонеры, они родня по духу Маркову и Пуришкевичу, ихъ надо гнать и душить. Но — тогда будемъ послѣдовательны, сдѣлаемъ еще одинъ шагъ и отнесемъ за ту же скобку и Гарибальди? Развѣ онъ, его сподвижники и вся его эпоха не точь въ точь подходятъ подъ всѣ обвиненія, только что формулированныя нами? И будемъ искренни: если бы борьба за Италію происходила теперь и на нашихъ глазахъ, развѣ мы не повторяли бы этихъ обвиненій со всѣхъ общественныхъ трибунъ? Въ чемъ же дѣло? Въ чемъ разница?

Въ томъ, что насъ тогда не было на свѣтѣ, насъ не спросили и создали Италію безъ нашего вѣдома. Мы пришли на готовое, мы уже застали выстроенной эту прекрасную молодую монархію-демократію, мы нашли ее жизнерадостной, бодротворящей, жадной къ прогрессу, притязающей на мѣсто въ первомъ ряду культурныхъ державъ. И вотъ, мы снимаемъ шапки и одобрительно хлопаемъ по плечу Гарибальди, Маццини и Джусти. Молодцы, ребята! Но въ то же время рядомъ съ нами въ горькомъ поту работаютъ люди, сѣя на другихъ нивахъ тѣ же зерна, что сѣялъ Гарибальди, и, быть можетъ, суждено и этимъ зернамъ дать не худшіе ростки, — но этихъ работниковъ мы травимъ отборною бранью. «О люди,

жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха, жрецы минутнаго, поклонники успѣха»...

Въ Римѣ, на холмѣ Яникульскомъ, стоитъ памятникъ Гарибальди; кто его видѣлъ разъ въ жизни, не забудетъ его никогда. Всадникъ повернулъ голову направо и съ угрозой смотритъ на синеватый куполь Ватикана. Но мнѣ въ послѣднее время кажется, что смстритъ онъ дальше, смотритъ въ нашу сторону и съ горькой усмѣшкой намъ говоритъ:

— О, люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха! Вы, именующіе себя демократами, уходите прочь отъ меня, не оскорбляйте меня своимъ запанибратствомъ. Я не хочу почета тѣхъ, кто не почитаетъ моей вѣры. Да, я отдалъ свою жизнь во имя Италіи, да, я велѣлъ своему народу ни о чемъ иномъ не помнить и не думать, пока не возникнетъ изъ пепла Италія. И больше того: когда она возникла, я, жадный, не былъ удовлетворенъ. Я хотѣлъ еще отобрать у Франца-Иосифа Триентъ, и Триестъ, и Фиуме, и Далмацію; я хотѣлъ еще отобрать у французовъ мою родину Ниццу, я мечталъ о Савойѣ, и въ гнѣвѣ за то, что король и дипломаты не сумѣли взять ихъ, я стряхнулъ прахъ отъ ногъ и затворился отъ людей на дикомъ островкѣ родного моря. Да, я былъ жаденъ и непримиримъ, да, я жилъ во имя націи; придите же, сюда, вы, эпигоны, и учите меня уму-разуму. учите меня, что люди братья, учите меня, что надо любить челоувѣчество, правду, свободу! Учите меня! Я хотѣлъ отнять у Франціи нашу Ниццу, потому что она наша, но когда на французскую землю ступили прусскія войска, я созвалъ своихъ старыхъ товарищей и ринулся въ Дижонъ защищать французскую свободу и цѣлость французской земли. Я посвятилъ свою

жизнь Италіи, но и въ необъятныхъ равнинахъ и лѣсахъ южной Америки помнятъ меня, ибо и тамъ я боролся съ тиранами, въ рядахъ революціонныхъ армій Бразиліи, Аргентины, Перу. Я посвятилъ свою жизнь Италіи, но въ годы, когда въ Италіи было за-тишье, я — глупый мечтатель! — носился съ проектомъ купить большой корабль, пловучее гнѣздо свободы, и кочевать на немъ изъ страны въ страну, помогая во всемъ мірѣ возстаніямъ народовъ противъ деспотизма. Я отдалъ свою жизнь Италіи, но Герценъ назвалъ меня рыцаремъ челоувѣчества. И я былъ рыцаремъ челоувѣчества и челоувѣчности, и я умѣлъ любить и понимать всѣ народы, и мое сердце было въ каждой борьбѣ на сторонѣ угнетеннаго. Но я больше всего на свѣтѣ любилъ мой народъ и его страну, и, когда надо было, я умѣлъ ненавидѣть чужака-поработителя, и я не стыжусь, что до сихъ поръ въ Италіи поется гимнъ моего имени съ припѣвомъ: «Прочь изъ Италіи, ибо часъ наступилъ, прочь изъ Италіи, о чужеземецъ!» Да, я былъ рыцаремъ челоувѣчества, но я училъ своихъ согражданъ вѣрить, что нѣтъ на свѣтѣ высшаго блага, чѣмъ нація и родина, и нѣтъ на свѣтѣ такого Бога, которому стоило бы эти двѣ драгоценности принести въ жертву. И вотъ — моя работа предо мною. Я создалъ этотъ прекрасный третій Римъ, я создалъ эту молодую новую жизнь, этотъ новый очагъ творчества, имя которому Италія. И я вѣрю, что мой памятникъ на холмѣ виденъ не только Риму, но міру, и по всѣмъ угламъ земли еще внятень и памятенъ мой призывъ, и постепенно всюду, гдѣ только есть угнетенное племя съ великимъ прошлымъ и горькимъ настоящимъ, всюду закипитъ борьба за *мой* идеаль...

ЧЕТЫРЕ СЫНА

По еврейскому обряду полагается, рассказывая въ пасхальный вечеръ объ исходѣ изъ Египта, примѣняться къ психологiи четырехъ типовъ дѣтей. Одинъ — умный, другой — нахаль, третiй — простакъ, а четвертый — «такой, что даже спросить не умѣетъ». И надо отвѣтить каждому по порядку, каждому по его вкусу и по мѣрѣ его пониманiя.

Умный мальчикъ пытливо морщитъ выпуклый лобъ, всматривается большими глазами и хочетъ понять, въ чемъ было дѣло. Почему его предковъ сначала любили въ Египтѣ, приняли съ раскрытыми объятiями, а потомъ начали притѣснять и мучить; и такъ странно — притѣснять притѣсняли, мучить мучили, мальчиковъ въ воду бросали, а выпустить ни за что не хотѣли. Какъ это понять, папа? — спрашиваетъ умный.

«Видишь - ли, сынъ мой, философія исхода изъ Египта заключается въ двухъ фразахъ, которыя записаны въ Вѣчной книгѣ. Эти двѣ фразы — какъ альфа и омега въ азбукѣ, начало и конецъ благополучiя твоихъ прадѣдовъ въ Египтѣ: и еще можно сравнить ихъ съ двумя полюсами, между которыми проходитъ ось, а вокругъ этой оси вращается весь еврейскiй

вопросъ въ Египтѣ. И не въ одномъ Египтѣ. Когда вы-ростешь и будешь читать много книгъ, ясно тебѣ станетъ, что во всѣхъ скитаніяхъ твоего народа, въ каждомъ этапѣ есть и эта альфа, и эта омега; что каждый этапъ съ того же начинается и тѣмъ же кончается, чѣмъ начался и кончился въ Египтѣ; и что полюсы, между которыми судьба швыряетъ твое племя, съ той незапамятной поры не измѣнились и не передвинулись.

«Что же это за двѣ фразы? Одну ты найдешь въ книгѣ Бытія, гдѣ разсказывается, какъ Іосифъ представилъ фараону своихъ братьевъ и что имъ передъ этимъ совѣтовалъ. Умный и хитрый человѣкъ былъ Іосифъ, истинный сынъ отца своего Іакова, того самага, который такъ ловко обошелъ и собственнаго родителя, и брата, и тестя, что антисемиты — объ этомъ ты въ свое время узнаешь — называютъ его «первымъ жидомъ на землѣ». Ты, кстати, этого не стыдись, потому что умѣлъ Іаковъ и хитрить, умѣлъ и бороться — съ самимъ Богомъ боролся лицомъ къ лицу всю ночь до зари, и остался непобѣжденнымъ; умѣлъ и любить, и четырнадцать лѣтъ служилъ батракомъ за любимую женщину. Былъ это удалой человѣкъ, на всѣ руки мастеръ, и купецъ, и боецъ, и рыцарь, и судья, хищный и благородный, острый и отважный, расчетливый и сердечный — на-стоящій человѣкъ, широкій, съ великими доблестями и недостатками, съ душой, какъ семицвѣтная радуга, или какъ арфа, на которой всѣ струны. Жизнь его была и осталась самой увлекательной поэмой, какая только разсказана была на землѣ, и ты читай ее почаще и учись изъ нея уму-разуму. Учись и любить, учись и бороться, учись и хитрить, ибо земля есть

волчье царство, гдѣ нужно владѣть всѣми орудіями защиты и натиска.

«Сынъ его Іосифъ былъ тоже уменъ и хитеръ. Зналъ онъ хорошо всѣ дѣла египетскія, зналъ, чего египтянамъ недостаетъ, а особенно хорошо зналъ душу фараона и его людей. И вотъ далъ онъ своимъ братьямъ, которые просились въ Египетъ, такой совѣтъ: скажите, что вы скотоводы. И прибавилъ фразу, которую ты, сынъ мой, затверди на память, ибо въ ней скрыта главная мудрость нашего народнаго скитанія: *«Ибо мерзость для египтянъ всякій пастухъ»*.

«Вторую фразу ты найдешь въ книгѣ Исхода. Прошло уже много лѣтъ, одни говорятъ — 400, другіе меньше, но, во всякомъ случаѣ, давно умеръ и Іосифъ, и братья его, и все то поколѣніе, и тотъ фараонъ, кторый зналъ Іосифа. Воцарился новый царь и напелъ, что потомки Іосифа черезчуръ сильно расплодились. Тогда и произнесъ онъ вторую фразу, которую надо тебѣ затвердить на память, ибо съ тѣхъ поръ и понынѣ замыкается этой фразой каждый привалъ, каждая передышка твоего народа на пути его скитаній, и какъ только прозвучитъ эта фраза, прихсдитесь ему опять укладывать пожитки въ дорожную торбу. *«Давайте ухитримся противъ него, чтобы онъ не умножился»*, сказалъ новый фараонъ.

«Изъ этихъ двухъ фразъ, сынъ мой, складывается, въ сущности, вся философія нашихъ кочеваній. Ты спросишь: какъ такъ? Зачѣмъ велѣлъ Іосифъ своимъ братьямъ назваться скотоводами, если скотоводы — мерзость въ глазахъ египтянъ? А въ томъ-то и дѣло. Заниматься пастушескимъ дѣломъ египтяне считали непристойнымъ, но скота-то у нихъ было много, и творогъ они ѣли съ удовольствіемъ. Потому и нужны

были имъ скотоводы. Самъ фараонъ, когда услышалъ то, что сказали ему сыновья стараго Іакова по мудрому совѣту Іосифа, очень обрадовался и тотчасъ распорядился назначить ихъ смотрителями царскихъ табуновъ и стадъ. И вообще, должно быть, не малая радость была въ Египтѣ, что, вотъ, нашлись добрые люди, которые за насъ сдѣлаютъ то, чего мы сами дѣлать не любимъ...

«Что же произошло за тѣ годы, что отдѣляютъ эпоху первой фразы отъ эпохи второй? Почему вдругъ стали такъ обременительны потомки ханаанскихъ скотоводовъ? Неужели рѣшено было во всемъ Египтѣ не держать болѣе скота? Напротивъ. Скота было много, и египтяне очень имъ дорожили: одной изъ самыхъ чувствительныхъ казней оказался для нихъ, по преданію, падежъ скота. Въ чемъ же дѣло? Ты не понимаешь? Сынъ мой, если бы ты зналъ исторію нашихъ новыхъ скитаній, ты бы легко догадался, въ чемъ причина охлажденія. — Очевидно, египтяне сами за это время привыкли къ скотоводству. Сначала стѣснялись и гнушались, а потомъ научились у евреевъ же, начали дѣлать на первыхъ порахъ робкія, единичныя попытки, а потомъ пріободрились, вошли во вкусъ занятія — и въ одинъ прекрасный день вдругъ нашли, что теперь евреевъ слишкомъ много, и можно бы уже и безъ нихъ смѣло обойтись. Конечно, не сразу: массоваго ухода фараонъ не хотѣлъ допустить, ибо тогда всетаки еще могла бы остаться безъ присмотра извѣстная часть отечественной скотины. Но помаленьку, полегоньку, черезъ постепенное вымирание — это дѣло другое, перспектива пріятная и не грозящая никакими неудобствами, ибо тѣмъ временемъ коренное населеніе окончательно приберетъ къ своимъ

рукамъ всю захваченную чужаками отрасль отечественнаго хозяйства. И вотъ, «давайте ухитримся»...

«Такъ, сынъ мой, съ тѣхъ поръ и пошло. Будешь ты потомъ изучать исторію нашихъ скитаній по бѣлому свѣту и увидишь, что вроду было то же самое. Начиналось съ того, что «мерзость для египтянъ всякій пастухъ», и потому опальные профессіи охотно предоставляли намъ.

«У египтянъ былъ своеобразный вкусъ, и имъ не нравилось именно скотоводство. А, напримѣръ, у европейскихъ народовъ былъ вкусъ другой, и имъ долго не нравилась торговля. Быдло пахало землю, а знатные господа пили вино и разбойничали по большимъ дорогамъ, грабя проѣзжихъ купцовъ. Грабить купца считалось вполнѣ приличнымъ, но быть купцомъ считалось очень неприличнымъ. Это была «мерзость для египтянъ». И эту «мерзость» отмежевали намъ, да еще какъ охотно. Давали привилегіи, защищали отъ дворянъ и черни; отъ времени до времени грабили насъ и жгли, но потомъ опять задабривали привилегіями. Одинъ ученый нѣмецъ Зомбартъ, хорошо изучившій все это дѣло, утверждаетъ, что вмѣстѣ съ евреями шелъ по Европѣ изъ страны въ страну всякій хозяйственный прогрессъ, что они, собственно, дали міру ту международную торговлю, безъ которой величайшія столицы земли по сей день остались бы грязными захолустьями, они развили кредитъ и банковое дѣло, они снарядили Колумба на открытіе Америки. И пока они все это дѣлали и, зарабатывая для себя тысячи, клали десятки милліоновъ въ ненасытную утробу фараоновыхъ кармановъ, — европейцы приглядывались, учились, стали пробовать и свои силы, привыкли, приободрились, вошли во вкусъ «мерзо-

сти» — и, конечно. вдругъ увидѣли, что евреевъ развелось что-то слишкомъ много. «Давайте ухитримся... Когда мальчикъ научился грамотѣ, гувернера выбрасываютъ на улицу. Такъ это и повторялось съ твоими предками въ каждой странѣ. Примуть, окажутъ покровительство, возьмутъ, что надо, а потомъ начнутъ «ухищряться, чтобы онъ не умножился...»

«Ты не думай, сынъ мой, что слово «мерзость» надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Часто египтяне чуждаются пастушества не потому, что оно мерзко въ ихъ глазахъ, а потому, что руки у нихъ коротки, или страшно обжечься. Тогда они очень бываютъ рады, если найдется пришелецъ, у котораго руки подлиннѣе и пальцы не боятся ожога, — и станетъ таскать для нихъ каштаны изъ огня. Такъ бывало, на примѣръ, при нѣкоторыхъ революціяхъ. Въ 1848 году въ Вѣнѣ первую революціонную рѣчь произнесъ еврей Фишгофъ; а въ Берлинѣ тогдашній король издавалъ прокламаціи, гдѣ увѣрялъ, что все это евреи бунтуютъ, и когда хоронили убитыхъ, то, дѣйствительно, много работы по отпѣванію выпало на долю тамошняго раввина. Зато и ласковы были съ нами тогда египтяне. А потомъ — вымерло то поколѣніе египтянъ, и дѣти его снова нашли, что слишкомъ много осталось потомства отъ Іосифа, такъ недавно обжигавшаго для нихъ пальцы горячими каштанами...

«Такъ было, такъ есть. такъ будетъ.»

Второй мальчикъ — «нахаль» — сидитъ, развалиясь, заложивъ ногу на ногу, иронически скалитъ зубы и спрашиваетъ: — что это у васъ за курьезные какіе-то обычаи и воспоминанія? Пора бы давно забыть старья глупости!

Разскажете ему, въ отвѣтъ на насмѣшку, что были уже такіе, какъ онъ, были и въ старомъ Египтѣ. Скалили зубы на всѣ надежды своего племени и предпочитали лнуть къ сторонѣ фараона. Объ одномъ изъ нихъ уцѣлѣла память и въ Библии. Юноша Моисей заступился за еврея, котораго билъ египтянинъ, и убилъ того египтянина, а другой еврей это видѣлъ и вознегодовалъ на Моисея. Можно ли поднять руку на хозяина? И на завтра онъ, или другой изъ его породы, началъ показывать зубы Моисею. «Кто тебя поставилъ начальникомъ и судьей надъ нами?». А потомъ еще кто-то изъ этой породы донесъ фараону, что явился такой опасный фантазеръ и занимается перевоспитаніемъ еврейской воли. Въ тѣ времена міръ былъ устроенъ просто, общественнаго мнѣнія не существовало, и потому доносчикъ обратился прямо во дворецъ; будь это въ наше время, онъ, вѣроятно, какъ человѣкъ приличный, избралъ бы другіе пути, постарался бы очернить Моисея не передъ личнымъ, а передъ коллективнымъ фараономъ — передъ просвѣщеннымъ обществомъ Египта. Про убійство насильника онъ, какъ человѣкъ приличный, умолчалъ бы, но обрушился бы на ту психологію, которая побудила Моисея обратить вниманіе, изъ всего множества насилій, несомнѣнно чинимыхъ ежедневно въ Египтѣ, только на эту расправу египтянина съ евреемъ. Мало ли вообще было рабовъ въ Египтѣ? Зачѣмъ такой человѣкъ, какъ Моисей, тратитъ свои силы на эмансипацію какой-то горсти пастуховъ, а не на преобразование и обновленіе всего Египта? И куда это онъ ихъ зоветъ? Господи! Да развѣ не грѣхъ оторваться отъ этой богатой страны, гдѣ есть въ изобиліи всякая всячина, и хлѣбъ, и горшки съ мясомъ, и лукъ, и

чеснокъ, и много папирусовъ, исписанныхъ мудрыми іероглифами, тогда какъ родичи Моисея — бѣдняки безъ собственности и культуры? «Что это у васъ за выдумки?» — иронически спрашивалъ тотъ человекъ у Моисея и Аарона, развалясь, заложивъ ногу на ногу и оскаливъ зубы.

«Притупи ему зубы» — совѣтуетъ относительно этого сына ритуальъ пасхальной вечери. Но я сомнѣваюсь, чтобы можно было притупить ему зубы. Онъ слишкомъ хорошо вооруженъ, ибо вѣдь нѣтъ ничего болѣе непобѣдимаго, чѣмъ равнодушіе. Ничѣмъ вы его не прошибете; разъ онъ уже научился говорить о своемъ народѣ: «у васъ» — пиши пропало. Онъ васъ высмѣетъ, а матеріалу для насмѣшки у него сколько угодно. Надъ побѣжденными нетрудно издѣваться, особенно когда издѣвающійся — свой человекъ и знаетъ всѣ раны и прорѣхи. Шишекъ на лбу у насъ много, спина порядкомъ сгорбилась, отъ вѣкового перепугу руки трясутся; скорбь нашъ убогъ и сдѣланъ по старой модѣ... есть надъ чѣмъ посмѣяться при желаніи, унижительно сравнивая нашу скудость съ богатствомъ Египта. Правда, сынокъ этотъ и самъ-то Египту приходится седьмой водой на киселѣ; но вѣдь извѣстно, что съ наибольшимъ презрѣніемъ къ бѣдному родичу барина относится не самъ баринъ, а его лакей. Оскалить на васъ зубы, и ничѣмъ вы ихъ не притупите.

Да и не надо вамъ притуплять зубы этого сына. Пусть идетъ своей дорогой съ крѣпкими зубами. Бѣдняга, они ему еще понадобятся тамъ, въ станѣ ликующихъ, куда его тянетъ. Твердые орѣхи придется ему тамъ разгрызать: изъ нихъ самый твердый — орѣхъ презрѣнія. И много, много разъ придется ему молча

плстать пинки въ отвѣтъ на любовныя признанія и шлевки въ отвѣтъ на лесть, — и смиряться, и стискивать зубы. И въ концѣ жизненнаго пути, когда онъ увидить, что весь этотъ путь былъ притворствомъ и ложью передъ людьми и собственной душою, и если сама душа и повѣрила этой лжи, то люди ни на минуту не повѣрили, — тогда бросится, быть можетъ, въ отчаяніи бѣглый сынъ вашъ лицомъ внизъ, и будетъ ломать руки, рвать на себѣ волосы и грызть землю — тѣми самыми зубами, что теперь оскалены насмѣшкой надъ вашими святынями. Пусть сохранить свои зубы, они ему еще понадобятся и для фальшивыхъ улыбокъ, и для скрежета безсильной злобы...

А третій мальчикъ — простакъ. Глаза у него честные, ясные, прямые. Онъ не изъ тѣхъ, которые допытываются, доведываются, копаются въ противорѣчіяхъ. Міръ для него простъ и непререкаемъ; онъ любитъ вѣрить и благоговѣть ясной вѣрой примитивнаго человѣка. Въ такомъ родѣ былъ простакомъ и Самсонъ: любилъ драться, любилъ и шутить, и острить, и загадки загадывать, и проказничать, и вкуснс поѣсть, и сладко выпить, а доврчивъ былъ до того, что послѣ трехъ обмановъ опять уснулъ на груди у Далилы. У сегодняшняго сына-простака нѣтъ, конечно, той полнокровной жизнерадостности, что была у Самсона — времена не тѣ, — но основа типа та же самая — безхитростная, прямодушная доврчивость.

— Папа! — спрашиваетъ онъ, и кладетъ локти на стелъ, прижимается грудью, вытягиваетъ шею и весь тянется къ вамъ, словно къ источнику въ день жажды, и уже заранѣе вѣрить во все, что скажутъ ему, ибо хочетъ вѣрить: — папа! Когда станетъ лучше?

И вы расскажите ему просто и тихо про все, что дѣлается теперь въ великой, необъятной діаспорѣ. Расскажите ему, какъ въ тысячѣ мѣстъ тысячами рукъ строится вновь разсыпанная храмина безсмертнаго племени. Расскажите ему, какъ постепенно снова на нашихъ глазахъ срастается распыленная донинѣ народная воля, какъ снова изъ обломковъ складывается настоящій народъ, настоящій народъ, настойчивый, эгоистичный, исключительный, какъ все здоровыя націи. Расскажите ему, какъ рушатся одна за другою послѣднія кафедры, съ которыхъ еще недавно раздавалась проповѣдь національнаго самоубійства. Расскажите про еврейскую молодежь университетовъ Берлина, Вѣны, про этихъ сыновей онѣмеченныхъ коммерціенратовъ, про то, какъ они гордо носятъ на груди еврейскіе цвѣта:

Бѣлый — какъ снѣгъ въ этомъ краѣ печали;

Синій — какъ вы, о влекуція дали;

Желтый — какъ нашъ позоръ.

Расскажите, какъ повсюду съ каждымъ днемъ растетъ гордость, уваженіе къ собственной самобытности и горькая ненависть къ ренегатству; какъ научились и парижскій драматургъ, избалованный успѣхами, и нищій шинкаръ въ галиційскомъ мѣстечкѣ, дрожащій передъ паномъ, кричатъ въ лицо всему свѣту: я еврей! Расскажите про то, какіе дивныя поэты пишутъ теперь на нашемъ языкѣ, и какъ прекрасенъ и могучъ этотъ языкъ, и что за великое счастье для народа — обладать такимъ языкомъ. И еще расскажите ему, какъ бойко и весело щебечутъ на этомъ языкѣ дѣти палестинскаго колониста, и

какъ шагъ за шагомъ, по малому камушку, съ великимъ трудомъ, сквозь строй тысячи препятствій, начиная съ жгучаго солнца и кончая пулей бедуина, вздвигается тамъ и растетъ нѣчто новое, точка опоры для самыхъ грандіозныхъ замысловъ и пророчествъ. Расскажите простой и вѣрующей душѣ все это и многое другое. Онъ возьметъ ваши слова полными пригоршнями и бережно сложитъ ихъ въ открытомъ сердцѣ, и съ той минуты однимъ борцомъ больше станетъ въ нашемъ полку.

Четвертый мальчикъ не умѣетъ спрашивать. Сидитъ на вечерѣ чинно, дѣлаетъ, что полагается, и не приходитъ ему въ голову разспрашивать, какъ и что, отчего и почему. Ритуаль велитъ не ждать его вопроса и рассказать ему все по собственному почину. Я въ этомъ несогласенъ съ ритуаломъ. Цѣнная вещь — любознательность; но есть иногда высшая мудрость, высшее чутье и въ томъ, что человѣкъ беретъ нѣчто изъ прошлаго, какъ должное, и не любопытствуетъ ни о причинахъ, ни о слѣдствіяхъ. Такую мудрость надо беречь и не спугивать ее лишними словами.

Такую мудростью мудръ бываетъ сѣрый, массовый человѣкъ. Это — тотъ невзрачный горемыка, что тачаетъ сапоги, шьетъ платья, разноситъ яйца, скупаетъ старья вещи, переписываетъ свитки завѣта, торгуетъ въ мелкихъ лавченкахъ, бѣгаетъ на посылкахъ, тянетъ всѣ тѣ полунадорванныя лямки, отъ которыхъ его еще не прогнали, кряхтитъ, а по пятницамъ вечеромъ наполняетъ дома молитвы. Это онъ, знаменитый Бонця-Молчальникъ изъ сказки Леона Переца, несетъ на своемъ горбу все бремя діаспоры, поставляя изъ своей среды человѣческое мясо и для

эмиграціи, и для погромовъ; онъ агонизируетъ и не умираетъ, гибнетъ и не погибаетъ, и творитъ исконный обрядъ, какъ творили дѣды, почти машинально, почти равнодушно, съ той подъ-сознательной вѣрой, которая, быть можетъ, въ глазахъ Божіихъ прочнѣе всякаго экстаза. Онъ, этотъ сѣрый массовый молчальникъ, «не умѣющій спросить», онъ есть ядро вѣчнаго народа и главный носитель его безсмертія.

Ритуальъ велитъ рассказать этому сыну про все то, о чемъ онъ не спрашиваетъ. А по моему, пусть и отецъ промолчитъ и молча поцѣлуетъ въ лобъ этого сына — самаго вѣрнаго изъ хранителей той святыни, о которой молчатъ его уста.

1911.

EDMÉE

Разсказъ пожилого доктора.

(1912)

— Востокъ? Онъ совершенно чуждъ моей душѣ. Вотъ вамъ живое опроверженіе вашихъ теорій о расѣ, о голося кровѣ. Я рожденъ западникомъ, несмотря на предательскую форму носа. Однажды, впрочемъ, и я рискнулъ заглянуть на Востокъ. Можетъ быть, тутъ и сыграло нѣкоторую мимолетную роль обиженное расовое чувство. Вы знаете, у насъ въ Германіи еще сильны нѣкоторые предрасудки. Безъ ложной скромности могу сказать, что я давно заслужилъ каѳедру, полагаю, что и ваши русскіе спеціалисты слышали о моихъ трудахъ по анатоміи. Я связанъ тѣсной дружбой съ профессорами университета въ нашемъ городѣ и знаю, что они съ живѣйшимъ удовольствіемъ привѣтствовали бы меня въ своей средѣ. Но прусское министерство имѣетъ свои пути и средства вліянія, противъ которыхъ безсильна академическая автономія. Доцентуру я могъ бы получить, но согласитесь — въ мои годы, съ моимъ именемъ, это прямо неловко. Друзья въ Берлинѣ пробовали хлопотать, но имъ дали понять, что это преждевременно. Я былъ очень огорченъ, до того, что работа валилась изъ рукъ. Вы повѣрите, надѣюсь, что при моей практикѣ я не нуждаюсь въ выгодахъ государственной службы; я холостъ, братья и сестры имѣютъ свои средства, а на мой вѣкъ хватить съ меня и денегъ, и почету безъ этой каѳедры. Но все-таки я былъ очень огорченъ. Вы спросите: но вѣдь есть простое средство?.. На это я вамъ скажу: вашихъ предрасудковъ я не раздѣляю, съ религіей и общиной давно порвалъ всѣ связи, но есть вещи,

которыя мнѣ эстетически противны. Оставалось одно: примириться. Такъ я и сдѣлалъ, а чтобы развлечься — поѣхалъ на Востокъ. Повторяю, возможно, что въ выборѣ этого мѣста отдохновенія сыгралъ нѣкоторую роль безсознательный протестъ расоваго чувства. Вы меня обидѣли, такъ вотъ же вамъ, на зло вамъ ѣду въ родную сторону моей расы. Однако же далеко я не поѣхалъ, а удовольствовался Константинополемъ.

Тутъ я и убѣдился, что душа моя — душа западника. Рискуя показаться вамъ человѣкомъ безъ чувства прекраснаго, рискуя даже худшимъ — что вы меня заподозрите въ желаніи оригинальничать,—я вамъ долженъ признаться, что Константинополь мнѣ совершенно не понравился. Начиная съ прославленнаго Босфора. Я не выношу этой яркости, этого солнца, которое не знаетъ нюансовъ и полутѣней, которое мажетъ грубыми крикливыми красками, словно деревенскій маляръ. Увѣряю васъ, что нашъ Гарцъ или Шварцвальдъ изобилуютъ видами, которые гораздо красивѣе Босфора и Золотого Рога. Наше солнце утонченнѣе, деликатнѣе, plus distingué, рассчитано на болѣе благородный вкусъ. О самомъ городѣ нечего и говорить. Я ничего не имѣю противъ извилистыхъ и гористыхъ переулковъ, они представляютъ главную прелесть многихъ очаровательныхъ старинныхъ городовъ нашего германскаго юга; но при этомъ нужна же хоть какая ни на есть архитектура, стиль, тонъ. Переулки Стамбула по-моему просто безобразны. Со мною ходилъ по городу одинъ художникъ и очень восхищался, но я въ глубинѣ души думаю, что это было изъ снобизма. А толпа! Шумная, пестрая толпа есть и въ Италіи, но тамъ она всегда благородна, сохраняетъ и въ разнообразіи красокъ, и въ гамѣ извѣстное прирожденное чувство мѣры, никогда не превращается въ то, что видишь на Востокѣ — въ какую-то хроническую свалку воющихъ людей, одѣтыхъ въ дико-окрашенныя тряпки. Нѣтъ, я и въ эстетикѣ западникъ, европеецъ. Эта закваска во мнѣ такъ сильна, что даже романическое приключеніе, которое я тамъ пережилъ, посвящено было дочери Запада и проникнуто западной мечтательно-

стью — von einem Hauch westlicher Schwärmerei. Ибо вы должны знать, что я тамъ пережилъ и романическое приключеніе, несмотря на свои пятьдесятъ два года, социальное положеніе и малую привычку къ дамскому обществу. Правда, это былъ чрезвычайно невинный романъ; переживая это приключеніе, я даже не подозрѣвалъ его романическаго отънка, и понялъ это лишь послѣ развязки.

Я поселился на Принцевыхъ островахъ. Въ сущности, жить по-человѣчески въ Константинополь можно только въ роскошныхъ отеляхъ Терапіи и Буюкъ - Дере, потому что тамъ много европейцевъ, мало туземцевъ и почти совсѣмъ не пахнетъ Константиноплемъ. Но одна бѣда: всѣ эти мѣста лежатъ на Босфорѣ и главной ихъ прелестью считается видъ на Босфоръ, а я вамъ сказалъ, что этотъ отвратительный проливъ, со своимъ моремъ, размалеваннымъ въ синее, и берегами, размалеванными въ зеленое, былъ мнѣ нестерпимъ. Я поселился на Принкипо. Не спорю, хорошенькій островокъ. Но... его слѣдовало бы отнять у турокъ. Рагдоп, вы, кажется, туркофилъ; но такъ какъ я - то не собираюсь выпросить у нихъ Палестину, то могу искренно сказать свое мнѣніе. Если бы отобрать Принкипо у турокъ, да зазести тамъ европейскій порядокъ, это былъ бы очаровательный островъ. Я поселился въ «Hôtel Giacomo» и тамъ встрѣтилъ ее. Ее звали Edmée, а было ей отъ роду двѣнадцать лѣтъ.

Завтракъ и обѣдъ намъ подавали на террасѣ, надъ самымъ моремъ, за отдѣльными столиками. Неподалеку отъ меня обѣдала семья французскаго консула; мѣсто службы его было не въ Константинополь, но онъ сюда пріѣхалъ отдыхать. Онъ и жена были парижане, младшія дѣти родились уже здѣсь, но Эдмэ увидѣла свѣтъ еще въ Парижѣ и росла тамъ до четырехъ лѣтъ. Это мало, но не шутите съ отпечаткомъ Европы! Онъ сказывается. Ему достаточно маленькой щели и крошечнаго мгновенія, чтобы пустить свои корни, оставить свой налетъ. Какъ это происходитъ, я не знаю; въ этомъ есть что - то мистическое. Эдмэ не помнила, конечно, Парижа, воспитывалась она гдѣ - то въ Дедеагачѣ съ до-

черьми левантинцевъ, но на всемъ ея существѣ лежала печать Запада, и она казалась воплощеніемъ утонченной западной культуры *in partibus infidelium*.

Я еще не былъ знакомъ съ ея семьею, только раскланивался, но ее тотчасъ же замѣтилъ. Она выдѣлялась. Въ нашемъ отелѣ было много левантинцевъ. Надо знать, что это за публика, что это за раса! Много трубятъ о нивеллирующемъ вліяніи Сѣверной Америки, о ея великомъ котлѣ, гдѣ перемѣшиваются и перевариваются всѣ племена, сплавляясь въ единый американскій народъ. И при этомъ никто еще, кажется, не замѣтилъ, что нѣчто подобное наблюдается въ европейскихъ кварталахъ Константинополя, Каира, Александріи. Туда тоже всѣ націи сбываютъ свои осколки, тамъ они перемѣшиваются, и создается новый народъ—левантинцы. Въ Константинополѣ это племя называютъ спеціальнымъ прозвищемъ — *perotte*, отъ квартала Перы, гдѣ живутъ эти «европейцы». Хотите знать обычную, типическую родословную средней перотской семьи? Отець — итальянецъ, рожденный отъ хорвата и шведки; мать — гречанка, рожденная отъ польскаго эмигранта и румынской цыганки; по паспорту они англичане. а въ семьѣ говорятъ по - французски. Представьте себѣ этотъ букетъ! Вообразите культурную атмосферу, въ которой воспитываются дѣти такой семьи, эту бакалейную смѣсь традицій, предразсудковъ, обычаевъ, возникшихъ подъ разными широтами, дисгармоничныхъ, несоизмѣримыхъ, несомѣстимыхъ! Они не могутъ привить своимъ дѣтямъ ничего похожего на чувство общности, потому что эти люди живутъ абсолютно внѣ всякаго гражданскаго обихода. У нихъ не только нѣтъ гражданскихъ мотивовъ въ душѣ, но нѣтъ и почвы, на которой могли бы вырости цивическія чувства. Возведите понятіе *sans - patrie* въ кубъ, и вы получите отдаленный намекъ на эту психологию съ совершенно атрофированнымъ нервомъ патріотизма. Отсюда глубочайшій эгоизмъ, самодовольная тупость, полное отсутствіе стимуловъ къ общественной жизни, невѣжество и, наконецъ, простая неблаговоспитанность, всегда свойственная средѣ, потерявшей прочныя традиціи. Таковы они,

204

таковы ихъ дѣти. Эдмэ была въ этой обстановкѣ, если позволите вспомнить Шекспира, словно бѣлая голубка среди черныхъ воронъ.

Эдмэ была блондинка: личико было у нея миловидное, не больше. Фигура тоненькая, еще совсѣмъ дѣтская, очень граціозная. Одѣвали ее просто, но мило, видна была рука умной матери, хорошей вкусъ и хорошей журналъ дѣтскихъ модъ. Ея левантинскія сверстницы, игравшія вмѣстѣ съ нею на той же террасѣ и въ саду не помню въ какія игры, были почти всѣ гораздо красивѣе; притомъ это были уже маленькія женщины, и одѣвали ихъ нарочно такъ, чтобы подчеркнуть зарождающіяся женственныя линіи. Сами дѣвченки, казалось, объ этомъ знали и поглядывали на мужскую молодежь отеля дразнящими взглядами. Въ этомъ антуражѣ Эдмэ казалась воздушной, существомъ высшаго разряда. Она рѣзвилась гораздо искреннѣе своихъ подругъ, съ гораздо большимъ увлеченіемъ, потому что не думала въ эту минуту о томъ, какъ бы казаться поизящнѣе; но выходило само собою, что она и въ весельи изящнѣе всѣхъ, сдержаннѣе всѣхъ — болѣе шаловлива, но не такъ криклива и не такъ рѣзка въ движеніяхъ. Чувствовалось хорошее воспитаніе, всосавшееся въ самую кровь. Глядя на нее, я повѣрилъ въ то, во что никогда не вѣрилъ: что дѣйствительно бываютъ вполнѣ нормальныя, здоровыя, даже умныя дѣвушки, которыя созрѣваютъ въ спокойномъ невѣдѣніи, недоступны даже мимолетному прикосновенію нечистой мысли, недоступны даже простому любопытству. Система воспитанія, сложившаяся въ теченіе столѣтій, проверенная опытомъ многихъ поколѣній, такъ направила ихъ мысль, что она сама собой инстинктивно отскакиваетъ отъ точекъ, которыхъ опасно касаться. Эти дѣвушки созрѣваютъ, не замѣчая своего созрѣванія; бури переходнаго возраста проносятся у нихъ гдѣ-то въ сферѣ подсознательнаго; онѣ растутъ въ здоровой безмятежности, нѣчто предчувствуя, ничего не сознавая, ни о чемъ не любопытствуя. Такою будетъ Эдмэ.

Но и тогда она была уже не ребѣнкомъ. Я это замѣтилъ, сравнивая съ ея младшей сестрою, которой было лѣтъ десять.

Та иначе обходилась съ мальчиками во время игры, болѣе запросто, болѣе беззаботно, и сама еще была неуловима похожа на мальчика. Эдмэ уже нѣсколько сторонилась. Молодымъ людямъ отеля она еще кланялась первая и не обижалась, когда они говорили ей ты, но я видѣлъ, что при встрѣчѣ съ существомъ другого пола въ ней уже что-то инстинктивно настораживалось, подбиралось, подтягивалось. Она этого не сознавала, но я это видѣлъ. Великое притяженіе, первые признаки котораго, по странной и мудрой волѣ природы, выражаются въ отталкиваніи, уже смутно пробуждалось въ тайникахъ души, недоступныхъ ея собственному взгляду. Фигура у нея была еще совершенно дѣтская, но жесты, походка, манера, когда она нагибалась, подымалась на цыпочки, останавливалась на бѣгу — все это уже было отъ дѣвушки.

Когда я узналъ ее ближе и присмотрѣлся къ ней, мнѣ пришло въ голову, что это, быть можетъ, самая красивая пора въ развитіи женскаго существа. Конечно, не у всѣхъ женщинъ. Есть вѣдь и знаменитый типъ дѣвочки-подростка съ красными руками и угловатыми манерами; впрочемъ, повѣрьте мнѣ, чѣмъ дальше на Западъ, чѣмъ выше по культурной лѣстницѣ, тѣмъ рѣже онъ попадается. Но есть натуры, у которыхъ этотъ переломъ совершается безъ рѣзкости, какъ бы внутренно, подъ кожей. У такихъ натуръ возрастъ подростка — самый обаятельный, самый поэтическій, самый благоуханный. Я вообще того мнѣнія, что заря лучше утра и полудня, апрѣль лучше мая. Именно тамъ, гдѣ незамѣтно совершаются загадочные переходы природы отъ одного состоянія къ другому, тамъ всего явственнѣе внятенъ аромать великой тайны, вѣяніе Бога, пролетающаго мимо съ волшебной палочкой въ рукахъ. Тамъ душа твоя смутно угадываетъ мириады дивныхъ возможностей, изъ которыхъ, вѣроятно, ни одна потомъ не осуществится. Три прекрасныя вещи создалъ Богъ: дѣтство, юность и женщину. Вдумайтесь, какъ возвышенно-красивъ долженъ быть моментъ, когда эти три прекрасныя вещи сплетаются воедино — когда въ душѣ и тѣлѣ женщины свершается перерожденіе отъ дѣтства къ

юности! Если бы я не боялся, что вы меня примете, Gott bewahre, за любителя парадоксовъ, я бы сказалъ, что женщина, собственно говоря, съ четырнадцати лѣтъ начинаетъ старѣть. — Впрочемъ, можетъ быть это все объясняется тѣмъ, что я старый, убѣжденный холостякъ, слишкомъ мало женщинъ видавшій на своемъ вѣку. Можетъ быть. Какъ хотите. Но это — мое мнѣніе, и при немъ я остаюсь.

Мы подружились. Передъ закатомъ, когда дѣти переставали играть, Эдмэ приходила ко мнѣ въ садъ, еще съ куклой, серсо или скакалкой въ рукахъ, и мы начинали бесѣдовать. Она говорила и какъ дитя, и какъ женщина. Болтала она обо всѣхъ пустякахъ дѣтской жизни, объ играхъ, о пансіонѣ, мило и чуть-чуть сплетничала о своихъ подругахъ здѣшнихъ и школьныхъ, объ ихъ семьяхъ и гувернанткахъ, передавала свои проказы — чрезвычайно тонкія, граціозныя, хорошаго тона проказы; и вдругъ переходила къ серьезнымъ вопросамъ — о добрѣ, о злѣ, о Богѣ. Однажды она мнѣ рассказала свои мысли объ эгоизмѣ. Ея миссъ увѣряетъ, что человѣкъ долженъ быть такой добрый, чтобы ему легче было самому умереть съ голоду. чѣмъ не дать голодному хлѣба. Но если такъ, то гдѣ же заслуга? Если творишь благо потому, что это тебѣ доставляетъ удовольствіе, то развѣ это не тотъ же эгоизмъ? Она сама, Эдмэ, подарила однажды дѣвочкѣ въ пансіонѣ свою брошку съ сердоликомъ, потому что дѣвочка ужасно завидовала ей и плакала; но Эдмэ совсѣмъ не хотѣлось такъ поступить, она заставила себя, и потомъ сама всю ночь горько плакала. Если послушать миссъ, то это еще не значитъ быть хорошей, а надо стать такою, чтобы твои руки такъ и рвались сами все отдать. Какъ вы думаете, кто правъ? — Въ другой разъ оказалось, что она сторонница смертной казни. Казнить надо убійць и политическихъ преступниковъ, а, кромѣ того, такихъ мужчинъ, которые покидаютъ жену и дѣтей ради новой любви. Она не понимаетъ, какъ можно примириться съ измѣной. Когда ей въ пансіонѣ измѣнила подруга. Эдмэ съ ней перестала говорить и никогда въ жизни уже не помирится. Со своего младшаго брата Андрэ она взяла клятву, что если когда-нибудь

мужъ ей измѣнить, она вызоветъ Андрэ телеграммой изъ Сингапура, гдѣ онъ тогда будетъ консуломъ, и онъ убьетъ того человѣка.

Но о чемъ бы она ни говорила, о Лукени, который убилъ императрицу Елизавету, или о своей подругѣ Клео, которая ужасно прожорлива, она себя держала, какъ взрослая. Содержаніе бесѣды могло быть ребяческимъ, форма и манера говорили о томъ, что предо мною женщина. Въ чемъ это проявлялось, я не могу точно опредѣлить. *Un je ne sais quoi*. Разъ ко мнѣ пріѣхали два господина и провели на островѣ день; я ихъ познакомилъ съ Эдмэ, и они вынесли то же впечатлѣніе. Она не дичилась, а просто сначала присматривалась и только отвѣчала на вопросы, а потомъ разговорилась, и получилось впечатлѣніе, что это маленькая умная хозяйка занимаетъ свой салонъ. Она то шутила, то становилась серьезна; загадывала намъ загадки, спрашивала о Россіи (мои гости были ваши соотечественники), рассказывала о городѣ, гдѣ папа былъ консуломъ. Старшій изъ моихъ гостей былъ сѣдой старикъ; когда смерклось, она спросила, не сыро ли, не принесть ли ему плэдъ. Но другой былъ молодой человѣкъ лѣтъ 37, съ красивой бородой, и я замѣтилъ, что она нѣсколько разъ внимательно скользнула по его лицу глазами, а вообще держала себя съ нимъ какъ - то осторожно, чѣмъ съ нами, избѣгала прямо къ нему обращаться, и на его вопросы отвѣчала короче, и голосъ ея тогда звучалъ какъ - то замкнуто.

Черезъ недѣлю послѣ этого Эдмэ пришла въ садъ безъ куклы и серсо и сказала мнѣ, что завтра они уѣзжаютъ. Мнѣ стало невыразимо грустно, до того грустно, что я мысленно разбранилъ себя. Что такое? Какъ не стыдно? Съ одной стороны, мнѣ все-таки пятьдесятъ два года, и не могъ же я влюбиться въ эту дѣвочку; съ другой стороны, я все же еще не такъ одряхлѣлъ, какъ во время оно царь нашъ Давидъ, въ которомъ только теплота чужой юности могла поддерживать біеніе жизни. Такъ я себя уговаривалъ, но сердце мое болѣло, и Эдмэ прочла это по моему лицу. Она вдругъ стихла и пристально, не отводя взора и не мигая, смотрѣла

мнѣ въ глаза; ея синіе глаза совсѣмъ потемнѣли. Одно мгновеніе мнѣ казалось, что изъ подъ ея рѣсницъ побѣгутъ слезы; еще одно мгновеніе мнѣ казалось, что она станетъ колѣнями на скамью и кинется мнѣ на шею. Но она не заплакала и не кинулась, а только тихо, почти неосознано положила руку на мой рукавъ и сказала особеннымъ, тихимъ, груднымъ, сосредоточеннымъ голосомъ, какого я еще не слышалъ и не подозрѣвалъ, голосомъ женщины, которая все и давно поняла:

— Я тоже буду тосковать о васъ, мой единственный другъ на Принкипо.

Признаюсь, у меня было движеніе поцѣловать ея руку, но я во время опомнился. Я увѣренъ, что она бы не удивилась. но я самъ почувствовалъ, что нельзя. Я даже не погладилъ ея волосъ. Я проглотилъ что-то такое, что стояло поперекъ горла, и сказалъ, лишь бы что-нибудь сказать, криво улыбаясь:

— Развѣ я вашъ единственный другъ на Принкипо. Эдмэ? А подруги ваши по играмъ? А Клео?

И тогда она мнѣ отвѣтила буквально слѣдующее... Эти слова, что называется, еще звучать въ моихъ ушахъ. Я, однако, начинаю колебаться, передать ли вамъ ихъ: мнѣ теперь только пришло въ голову, что вы изъ нихъ сдѣлаете свои излюбленные выводы. Впрочемъ, такъ и быть, знаете романъ, знайте и развязку. Она отвѣтила буквально слѣдующее:

— Ахъ, Клео... Знаете, вѣдь она еврейка. этимъ все сказано. Я вообще зато не люблю Принкипо, что тутъ всегда масса евреевъ. Они такіе вульгарные, я не выношу. А вы?

ДІАЛОГЪ

(1912.)

По поводу бойкота евреевъ въ Польшѣ я слышалъ такой діалогъ:

— Въ общемъ, знаете, евреи — довольно бездарное племя.

— Это парадоксъ. Даровитость евреевъ вошла чуть ли не въ поговорку.

— Не всякой поговоркѣ вѣрь. Вотъ, напримѣръ, даже въ еврейскихъ газетахъ пишутъ, будто еврейскіе писатели во всѣхъ странахъ стоятъ на второмъ и третьемъ планѣ. За исключеніемъ Гейне, еврейская нація, молъ, занимается поставкой второстепенностей, посредственностей, компримаріевъ для европейскихъ литературъ. Такъ они пишутъ. Я не берусь судить, правда ли это — литература не моя специальность. Я человѣкъ коммерческій. И могу твердо сказать одно: въ торговлѣ — евреи далеко не на высотъ своей репутации. На фонѣ варшавскаго бойкота это теперь ясно видно. Казалось, евреи въ варшавской торговлѣ огромная, непобѣдимая сила. А между тѣмъ — смотрите, они уже не на шутку боятся бойкота, чувствуютъ, что *à la longue* онъ можетъ ихъ опрокинуть. И теперь обнаруживается, что, собственно, большинство еврейскихъ торговыхъ дѣлъ въ этой самой Варшавѣ лишено настоящей коммерческой солидности и что еврейское купечество дезорганизовано. До сихъ поръ оно ничего не сдѣлало для самопомощи, для самозащиты — и въ его собственной средѣ раздаются голоса, что и впредь ничего не сумѣютъ сдѣлать. Не потому, чтобы было невозможно: напротивъ, если разумно поставить дѣло экономической самозащиты, можно было бы спокойно смѣяться надъ бойкотомъ въ Варшавѣ и даже въ провинціи. Но

они не сумѣютъ. Евреи никуда не годятся какъ организаторы. Теперь, когда имъ такъ нуженъ кредитъ, вдругъ оказывается, что даже кредитъ не въ ихъ рукахъ. Казалось, будто въ банкахъ евреевъ много, а поляковъ мало — на повѣрку обнаруживается, что банки тоже ведутъ польскую политику. Почему? Потому что поляки умѣютъ дѣйствовать, а евреи бездарны. Что, напримѣръ, естественнѣе: разъ поляки бойкотируютъ еврейскія лавки, евреи сами должны поддерживать свою торговлю. Дѣйствительно, теперь много даже богатыхъ еврейскихъ семей (до сихъ поръ богатые лнули къ полякамъ) отъ всей души хотѣли бы все покупать только въ еврейскихъ магазинахъ. Что же оказывается? Что въ этихъ роскошныхъ магазинахъ подзолотыми вывѣсками на Маршалковской настоящаго первого сортаго товара нѣтъ. Есть «почти первый сортъ», а за дѣйствительно полноцѣннымъ прима-квалитетомъ приходится стучаться къ католикамъ. Смѣшно же требовать отъ богатой женщины, чтобы она изъ патріотизма ходила по улицѣ въ шляпкахъ второго сорта или обставила свою гостиную «тандетной» мебелью. Значить, надо еврейскимъ торговцамъ подтянуться, завести первый сортъ. На это нужны деньги, кредитъ. А кредитъ — во враждебныхъ рукахъ. Казалось, чего проще: организуйте свой кредитъ? Велика ли мудрость? Кто этого теперь не умѣетъ? А вотъ подите же, они, эти купцы съ Маршалковской, не умѣютъ. Топчутся безтолково на одномъ мѣстѣ, жалуются, охаютъ, и никакихъ результатовъ.

— Это временно. Они еще не собрались съ мыслями. Бойкотъ ударилъ такъ неожиданно. И они вѣдь еще не вѣрятъ въ его продолжительность. Если онъ окажется въ самомъ дѣлѣ долгосрочнымъ, то будьте спокойны, они организуются, будетъ у нихъ и кредитъ, и прима-квалитетъ, и богатые покупатели...

— Я въ это мало вѣрю. Вспоминаю теперь, что признаки этой самой «второсортности» еврейскаго купца наблюдалъ я не въ одной Варшавѣ. Всюду, понимаете ли: всюду — настоящаго перваго сорта въ еврейской лавкѣ не ищи. Вотъ

вы одесситъ. Спросите коммерсантовъ: какія фирмы въ Одессѣ солиднѣе — христіанскія или еврейскія? Или же проще: спросите любую даму (хотя бы еврейку) изъ зажиточнаго круга, въ чью лавку она пойдетъ, когда понадобится ей *очень* хорошая матерія, или кому закажетъ бальныя туфли? Къ какому портному вы сами обратитесь, если вамъ приспичило бы одѣться съ настоящимъ шикомъ? Словомъ, я ужъ тамъ не знаю, правда ли, что евреи поставляютъ компримаріевъ въ литературу, но что въ торговлѣ, въ ремеслѣ, вообще въ дѣловой области евреи, за ничтожными исключеніями, только компримаріи — это для меня безспорно.

— Удивительно! Откуда же, извольте объяснить, откуда же все-таки взялась у всего міра увѣренность, что сама исторія выработала въ евреяхъ особый навыкъ къ коммерціи?

— Охотно вѣрю, что это такъ и было. Но многое изъ того, что было, начинаетъ распадаться и разлагаться. У евреевъ когда-то была религія, теперь она трещитъ по всѣмъ швамъ. У нихъ когда-то была прочная семейная жизнь, теперь она постепенно превращается въ то, что изобразилъ Юшкевичъ въ той пьесѣ, какъ ее — не помню. Но знаете, я не націоналистъ, я только практической человѣкъ; поэтому жалко мнѣ больше всего не религіи, не стараго быта. Я думаю, что въ концѣ концовъ и безъ этого всего можно жить. Жалко мнѣ больше всего одной черты, которая исчезаетъ: доброй старой еврейской расчетливости. Вотъ именно той самой, за которую еврея ругали скрягой, копеечникомъ, гешефтмахеромъ. Въ старину еврей понималъ свое положеніе. Государства у него нѣтъ, физической мощи нѣтъ; остается одно — экономическая сила, и ее надо беречь пуще зѣницы ока. Велика ли она, мала ли, — ее надо беречь, потому что другого оружія нѣтъ. И онъ берегъ и стерегъ это оружіе. Мысль его была всегда направлена на коммерцію... скажу прямо: на деньги — и эта односторонность была совершенно законной въ его положеніи. Анекдотическій мальчикъ изъ хедера, который на вопросъ: сколько будетъ девяносто плюсъ тридцать? — отвѣтилъ:

рубль двадцать копеекъ! — этотъ мальчикъ, повѣрьте мнѣ, былъ молодчина, понималъ свое положеніе и зналъ, въ чемъ сила безправнаго племени. И оттого я вѣрю, что въ старыя времена евреи дѣйствительно были хорошими, первоклассными коммерсантами. Но теперь это все измѣнилось. Того мальчика изъ хедера больше нѣтъ. Онъ давно поступилъ въ гимназію — по крайней мѣрѣ въ частную съ правами для учащихся. Его мама, окончившая восемь классовъ, съ гордостью говоритъ своимъ знакомымъ: — мой Сережа уже въ шестомъ, но я до сихъ поръ кладу ему въ ранецъ салфеточку съ завтракомъ, а не деньги на завтракъ. Не хочу, чтобы онъ привыкалъ къ деньгамъ. Еще станетъ копеечникомъ. Фи! — И въ результатъ посмотрите: вѣдь и на самомъ дѣлѣ исчезаетъ типъ еврея-копеечника. Въ среднемъ классѣ еврейства почти слѣда уже не осталось отъ копеечничества — отъ того узкаго, мѣщанскаго, жидовскаго копеечничества, которое умѣло соразмѣрять расходы съ доходами и откладывать денежку на черный день. Фи! Нынѣшніе поступаютъ иначе. Для еврейской буржуазіи стало теперь святымъ правиломъ: жить не по средствамъ. Отъ бережливости не осталось и памяти. Никогда русская, польская, нѣмецкая семья — при равныхъ достаткахъ — не задаетъ столько шику, сколько еврейская. Начиная съ глупостей. Современный еврей любить на всемъ переплачивать. Напримѣръ, онъ даетъ идиотскіе «на-чай» кельнеру, какихъ никогда не дастъ самый тароватый русскій: онъ боится, чтобы «не подумали». Я знаю интеллигентовъ, которые уже рѣшительно не въ состояніи торговаться въ магазинѣ. Съ нихъ запрашиваютъ 10 рублей за вещь, которой цѣна завѣдомо 9, — русскій нѣмецъ, полякъ безъ всякаго стѣсненія запротестовалъ бы, — но образованному еврею неловко, онъ боится, какъ бы «не подумали», будто онъ расчетливъ и бережливъ, будто онъ (фи!) копеечникъ. И всей своей жизнью онъ старается продемонстрировать, что онъ, Боже упаси, ничуть не копеечникъ. Для сего его жена и дочки одѣваются не по средствамъ, ходятъ они въ театръ не по средствамъ, ѣздятъ за границу не по средствамъ, въ ихъ квартирѣ на двѣ комнаты

больше, чѣмъ слѣдуетъ по средствамъ; обстановка не по средствамъ....

— Это только доказываетъ, что у нихъ культурныя потребности болѣе развиты, болѣе утончены. . .

— Утѣшайтесь, если васъ это утѣшаетъ. А я вижу только одно: въ результатѣ у евреевъ нѣтъ наслѣдственной зажиточности, а у христіанъ она есть. У христіанъ есть семьи, гдѣ прадѣды началъ копить, дѣды продолжалъ и теперь правнуки продолжаютъ. Въ еврейской буржуазіи обычный типъ таковъ: «когда я былъ маленькій, у насъ дѣла были ничего себѣ, но потомъ обстоятельства испортились, и послѣ смерти отца очистилось намъ триста рублей и двѣ кровати». И каждый начинаетъ сначала, и дѣтямъ оставить тоже двѣ кровати. На этой почвѣ идетъ поголовное экономическое вырожденіе. Молодежь безъ оглядки бѣжитъ прочь изъ коммерціи, бѣжитъ прочь съ какимъ-то паническимъ отвращеніемъ, и это ужаснѣе всего. Въ Ярославлѣ купчина, трижды миллионеръ, держитъ сынишку до третьяго класса въ гимназіи, а потомъ забираетъ его въ торговлю, и крупное дѣло перейдетъ отъ отца къ сыну, какъ перешло отъ дѣда къ отцу. А спросите крупнѣйшихъ изъ еврейскихъ торговцевъ или банкировъ Одессы: велика-ль у нихъ надежда на сыновей? Три четверти этихъ сыновей внутренно стыдятся коммерціи по той же причинѣ, по которой не выносятъ чесноку — милаго чесноку, стараго вѣрнаго друга гонимой націи, столько поколѣній спасавшаго ее отъ голодной смерти... Еще хуже обстоитъ дѣло съ ремесломъ. Послѣдніе годы я шью платье нарочно у разныхъ портныхъ. Все хорошіе еврейскіе портные, съ именемъ и многолѣтней клиентурой. Спрашиваю одного: сынъ есть? Есть. Гдѣ учится? Въ консерваторіи. — Другого: сынъ есть? Есть. Гдѣ учится? На юридическомъ — въ Гейдельбергѣ. — Да кому же вы, чортъ васъ побери, оставите мастерскую черезъ сто двадцать лѣтъ? — Отвѣтъ: я знаю? можетъ быть, старшій мастеръ-купить... — Помяните мое пророчество: черезъ тридцать лѣтъ вся торговля и все ремесло Одессы уйдетъ изъ еврейскихъ рукъ.

— Противъ чего же вы протестуете? Противъ стремленія къ знанію, которое есть лучшая гордость еврейской молодежи?

— Вы меня громкими словами не пугайте. Ломаный грошъ я вамъ дамъ за эту лучшую гордость. Во-первыхъ, не надо преувеличивать. Дѣло тутъ не только въ собственномъ стремленіи. Больше всего внѣшняя сила гонитъ еврейскаго юношу въ школу...

— Побойтесь Бога! Что вы городите? Внѣшняя сила, напротивъ, не пускаетъ его въ школу. Вы забыли о процентной нормѣ?

— Нѣтъ, не забыть. Конечно, дверь школы заперта. Но, тѣмъ не менѣе, внѣшняя сила гонитъ еврейскую молодежь къ порогу этой школы, гонитъ подъ неслыханнымъ, неприимѣрнымъ давленіемъ — и заставляетъ биться головой объ эту запертую дверь. Ибо каждое еврейское дитя вырастаетъ въ сознаніи, что дипломъ — это единственный честный путь къ элементарнымъ человѣческимъ правамъ. Это — колоссальный стимуль. Еще нигдѣ, никогда, никого не гнали съ такой силой въ русскую школу, какъ гонятъ евреевъ. Не впускаютъ — но гонятъ. Заставляютъ десятки тысячъ мечтать объ этой школѣ, налаживать всю свою психику примѣнительно къ ея требованіямъ, дрессировать себя по ея дисциплинѣ даже за порогомъ ея — потому что въ ней единственный путь къ избавленію отъ убійственной пытки безправія. А вы, любители громкихъ словъ, называете это стремленіемъ къ знанію, «свойственнымъ еврейской націи». Болтовня. Въ Австріи живутъ такіе же евреи, какъ и здѣсь, процентной нормы нѣтъ, но и такого натиска въ университеты и въ гимназію тоже нѣтъ. Въ университетъ идутъ тамъ люди со средствами; въ Россіи каждый еврейскій бѣднякъ мечтаетъ вывести сына въ доктора. Дѣло тутъ не въ жаждѣ знанія, а въ прелестяхъ россійскаго режима. Этотъ режимъ создаетъ много болѣзненныхъ явленій, и одно изъ нихъ то, что евреи, вмѣсто стремленія къ здоровой экономической дифференціаціи, начинаютъ стремиться къ пре-

вращенію въ сплошную націю помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. . .

— Чортъ знаетъ что. . . вы какой-то гонитель просвѣщенія. Даже слушать тошно.

— Слушать правду всегда тошно. Она горькая. И ничуть я не гонитель просвѣщенія. О пользѣ просвѣщенія могу наговорить не меньше горячихъ словъ, чѣмъ вы, и вполне искренно. Я только прошу не забывать, что здѣсь дѣйствуетъ далеко не одна внутренняя жажда знанія, но и внѣшній факторъ — и факторъ очень уродливый. Противъ жажды знанія ничего не имѣю. Но при одномъ условіи: чтобы она не мѣшала профессиональной дифференціаціи. Бѣда вѣдь не въ томъ, что сынъ крупнаго портного получить высшее образованіе (дай Богъ побольше!), а въ томъ, что онъ тогда броситъ отцовскую мастерскую съ ея прочной клиентурой и начнетъ, высуня языкъ, бѣгать по мировымъ судамъ. Въ Европѣ сплошь и рядомъ вы найдете людей съ высшимъ образованіемъ, которые стоятъ во главѣ мебельной и сапожной мастерской, унаслѣдованной отъ отца. Вѣроятно, они даже вносятъ въ старое дѣло новые приемы, такъ что и дипломомъ ихъ идетъ впрокъ ихъ мастерству. Я ужъ и въ Петербургѣ встрѣчалъ за прилавками крупныхъ магазиновъ и крупныхъ мастерскихъ хозяйскаго сына въ эполетахъ политехника, хозяйскую дочь съ дипломомъ Бестужевскихъ курсовъ. Это другое дѣло, это прекрасно. Но вѣдь у евреевъ не то. Еврей съ дипломомъ обязательно гнушается коммерціи, не говоря уже объ его отношеніи къ «какой-нибудь» портняжеской или мебельной мастерской, хотя бы это было старое, прочное, налаженное дѣло. Онъ пойдетъ въ коммерцію только по крайней неизбѣжности, когда всѣ другія щели закрыты, пойдетъ съ опущенной головой, съ внутреннимъ отвращеніемъ, какъ идетъ человѣкъ на нѣчто унизительное. Легко представить, какой изъ него получится коммерсантъ. Позвольте спросить: съ какой стати это презрѣніе? Гдѣ сказано, что коммерція, индустрія, мануфактура даютъ меньшій просторъ интеллигенту, чѣмъ «свободныя» профессіи? Абсурдъ. Да хотя бы ваше одесское хлѣбное

дѣло — если взяться за него съ умомъ — требуетъ гораздо больше творчества и знаній, чѣмъ, на примѣръ, адвокатура съ ея бумагой и рутиной. . . Я живу въ большомъ губернскомъ городѣ, встрѣчаюсь съ разнымъ народомъ, и долженъ вась увѣрить, что интеллигентность далеко не совпадаетъ съ «интеллигентной профессіей». Наши адвокаты, врачи, инженеры ничего, кромѣ газетъ, не читаютъ — даже по специальности. Но, кромѣ того, у нихъ у всѣхъ очень тѣсный кругъ интересовъ: ихъ бесѣда никогда не выходитъ за предѣлы города, уѣзда, максимумъ — округа судебной палаты. Даже сплетни за предѣлами этой грани ихъ не занимаютъ, вѣрнѣе — просто не доходятъ до нихъ, въ силу самой ихъ профессіи. А съ другой стороны есть у насъ сахарные заводчики и сахарные маклера. Это люди безъ дипломовъ, иногда самоучки, и отсутствіе лоска, понятно, чувствуется. Но кругъ ихъ интересовъ гораздо шире. Сказывается то, что имъ въ силу самой профессіи приходится имѣть дѣло съ отголосками міровыхъ конъюнктуръ, учитывать политическія и экономическія явленія, происходящія за тридевять земель. И эту разницу можно прослѣдить не только въ нашемъ городѣ. Она, повидимому, замѣчена и за границей. Недавно я въ вагонѣ прочиталъ романъ «Новь», не помню какого норвежца — знаете, въ дешевомъ желтенькомъ изданіи. Весь романъ написанъ для униженія интеллигентовъ и прославленія коммерсантовъ: они, молъ, истинная интеллигенція страны, они надежда родины. Поэтому по всему я вамъ заявляю, что поголовное бѣгство еврейской молодежи прочь отъ коммерціи въ «интеллигентныя» да въ «либеральныя» профессіи не имѣетъ подъ собою никакой либеральной и никакой интеллигентной подкладки. Поскольку оно не есть просто результатъ безправія, оно есть результатъ особой психической болѣзни, которую я раньше называлъ: боязнь чеснока. Молодой еврей съ дипломомъ (или даже только съ тщетной мечтой о дипломѣ) воротитъ носъ отъ торговли по той же причинѣ, по которой именуется себя Игнатіемъ Савельевичемъ. Пора бы взяться за умъ. Все это смѣшно, стыдно — а главное: глупо. Столько вѣковъ

коммерція была главной опорой еврейскаго народа. Съ какой стати выпускать изъ рукъ эту крѣпость? Развѣ уже доказано, что на смѣну готовы новыя крѣпости, достаточно прочныя? Если бы я былъ общественнымъ дѣятелемъ, я выставилъ бы лозунгомъ для еврейской интеллигентной молодежи: назадъ къ прилавку, назадъ въ магазины, въ банки, на биржу; или, вѣрнѣе, не только въ коммерцію, потому что молодежь должна ухватиться обѣими руками и за мануфактуру, и за мастерскія, вообще за «дѣловыя» дѣла. . .

Нижеподписавшійся, по своему обычаю, сидѣлъ въ сторонкѣ, молчалъ, слушалъ, записалъ и не отвѣчаетъ ни за дободы, ни за выводы.

СОЛЬВЕЙГЪ

(1915)

По воскресеньямъ иногда къ хозяйкѣ приходитъ племянница; мужъ ея — солдатъ, она служитъ бонной въ Кенсингтонѣ и получаетъ выходной день разъ въ двѣ недѣли. У хозяйки внизу маленькая гостиная, и тамъ стоитъ фортепіано; племянница играетъ слабо, но настойчиво, иногда упражненія, а иногда что-нибудь такое, что играютъ въ кинематографѣ. Въ послѣднее воскресенье, пріотворивъ свою дверь, я сверху услышалъ, какъ она разбирала первые такты чего-то знакомага. Пѣсня Сольвейгъ? Очевидно. Я захлопнулъ дверь. Въ Европѣ не осталось, кажется, ни одного разстроеннаго піанино, изъ котораго не исторгалась бы хоть разъ въ недѣлю пѣсня Сольвейгъ; мы даже какъ-то спорили съ однимъ пріятелемъ, что больше надоѣло, — пѣсня Сольвейгъ или Тиррегагу; но я не думалъ, что она проникла даже въ нашъ древній переулокъ, забытый Богомъ, и что ее можно такъ плохо играть. Я захлопнулъ дверь, — она у меня толстая.

«Быть-можетъ, пройдетъ и зима, и весна, и потомъ лѣто за ними, и весь годъ; но когда-нибудь ты вернешься, — я это знаю навѣрно; и я буду ждать, потому что я такъ обѣщала на прощанье. Пусть сохранитъ тебя Богъ, гдѣ бы ты ни скитался на свѣтѣ; пусть помилуетъ тебя, если ты стоишь у подножія Его. Здѣсь я буду ждать, пока ты не вернешься; а если ты ждешь меня наверху, мы встрѣтимся тамъ, мой другъ». Хорошія слова, настоящія. Новались говорилъ о стилѣ Гете: *einfach, nett und dauerhaft*. Любопытно, что та же похвала, точь въ точь, встрѣчается у Толстого по другому поводу: у Нехлюдова всѣ вещицы туалета отличаются свойствами дорогихъ вещей, — онѣ «изящныя, прочныя и не-

замѣтныя». Вѣроятно, это и есть высшая похвала на свѣтѣ Ибсенъ ее честно заслужилъ въ этихъ восьми строчкахъ безъ размѣра. Хороша ли музыка Грига, я ужъ не въ состоянїи судить. Когда-то она была очень трогательна, но теперь она каждому человѣку напоминаетъ сразу всѣхъ его кузинъ. Слава Богу, что словъ Ибсена почти никто не помнитъ, иначе и они бы уже надоѣли.

Какъ несправедливо устроенъ нашъ внутреннїй мїръ, что лучшія вещи, — образы, звуки, идеи, — по мѣрѣ популяризации теряютъ для насъ свою цѣнность. Это недемократично. Мы требуемъ просвѣщенїя для всѣхъ, мы мечтаемъ о времени, когда вкусъ массы будетъ въ среднемъ такъ же утонченъ, какъ теперь вкусъ интеллигенціи; но когда мы достигнемъ этого идеала, авторы откажутся писать, композиторы и художники забастуютъ. Ибо сложнѣйшія симфонїи моментально будутъ включаться въ музыкальную программу кинематографа и ресторана, и публика, — публика будетъ подпѣвать! Въ каждой цырюльнѣ будутъ красоваться слѣпки съ Родэновъ того времени, и на столѣ, для развлечения гг. клиентовъ, ожидающихъ очереди бриться, въ живописномъ безпорядкѣ будутъ разбросаны произведенїя Софокловъ той эпохи. Въ тотъ вѣкъ генїи забастуютъ и потребуютъ закрытія школъ. Слава имѣетъ свои предѣлы, дальше которыхъ она превращается въ непрїятность, которую трудно переварить.

Это относится даже къ прообразамъ. Всѣ мы знаемъ, какъ это смѣшно, когда Гамлетъ, напримѣръ, становится бытовымъ явленїемъ и проникаетъ въ Щигровскїй уѣздъ. Почему? Эльсиноръ не больше Щигровъ, — а въ то время онъ былъ, несомнѣнно, даже куда грязнѣе, чѣмъ Щигры. Дѣло не въ мѣстѣ, даже не въ санѣ королевича, дѣло только въ количествѣ. Одинъ Гамлетъ, это — поэтично, сто Гамлетовъ, это — смѣшно. Хуже того: никто даже не признаетъ въ нихъ Гамлетовъ, хотя бы они были, какъ двѣ спички изъ одного коробка, похожи на свой прообразъ. Или вотъ еще примѣръ, изъ нашего нынѣшняго быта. Вы ѣдете на крышѣ омнибуса. За вами вскарабкивается кондукторша; на ней — глупая

мужская фуражка и блестящія пуговицы; омнибусъ качаетъ, и она неловко задѣваетъ боками за спинки сидѣній; вамъ предлагается большая сдача, и она, разставивъ сапоги, лѣзетъ въ какой-то десятый карманъ, гдѣ у нея бумажки. Извольте въ этомъ видѣ угадать ея прообразъ. Далеко на сѣверѣ — гора, на горѣ — лѣсъ, въ лѣсу — шалашъ; тамъ сидитъ женщина, прядетъ свою пряжу, думаетъ о комъ то, кто далеко, можетъ-быть, въ волнахъ подъ бурей, можетъ-быть, въ бою подъ огнемъ, — и она поетъ: «Пусть сохранить тебя Господь, гдѣ бы ты ни былъ». . . Легко ли распознать тихій голосъ Сольвейгъ въ этомъ бодромъ окрикѣ мужиковатой кондукторши: Кому билетъ? А вѣдь это она.

А, можетъ-быть, и не она. Я еще, такъ сказать, не рѣшилъ для себя этой проблемы: существуетъ ли теперь въ природѣ Сольвейгъ, хотя бы новая по внѣшности, но въ душѣ та же, или вымеръ этотъ типъ, и легкомысленный вѣкъ нашъ создалъ жену изъ другого ребра? Иногда мнѣ кажется, что Сольвейгъ только переодѣлась, но жива; только ноги ея по необходимости топчутъ наши мостовыя среди людской толкотни, но душа ея далеко, въ шалашѣ на горѣ, и въ ухахъ ея звучитъ *его* послѣднее слово: *vente* — жди; она выдаетъ билеты, или служитъ при лифтѣ, или разноситъ письма, или пишетъ на машинкѣ, или упаковываетъ снаряды, — но вѣдь это въ сущности то же, что нитка и веретено; и въ сердцѣ у нея, если ты способенъ подслушать, ты услышишь пѣсню и тѣ же слова — «вѣчныя, прекрасныя и незамѣтныя». Это все мнѣ кажется иногда. Но иногда мнѣ кажется иначе: мнѣ кажется, что передъ нами — совсѣмъ другая женщина, у которой, насколько знаю, нѣтъ еще прообраза въ литературѣ. Сольвейгъ въ сущности много разъ повторяется въ литературѣ; иногда это — крестьянка, иногда принцесса; иногда прядетъ, иногда ничего не дѣлаетъ, однѣ поютъ, другія молчатъ, но у нихъ одно общее, — онѣ «глядятъ на дорогу». Онѣ тоскуютъ и ждутъ; въ этомъ вся душа ихъ; грустью вѣетъ отъ нихъ, иногда затаенной, иногда явной. Вѣетъ ли грустью отъ Сольвейгъ нашего времени? Глядитъ ли она на дорогу? Часто ли? Не разберешь. . .

Конечно, нѣтъ сомнѣнiя, что Сольвейгъ нашихъ дней, за исключенiемъ исключенiй, тоскуеть по своему воинѣ, боится и молится за него, если умѣетъ молиться. Но когда присмотришься къ женской толпѣ въ тѣхъ разныхъ странахъ, что я перевидалъ за эту войну, трудно убѣдить себя, что это чувство главное. Впечатлѣнiе скорѣе получается такое, что есть между прочимъ и это чувство, но оно не вытѣсняетъ, какъ бывало когда-то въ шалашахъ на горѣ, всѣ другiя настроенiя; напротивъ, часто эти другiя настроенiя одолеввають и захватываютъ первый планъ. Что это за другiя настроенiя? Самыя разнообразныя, — начиная съ охоты работать и кончая охотой танцовать, — но всѣ они отличаются одной чертой, — они ярко-мажорныя. Понятно, это не относится къ той Сольвейгъ, которая получила грустную вѣсть съ фронта и надѣла черный крепъ: мы съ глубокимъ поклономъ отходимъ въ сторону, она больше не предметъ для нашихъ наблюденiй; но она — меньшинство, и, слава Богу, всегда останется меньшинствомъ. Мы говоримъ объ остальномъ большинствѣ, — о тѣхъ, у кого есть еще въ окопахъ любимый человѣкъ, мужъ, сынъ, братъ, отецъ; общiй тонъ этой женской массы въ наши дни несомнѣнно ближе къ мажорной гаммѣ, чѣмъ къ минорной. Какая-то неожиданная бодрость просвѣчиваетъ въ каждомъ ихъ проявленiи; тѣ, которыя работаютъ въ родѣ описанной кондукторши, — бодро работаютъ, тѣ, которыя наряжаются, — придумали задорную моду; тѣ, которыя ходятъ по театрамъ, — ходятъ на веселыя пьесы. Было ли это такъ въ прежнiя войны? Мы уже забыли. Врядъ ли, впрочемъ, можно сравнивать: никогда еще столько народу не уходило на войну, и никогда Сольвейгъ не составляли такой огромной части населенiя. При прежнихъ войнахъ онѣ растворялись въ обществѣ; теперь онѣ — одинъ изъ главныхъ элементовъ общества, и не только въ гостиной или на улицѣ, но и за прилавкомъ, и на заводахъ, и въ конторѣ; не онѣ теперь поддаются настроенiю общества, — скорѣе наоборотъ. И тѣмъ не менѣе въ старину про нихъ писали такъ: «Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи, смотритъ въ поле, инда очи разболѣлись гляючи». . . А теперь? Конечно, Сольвейгъ и

теперь глядитъ на дорогу, — отъ времени до времени, въ минуты, свободныя отъ другихъ заботъ.

Причинъ этой переменѣ много. Одна изъ нихъ очень прозаична. Я отнюдь не хочу оскорбить память ибсеновской героини, «обосновавъ» ея психологію при помощи упрощеннаго марксизма; но все-таки надо помнить, что поэтическая минорность ея настроеній прочно опиралась на экономическія непріятности, связанныя съ уходомъ мужчины, хотя бы и такого безпутнаго, какъ Перъ Гюнтъ. Уходъ мужей и братьевъ на войну означалъ когда-то бѣдность или прямо нищету, самоуправство сосѣдей, полную беззащитность; каждая мелочь каждаго дня горько напоминала объ отсутствіи кормильца и заступника. Эта сторона картины теперь сильно измѣнилась. Какъ во времена пещернаго человѣчества, опять война стала всенароднымъ занятіемъ, въ которомъ участвуютъ старики, женщины и дѣти, кто чѣмъ гораздъ; чѣмъ страна культурнѣе, тѣмъ лучше и полнѣе можетъ она использовать всѣхъ своихъ людей, — и тѣмъ больше денегъ сыплеть она въ карманы, въ мирное время пустые. Уже стало избитой истиной повторять, что никогда не было столько денегъ въ рукахъ средняго и низшаго класса. Возрожденіе жизни, по крайней мѣрѣ, здѣсь, на Западѣ, далеко еще не поглотило этого избытка. Низшіе классы въ общемъ никогда такъ хорошо не питались и не одѣвались. Передъ Сольвейгъ распахнулись внезапно возможности, о какихъ она и мечтать не смѣла; онѣ всячески выманиваютъ ее изъ шалаша и отвлекаютъ ея вниманіе отъ дороги. Она можетъ приобрести шкафъ и кресло, она можетъ давать дѣтямъ молоко и сунуть имъ въ руку мѣдную монету на леденцы; наконецъ . . . она можетъ купить ту шляпу съ цвѣтами со всѣхъ сторонъ. Она ходитъ въ кинематографъ при каждой смѣнѣ программы. Это относится не только къ простонародью. Всѣ торговцы подтверждаютъ, что и покупательная сила средняго класса возросла. Экономисты качаютъ головами и скорбно говорятъ, что это — изобиліе лживое и беспочвенное. Это къ дѣлу не относится: оно пока есть, оно чувствуется, и оно каждый день понемногу вплетаетъ въ пѣсню Сольвейгъ мажорные тона.

Это — не единственная причина переменъ. Вотъ еще одна. — болѣе щекотливаго характера; будемъ говорить о ней осторожно, обиняками. Она находится въ связи съ такъ называемымъ распадомъ быта, разрушеніемъ устоевъ, ослабленіемъ семейнаго начала и другими подобными болѣзнями вѣка. Началось это задолго до войны; кто говорить — десятки лѣтъ тому назадъ, а кто — сотни (я говорю: тысячи). Но эта война съ ея неожиданными особенностями, страшно ускорила процессъ. Разложеніе «началь» шло себѣ медленно, открашивались крошки, отслаивались чешуйки, но не больше. Война сразу вылила въ міровой котель громадное ведро какой-то страшно ѣдкой кислоты. Давно уже людямъ такъ наглядно не показывали, что «все можно», что принципы, договоры, обѣщанія, прогрессъ, традиціи, свобода, гуманность, — все это труха, шелуха и чепуха. Все можно: можно топить женщинъ и дѣтей, сжигать людей живьемъ, выкуривать ихъ какъ гадюкъ изъ разсѣлины, выгонять сотни тысячъ народу на большую дорогу и гнать ихъ голодными чортъ знаетъ куда, вѣшать и бить, и насиловать. Это все уроки, это все заучивается наизусть и перерождаетъ совѣсть человѣческую. Но такое перерожденіе всегда идетъ въ ту сторону, которую мы называли мажорной. Большая чума всегда порождаетъ пиръ во время чумы. Въ Италіи, въ безпокойный вѣкъ, когда на каждомъ шагу можно было получить ударъ ножомъ въ спину. мудрый государь написалъ безсмертныя слова: «Кто хочетъ веселиться, веселись, — что будетъ завтра, неизвѣстно». Эта простая аргументація дѣйствуетъ на людей непобѣдимо, особенно когда ее намъ подсказываютъ не слова, а факты.

Вотъ рассказъ одного господина: онъ — подданный нейтральной державы, живетъ по дѣламъ въ одной изъ воюющихъ державъ, сюда наѣзжаетъ рѣдко; ему нѣтъ 40 лѣтъ, онъ высокъ и одѣвается элегантно. Онъ рассказалъ мнѣ это въ одинъ изъ наѣздовъ сюда. Я передаю, конечно, своими словами. Въ томъ городѣ, гдѣ онъ живетъ по дѣламъ, у него есть много друзей. Одинъ изъ нихъ — человѣкъ немолодой, котораго только недавно призвали на войну. У него жена лѣтъ 32-хъ и дѣти. Уѣзжая, онъ сказалъ моему знакомому:

«Я ихъ оставляю подъ твоей защитой». Мой знакомый — порядочный человѣкъ; онъ отнесся къ дѣлу честно, бываль въ домѣ два раза въ недѣлю и оказываль г-жѣ Х. всякія услуги. Почти онъ всегда засиживался у нея долго, потому, что она — женщина интересная и изящная, и они бесѣдовали о разныхъ разностяхъ, между прочимъ иногда о войнѣ и объ ея мужѣ. Какъ Паоло и Франческа до той роковой страницы, они «были одни и ничего не опасались», — въ томъ числѣ и самихъ себя. Мой знакомый — порядочный человѣкъ и вѣренъ своимъ друзьямъ; г-жа Х. выше всякихъ подозрѣній. Но они очень подружились. Они уже знали другъ о другѣ всѣ мелочи жизни и понимали другъ друга съ полуслова. Она рассказала ему свою молодость и біографію своего сердца до выхода замужъ; біографія ея сердца на этомъ остановилась. Біографія его сердца была много длиннѣе и имѣла также страницы, совсѣмъ недавно исписанныя. Все это они читали вмѣстѣ. Читать вмѣстѣ небезопасно. Франческа говоритъ: «Много разъ это чтеніе заставляло наши взоры встрѣчаться и лица наши блѣднѣть». Но все это было въ порядкѣ. Мой знакомый — порядочный человѣкъ, и г-жа Х. тоже; дружба съ такимъ ароматомъ чего-то большаго, чѣмъ дружба, все-таки можетъ остаться хорошей дружбой, если онъ и она — благородные люди.

Все было въ порядкѣ, пока вдругъ не подвернулась роковая страница. Кто ее написалъ, мы никогда не узнаемъ; этотъ таинственный авторъ, закутанный какъ чучело, въ выпуклыхъ очкахъ, пролетѣлъ въ ту ночь высоко-высоко надъ домами и швырнулъ внизъ четыре тяжелыя жестянки. Первая разорвалась въ ста шагахъ отъ дома; впечатлѣніе было, какъ будто она взорвалась въ сосѣдней комнатѣ и сейчасъ все рухнетъ, — потолокъ, стѣны, домъ, весь міръ. Г-жа Х. даже не вскрикнула: она поднялась и быстро пошла въ комнату дѣтей. Второй взрывъ прозвучаль дальше, третій еще дальше, четвертый едва донесся; но еще долго послѣ того продолжалась суматоха на улицѣ и въ домѣ, звучали шаги, голоса и дѣти хныкали и не засыпали. Уже было поздно, когда они опять сидѣли въ гостиной. Онъ спросилъ: мнѣ пора?

Она его удержала разсѣяннымъ жестомъ, какъ-будто хотѣла сказать: что мнѣ до приличій, когда мѣръ вотъ такой. Въ вознѣ съ дѣтьми распустились ея косы; она стала было обвертывать ихъ вокругъ головы, но бросила, и повторила тотъ жестъ: зачѣмъ это, разъ мѣръ такой? Мой знакомый говоритъ, что у нея — хорошія косы и что блѣдность отъ волненія къ ней очень шла. И онъ почувствовалъ въ атмосферѣ что-то новое. Мой знакомый — плохой психологъ, и не могъ бы точно опредѣлить, что это было. Но онъ смутно чувствовалъ, что теперь на свѣтѣ все какъ-то стало сразу проще. Тысячи вещей стали неважными и ненужными. Зачѣмъ эта люстра на потолкѣ, если черезъ минуту, можетъ-быть, и потолка не останется? Къ чему прическа, къ чему всѣ правила жизни и морали, къ чему весь этотъ сложный хламъ традицій, если можно бросать бомбы съ неба? Разъ можно, — тогда все можно. Вотъ выгорѣла одна изъ лампочекъ, въ гостиной стало полутемно; можно зажечь другую, но зачѣмъ? Это прежде нельзя было вдвоемъ сидѣть въ потемкахъ, а теперь все можно. Г-жа Х. заговорила такъ тихо, что онъ долженъ былъ сѣсть ближе, и она не отодвинулась. Голосъ у нея былъ новый; онъ волновалъ ихъ обоихъ. Мой знакомый чувствовалъ, что теперь можно взять ее за руку, — она оставитъ руку въ его рукѣ. Мой знакомый. . . мой знакомый — порядочный человекъ, онъ попросился и ушелъ.

Я передалъ это, какъ уже сказано, своими словами, и довольно далеко отъ подлинника; въ особенности боюсь, что конецъ я измѣнилъ до неузнаваемости. Мнѣ нужна была только иллюстрація къ разсужденію о томъ, какъ большая чума подстрекаетъ людей пировать. Этимъ я никакъ не хочу сказать, что г-жа Х. — бытовое явленіе нашихъ дней. Можетъ-быть мой знакомый — хвастунъ, и просто выдумалъ ее; наконецъ, читатель можетъ рѣшить, что это я выдумалъ и его, и ее, и всю исторію. Это все не существенно; притча, даже если она — правда, ничего не доказываетъ; она только разъясняетъ мысль, и дѣлаетъ это осторожно.

...Самое курьезное оказалось то, что хозяйкина племянница и не думала играть пьесню Сольвейгъ. Когда я опять отворилъ дверь, она какъ-разъ опять начала свою пьесу сначала, и черезъ двѣ минуты я понялъ свою ошибку. Я давеча слишкомъ поторопился захлопнуть дверь. Дѣйствительно, первые такты напоминаютъ пьесню Сольвейгъ; но потомъ идетъ совсѣмъ другая музыка. Эту вещь я слышалъ въ кафе-шантанахъ; она называется «Послѣднее танго». «Подъ знойнымъ небомъ Аргентины я съ ней, подъ звуки мандолины, плясалъ послѣднее танго»... И все-таки первые такты удивительно похожи. Сознательно ли сбокралъ кафе-шантаный композиторъ Грига? Или же есть какая-то связь, какой-то законный для нашего времени переходъ отъ скорби къ модному танцу? Не разберешь.

ЯЗЫКЪ НАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ

(СПРАВКА)

(1916)

Безпроводочный телеграфъ сообщилъ недавно, что нѣмецкая администрація въ Бельгіи вводитъ или уже ввела фламандскій языкъ преподаванія въ гентскомъ университетѣ. Это, конечно, демагогія, какъ и введеніе польскаго языка въ другомъ случаѣ. Это — только демагогія потому, что нѣмцы, если бы дѣйствительно сочувствовали культурной самобытности другихъ народностей, имѣли время до войны доказать это въ своей собственной окраинной политикѣ. Но демагогія бываетъ разная, — практичная и непрактичная. Въ данномъ случаѣ практичность ея подѣ большимъ сомнѣніемъ. Стоитъ остановиться на этомъ жестѣ. Фламандизація гентскаго университета — сама по себѣ интересный вопросъ. Это былъ одинъ изъ боевыхъ лозунговъ фламандскаго движенія, и германскій жестъ напоминаетъ намъ о томъ, что оно продолжается. Трава растетъ и подѣ снѣгомъ.

Эта трава растетъ уже больше семидесяти лѣтъ. Успѣхи фламандскаго движенія были сравнительно медленны, и ихъ медленность — изумительная демонстрація той прилипчивой силы, какую далъ Богъ французской культурѣ. О политическомъ угнетеніи фламандцевъ валлонами смѣшно говорить. Бельгія — свободная демократическая страна, въ которой фламандцы составляютъ большинство, а валлоны — меньшинство; равноправіе обоихъ языковъ гарантировано еще конституціей 1830 года. Фламандскій языкъ пользуется въ Бельгіи самыми широкими правами, но онъ ими далеко не въ полной мѣрѣ дѣйствительно пользуется. И не потому, что правительство или бюрократія «разъясняютъ» или ко-

228

веркають законъ, а просто потому, что сами заинтересованные лица недостаточно «заинтересованы». Фламингантизмъ — движеніе серьезное, имѣющее солидную реальную почву и большую будущность впереди; но пока мѣсть его жизненныхъ силъ все еще недостаточно, чтобы заполнить то обширное пространство, которое предоставлено ему закономъ. Въ Брюсселѣ (до нашествія) официальные сообщенія печатались на первомъ мѣстѣ по-фламандски и только на второмъ по-французски; это — потому, что Брюссель находится во фламандской половинѣ Бельгіи. Новичка это предрасполагало, заставляло думать, что дѣйствительно фламандская культура въ Брюсселѣ чувствуется сильнѣе, чѣмъ французская, по крайней мѣрѣ столь же сильно. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ въ культурной жизни Брюсселя фламандскій языкъ играетъ очень скромную роль. Даже въ Гентѣ и Антверпенѣ, — двухъ столицахъ коренной Фландріи, — общій типъ и тонъ культуры скорѣе французскіе; фламандская культура, конечно, представлена, и сильно представлена, тамъ, но чтобы ощутить ее, надо пойти къ извѣстнымъ людямъ или въ извѣстные кварталы, тогда какъ французская чувствуется на каждомъ шагу.

Есть одно яркое, неоспоримое мѣрило удѣльнаго вѣса, принадлежащаго тому или иному языку въ дѣйствительной жизни: уличныя вывѣски, частныя афиши и т. д. Это — характернѣе, чѣмъ официальные объявленія, или газеты, выставленныя въ витринахъ кіосковъ. Официальные объявленія *должны* печататься на двухъ языкахъ; видя газету, вы еще не знаете, много ли у нея читателей. Вывѣска говоритъ яснѣе. Въ свободной странѣ торговецъ свободенъ въ выборѣ языка своей вывѣски; и онъ безошибочно выбираетъ тотъ, который *нуженъ*. Если оба языка, или три языка дѣйствительно *нужны*, онъ не пожалѣетъ денегъ на вторую и третью вывѣску. Въ Брюсселѣ, даже въ Гентѣ и Антверпенѣ масса лавокъ только съ французскими надписями. Только въ простонародныхъ кварталахъ фламандскія надписи пестрятъ на каждомъ шагу, и это значить, что тамъ этотъ языкъ дѣйствительно практически *нуженъ* для успѣш-

ной продажи товара. Но тамъ, гдѣ торговля расчитана на высшій и средній классъ населенія, чуткій торговецъ далеко еще не убѣдился въ дѣйствительной необходимости фламандскихъ вывѣсокъ. Замѣтите, что этотъ самый торговецъ въ Гентѣ и Антверпенѣ почти всегда носитъ фламандскую фамилію, какъ и девять десятыхъ его покупателей; можетъ-быть, онъ даже сочувствуетъ «фламингантизму»; во всякомъ случаѣ онъ былъ бы возмущенъ, если бы самое завалющее официальное сообщеніе было опубликовано безъ фламандскаго текста. Но въ своей торговлѣ онъ учитываетъ не права и не принципы, а реальности.

Такое несоотвѣтствіе между официальнымъ и фактическимъ вѣсомъ языка — далеко не рѣдкость. Укажу только на два примѣра, — они намъ помогутъ понять суть языковаго спора въ Бельгіи. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ — Норвегія. Ея литературный, научный, политическій, газетный, школьный языкъ — датскій; въ Норвегіи его нѣсколько иначе произносятъ и въ послѣдніе годы примѣняютъ другую орфографію, но по существу пишутъ на чистомъ датскомъ языкѣ съ очень немногими «провинціализмами». Это и есть языкъ Ибсена, Бьернсона и Гамсуна, языкъ парламента, суда, университета, гимназій, журналовъ, языкъ интеллигентной Христіаніи. Но провинція, и особенно деревня, говорятъ до сихъ поръ на другомъ языкѣ, не похожемъ на датскій, и это и есть, теоретически говоря, національный языкъ Норвегіи, тогда какъ языкъ «Перъ Гюнта» есть плодъ датскаго владычества, и ни Перъ Гюнтъ, ни его мать, ни Сольвейгъ никогда на немъ не говорили. Въ срединѣ XIX вѣка Иваръ Осенъ, гениальный самоучка-филологъ изъ крестьянской семьи, составилъ на основаніи мужицкихъ діалектовъ словарь и грамматику чисто норвежскаго языка; онъ его прозвалъ *Landsmaal* (произносится *Landsmål*); сторонники этого языка называются «мольстреверы». Въ политическомъ смыслѣ они достигли съ тѣхъ поръ огромныхъ успѣховъ. Уже въ 1885 году стортингъ принялъ огромнымъ большинствомъ резолюцію, гласившую: «правительству предлагается принять всѣ нуж-

няя мѣры къ тому, чтобы норвежскій народный языкъ, въ качествѣ языка официальной жизни и школы, занялъ равное мѣсто (sidestilles) съ нашимъ общимъ литературнымъ и книжнымъ языкомъ». Еще въ 1874 г. было приказано въ народныхъ школахъ въ провинціи пользоваться при устномъ обученіи мѣстными нарѣчіями. Въ 1889 г. Landsmaal сталъ обязательнымъ предметомъ въ учительскихъ семинаріяхъ, въ 1892 санкціонировано изданіе на этомъ языкѣ учебниковъ по разнымъ предметамъ народной школы; въ 1894 г. стортингъ въ качествѣ прецедента вотировалъ какой-то законъ, изложенный въ оригиналѣ не на книжномъ языкѣ, а на Landsmaal; въ 1897 г. стортингъ принялъ резолюцію объ обязательномъ изданіи законовъ на обоихъ языкахъ. Если судить по этимъ политическимъ достиженіямъ, должно показаться, что Landsmaal побѣждаетъ по всей линіи. Но на дѣлѣ всѣ эти правила и резолюціи ни на іоту не измѣнили языка норвежской культуры. Кое-гдѣ въ сельскихъ школахъ учителя говорятъ съ дѣтьми на діалектѣ, какъ говорили и раньше, но учебники даже для этихъ школъ пишутся по-прежнему на «датско-норвежскомъ»; объ остальныхъ школахъ и говорить нечего. «Мольстреверы» выдвинули рядъ талантливыхъ писателей, пишущихъ на Landsmaal, — изъ нихъ Арне Гарборгъ хорошо извѣстенъ и въ Россіи; но на общемъ фонѣ норвежской литературы это не отразилось, и она остается при «книжномъ» языкѣ; всѣ газеты, даже социалистическіе, издаются на немъ же; вивѣска, — та абсолютно не считается съ существованіемъ Landsmaal; чтобы ощутить этотъ языкъ, какъ реальную культурную атмосферу, придется пойти къ специалистамъ-любителямъ, и ихъ придется долго и съ трудомъ искать. Здѣсь ужъ объ угнетеніи одной націи другой и помыслить неммыслимо: Landsmaal не прививается въ норвежской культурѣ не потому, что ему мѣшаютъ, а потому, что... не прививается.

Въ другомъ концѣ Европы можно прослѣдить аналогичное явленіе. Въ Греціи между книжнымъ языкомъ и обиходнымъ — пропасть; это тѣмъ болѣе любопытно, что подъ «обиходнымъ» понимается не только языкъ простонародья, но и

обычная разговорная рѣчь интеллигентнаго класса. Больше того: «обиходный» языкъ довольно прочно утвердился въ одной изъ отраслей литературы, — въ поэзіи. И даже въ прозаическомъ повѣствованіи, діалогъ часто приводится на обиходномъ языкѣ. Но дальше, что называется ни съ мѣста. Газеты, которыя въ Греціи замѣняютъ книгу, которыхъ тамъ несмѣтное множество, и которыя читаются даже носильщиками, издаются на литературномъ языкѣ. Есть движеніе, добивающееся политическихъ правъ для обиходнаго языка (его сторонники тамъ называются почему-то *мальяри*, — «косматые»), но до сихъ поръ имъ ничего не удалось; массы къ этому вопросу равнодушны (несмотря на то, что книжному языку приходится учиться съ довольно большимъ трудомъ), а въ интеллигентныхъ кругахъ, особенно въ студенчествѣ; «мальяри» встрѣчаютъ яростную оппозицію. Вывѣска абсолютно игнорируетъ ихъ, и культурная жизнь идетъ мимо.

Эти параллели взяты издалека, но онѣ полезны для уясненія слабой стороны фламандскаго движенія: оно еще не завоевало или недостаточно завоевало интеллигентные классы самаго фламандскаго общества. Конечно, позиція фламандскаго языка въ тысячу разъ сильнѣе позиціи *Landsmaal*, и въ этомъ отношеніи между ними никакого сравненія быть не можетъ. Но основная бѣда у нихъ та же: дѣло стало за санкціей интеллигентнаго класса. Въ концѣ-концовъ это есть главный и рѣшающій моментъ въ развитіи молодыхъ или «опальныхъ» языковъ. Сколь бы ни былъ либераленъ законъ, это еще не придаетъ такому языку творческой «культуроспособности». Даже то, что на немъ говорятъ массы, еще не рѣшаетъ вопроса: въ Норвегіи, въ Италиі, въ сѣверной Испаніи, въ Уэльсѣ, въ Бретани, въ Провансѣ, въ нѣмецкой Швейцаріи, въ Германіи, массы, даже деревенскія, несомнѣнно, все больше и больше, хотя медленно, переходятъ отъ своихъ языковъ къ книжному языку образованнаго класса, несмотря даже на то, что напримѣръ, кельтскія нарѣчія Бретани и Уэльса рѣшительно ничего общаго не имѣютъ съ французскимъ или английскимъ

языками. Въ Ирландіи на глазахъ послѣдняго столѣтія все крестьянство, за исключеніемъ маленькой области на крайнемъ западѣ, перешло отъ гаэльскаго къ англійскому языку. Можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ еще произойдетъ возрожденіе прежняго языка, если на то будетъ житейская санкція со стороны достаточно крупной части образованнаго класса. Но сами-по-себѣ массы въ этомъ вопросѣ, судя по всѣмъ примѣрамъ, не могутъ сыграть рѣшающей роли. Ихъ важная роль въ томъ, что онѣ долше всего сохраняютъ опальный языкъ и что ихъ примѣръ иногда можетъ довлѣть на образованные классы. Но главная инстанція, которая выноситъ языку приговоръ жизни или смерти, это — та часть націи, которую мы, хотя неточно, но для всѣхъ ясно можемъ обозначить именемъ «образованныхъ классовъ». Изъ этой среды выходитъ большая часть писателей, ученыхъ, артистовъ, политическихъ дѣятелей, т. е. людей, лично производящихъ ту часть національной культуры, которая выражается при помощи языка; тѣ, которые выходятъ прямо изъ народа, должны пройти чрезъ эту среду и ассимилироваться въ ней; эта среда является также главнымъ, часто единственнымъ «потребителемъ» національной культуры; поэтому національная культура вынуждена въ первую очередь приспособляться къ этой средѣ. Если «опальный» языкъ найдетъ въ ней достаточную поддержку (не просто симпатіи, а фактическихъ читателей) или если окажется въ силахъ влить въ нее достаточный контингентъ новой «интеллигенціи изъ народа» и если эти новички, попавъ въ эту среду, не растаютъ и не обезличатся въ ней, — тогда житейская побѣда молодаго языка — вопросъ времени. Если нѣтъ, языкъ этотъ обреченъ. Онъ можетъ еще долго прозябать или даже процвѣтать въ низшихъ сферахъ разговорнаго обихода, онъ можетъ даже выдвигать талантливыхъ писателей, какъ Арне Гарборгъ или (въ Греціи) Паламась, онъ можетъ добиться оффиціального признанія въ законѣ, но онъ не будетъ орудіемъ национальной культуры, т. е. національнымъ языкомъ въ полномъ смыслѣ слова.

ПРАВДА

(1916)

Америка постепенно завоевываетъ разные вещи; между прочимъ — кинематографъ. Въ Англии теперь цѣлое движеніе противъ американской ленты; кажется, ее хотятъ сдѣлать первой жертвой новаго курса, — обложить запретительной пошлиной. По справедливости она этого наполовину заслуживаетъ. Это должна быть одна изъ любопытнѣйшихъ загадокъ тамошней жизни: почему американцы такъ любятъ чепуху. Простую, настоящую, нарочитую чепуху. Не то, что сѣлъ авторъ сочинять умную вещь, а получилась чепуха помимо его воли; нѣтъ, авторъ сѣлъ за столъ нарочно придумать чепуху. Очевидно, милліонамъ въ Америкѣ это нужно. Вѣроятно это стоитъ въ какой-нибудь связи съ чрезмѣрной логичностью тамошней жизни: все высчитано, пригнано, во всемъ «хронометризмъ»,—сбѣсилась отъ Этого душа человѣческая и взмолилась къ небу о чепухѣ. У В. Брюсова есть такой разсказъ: въ социалистическомъ государствѣ было такое преобладаніе порядка, что граждане, наконецъ, не вытерпѣли и стали нарочно дѣлать бессмысленныя выходы, отчего и произошла революція. Америка выбрала, очевидно, болѣе невинную форму протеста противъ всепроникающаго хронометризма.

Но это относится только къ одной половинѣ американскаго фильмоделія. Другая половина иногда бываетъ очаровательна. Кинематографическіе авторы Новаго Свѣта очень заинтересовались въ послѣднее время шестидесятыми годами. Въ самомъ дѣлѣ, это была во всемъ цивилизованномъ мірѣ удивительно красивая эпоха. Уже былъ телеграфъ и паровозъ, такъ что можно было жить по-человѣчески, но люди еще не успѣли перепрѣть въ котлѣ ума и еще вѣрили серьезно въ добро, прогрессъ и принципы. Наука дѣлала великія открытія радостно, въ сознаніи, что это всѣмъ ко благу и никому не во вредъ; еще не было ни торпеды, ни

пулемета, и почти не было разницы между военнымъ и охотничьимъ ружьемъ, зато былъ, скажемъ, Дарвинъ. Были также Гарибальди, Лассаль, Линкольнъ... Міръ представлялъ собой приличную компанію, въ которой пріятно и лестно пожить. Были войны, но онѣ велись во имя красивыхъ принциповъ: объединеніе Италіи, объединеніе Германіи, освобожденіе негровъ, — или по крайней мѣрѣ такъ казалось. Кромѣ того тогда красиво и пышно одѣвались. Я бы не сказалъ «изящно», но красиво и пышно. Въ кринолинѣ и въ узкихъ штанахъ со штрипками была одна и та же идея: не суетись, не вертись волчкомъ, не торопись. Человѣкъ долженъ двигаться впередъ, но двигаться торжественно, по широкой дорогѣ, шурша своими шелками, а не бѣжать вприпрыжку, потѣя, пыхтя, проскальзывая въ щели. Милое, милое время! Американскія фильмы воспроизводятъ его съ чутъемъ и роскошью. Имъ удастся сохранить три элемента, опредѣлявшіе то время: культурный, патриархальный и полудикій. *Глядя*, кажется, что читаешь Бретъ-Гарта, — переживаешь юность міра и свое отрочество.

Двѣ изъ этихъ лентъ навели меня на размышленія, ради которыхъ я сѣлъ писать это письмо. Съ теперешней войной эти размышленія, кажется, не имѣютъ ничего общаго, но тѣмъ лучше, — не о войнѣ единой живъ человѣкъ въ концѣ-концовъ. Одна лента называется «Рожденіе націи». Имѣется въ виду американская нація. Лента изображаетъ борьбу Сѣвера и Юга и періодъ «реконструкціи» побѣжденнаго Юга послѣ войны. Лента тянется три часа, но захватываетъ. Либретто, взятое изъ какого-то романа, сдѣлано съ умомъ и со вкусомъ; поставлена вещь изумительно. Мы знаемъ объ американской междоусобицѣ и о вопросахъ, съ нею связанныхъ, по учебнику, по «Хижинѣ дяди Тома» и по стихотворенію Лонгфелло «Сонъ негра», которое въ хрестоматіи. Здѣсь завѣса приподнята съ другой стороны. «Да будетъ выслушана и другая сторона».

Намъ теперь издали кажется, что этическая правда вопроса была такъ ясна: Сѣверъ требовалъ освобожденія негровъ, Югъ стоялъ за сохраненіе рабства, а потому да свер-

шится правосудіе. Современникамъ это не казалось такъ просто. Самъ Линкольнъ вначалѣ не былъ сторонникомъ насильственной отмѣны рабства въ южныхъ штатахъ. Американская конституція 1787 года установила, что сохраненіе или отмѣна этого института зависитъ отъ воли отдѣльныхъ штатовъ и не подлежитъ вмѣшательству союзной власти. Это была правовая сторона проблемы. Сторона нравственная тоже казалась современникамъ, даже лучшимъ изъ нихъ, допускающей разныя толкованія. Одинъ авторъ того времени, Гуделль, собралъ и издалъ полемику за и противъ рабства. То, что писали защитники «этого института», часто поражаетъ своимъ искреннимъ паѳосомъ. Крѣпостное право въ Россіи не имѣло, кажется, такихъ открытыхъ энтузіазмовъ. Правда, въ Америкѣ положеніе было другое: рѣчь шла о цвѣтной расѣ, и взгляды раздѣлились не по линіи партій, а по линіи территориальныхъ границъ.

Какъ можетъ Сѣверъ судить о вопросѣ, о которомъ сѣверяне понятія не имѣютъ? — спрашивали защитники Юга. Горсть негровъ на Сѣверѣ — домашняя прислуга и мелкіе ремесленники; въ хозяйствѣ края они не играютъ никакой роли. На Югѣ треть населенія — негры; въ хозяйствѣ Юга они — все; отмѣните рабство, и вы опрокинете всю нашу экономическую жизнь. Дайте новымъ условіямъ развиваться постепенно, помогите намъ привлечь европейскую иммиграцію, создать бѣлый рабочій классъ и т. д. — Что будутъ дѣлать негры, если владѣльцы перестанутъ ихъ кормить, одѣвать и держать подъ своимъ кровомъ? — спрашивали другіе. — Увѣрены ли вы, что эта раса приспособлена къ современному порядку личной конкуренціи, къ борьбѣ за хлѣбъ въ условіяхъ новѣйшей экономической жизни? Ни отцы ихъ въ Америкѣ, ни дѣды и пращуръ ихъ въ Африкѣ никогда не знали заботы о насущномъ кускѣ. Вы хотите выбросить три милліона людей на улицу. Или вы ждете, что они начнутъ работать за плату, какъ бѣлые, изъ сознанія необходимости, а не изъ страха наказанія? Это — фантазерство. Вы не знаете существъ, о которыхъ говорите. Вы не понимаете, что идея личнаго заработка не есть врожденная

идея человечества; она есть одинъ изъ продуктовъ цивилизаціи и притомъ — позднѣйшей цивилизаціи. До нея надо дорасти черезъ цѣлый рядъ поколѣній. Дикарь, предоставленный самому себѣ, органически не въ состояніи зарабатывать. Онъ можетъ или просить милостыню, или красть. Третьи указывали на быстрое вымирание краснокожихъ и австралійскихъ туземцевъ. Отсталая раса, — говорили они, — отъ соприкосновенія съ цивилизаціей погибаетъ. Единственное средство спасти ихъ заключается въ томъ, чтобы бѣлый принялъ на себя устройство ихъ жизни, чтобы бѣлый ихъ кормилъ, одѣвалъ и заставлялъ дѣлать ту работу, для которой они годятся. Вотъ почему негры плодятся и размножаются, а свободные индѣйцы угасаютъ.

Эти выводы не остались безъ вліянія. Огромное большинство сѣвернаго общества было противъ вмѣшательства въ эти «внутреннія дѣла» Юга. Такъ-называемыхъ «аболиціонистовъ», т. е. сторонниковъ принудительной отмѣны рабства, было очень мало. Почти каждый мало-мальски отвѣтственный дѣятель, выступая противъ южанъ, считалъ своимъ долгомъ отмежеваться отъ крайней партіи: «Я, конечно, — не аболиціонистъ». Югъ могъ бы, казалось, жить спокойно, сохраняя «этотъ институтъ».

Но въ томъ-то и дѣло, что онъ не могъ. Онъ не могъ даже ограничиться оборонительной позиціей: сила вещей вынуждала его наступать. На его глазахъ Сѣверъ развивался безпримѣрно благодаря свободному бѣлому труду. Южные штаты чувствовали, что они скоро превратятся въ ничтожную окраину. Поэтому они цѣпко хватались за каждую соломинку, способную поддержать ихъ вліяніе въ Союзѣ. Они особенно дорожили сенатомъ. Въ немъ каждый штатъ имѣетъ равное число представителей независимо отъ количества населенія; 13 южныхъ и 13 сѣверныхъ штатовъ уравнивали другъ-друга. Но въ составъ Союза кромѣ полноправныхъ штатовъ входили также «территоріи»: Орегонъ, Небраска и др.; онѣ еще не имѣли представительства въ законодательныхъ учрежденіяхъ Союза; но ихъ населеніе росло, и было ясно, что скоро многія изъ нихъ будутъ

признаны полноправными штатами, — и если они будутъ противъ рабства, они задавятъ Югъ. Поэтому Югъ хотѣлъ «заразить» ихъ, — сдѣлать их штатами рабовладѣльческими. Получился тяжелый конституціонный споръ. Сѣверяне настаивали, что разъ территоріи принадлежатъ Союзу, какъ таковому, Союзъ имѣетъ право запретить въ нихъ рабство. Южане отвѣчали: разъ территоріи принадлежатъ всему Союзу, южане имѣютъ такое же право, какъ и сѣверяне, селиться тамъ со всѣмъ своимъ имуществомъ; въ законно приобрѣтенное имущество южанина входятъ негры, и никто не имѣетъ права отнимать у него эту часть живого инвентаря, когда онъ ее привозитъ на окраину, составляющую собственность всего Союза. Но и на этомъ конфликтъ не могъ остановиться. По «Хижинѣ дяди Тома» всѣ мы помнимъ, что негръ, переправившійся черезъ рѣку изъ Кентукки въ Огайо, становился свободнымъ. Южане настаивали, что этотъ порядокъ юридически равноцѣненъ, скажемъ, разрѣшенію конокрадства. Если конституція Союза признаетъ, что законъ Кентукки о рабствѣ имѣетъ силу закона, то дядя Томъ есть собственность мистера Легри предъ лицомъ всего Союза. Если дядя Томъ сбѣжалъ, дѣло Союза — вернуть его хозяину, а не прятать его, заявляя: что съ воза упало, то пропало. Или отмѣните рабство, или признавайте его послѣдствія.

Этотъ доводъ оказался особенно убѣдительнымъ. Юридическое доктринерство было всегда слабостью (или силой?) американской государственной мысли: оно сквозитъ и въ каждомъ параграфѣ конституціи 1787 года, и въ перепискѣ президента Вильсона съ Германіей. Между этими двумя моментами стоитъ 1850 годъ, когда союзный парламентъ Соединенныхъ Штатовъ издалъ законъ, по которому бѣглецы негры, даже на территоріи сѣверныхъ штатовъ подлежали впредь задержанію и возвращенію въ хозяйскія объятія. Конечно, это привело къ еще большому озлобленію, къ кровавымъ дракамъ на улицахъ Сѣвера при каждой попыткѣ задержать бѣглаго негра и, наконецъ, вмѣстѣ со всѣми другими причинами, — къ войнѣ.

♦ Но и война началась не во имя отмены рабства на Юге. Она началась просто во имя восстановления Союза. в виду отложения южных штатов. В тех частях конфедерации, которые были захвачены войсками Севера, «этот институт» считался *de jure* сохраненным вместе со всеми другими правами частной собственности. Только на третий год войны, в минуту, очень тяжелую для Севера, когда дело казалось проигранным и нужно было идти на крайние средства для поддержания энтузиазма, — только тогда решился Линкольн провозгласить отмену рабства. И то не просто. Его прокламация в сентябрь 1862 г. гласила, что если мятежные штаты не сдадутся в течение ста дней, рабство будет отменено. Они не сдались, и 1-го января 1863 г. Линкольн исполнил свою угрозу. Если бы южные штаты подчинились, негры остались бы в хозяйских объятиях. Так смотрел на вопрос Эбраам Линкольн, — по прозвищу «честный Эб», — самый правдивый, самый благородный, самый искренний государственный деятель мира после Аристиды. Есть над чем задуматься. Очевидно, правда и кривда не всегда в жизни размежеваны четкими границами.

Одного никогда бы Линкольн не допустил: чтобы неграм, на завтра после эмансипации, дали избирательные права. Но Линкольн был убит, и победители, оставшиеся без его узды, провели «15-ю поправку к конституции», в силу которой цветные граждане получили политическое полноправие. В то же время часть белых южан (все причастные к войне против союза) лишена была избирательных прав. Тогда началась вакханалия, известная под именем «реконструкции». Почти во всех штатах и округах Юга негры оказались в большинстве. Они еще ничего не понимали в этих вопросах, но судьба послала им руководителей. С Севера нахлынули тучи так-называемых «ковровых мешков». Это была американская разновидность того типа, который в России получил кличку «господа ташкентцы». Это были белые джентльмены без определенных занятий, с багажом, умщавшимся в одном ковром мешке, и с готовыми избирательными

рѣчами. Они пошли прямо къ негру и «открыли ему глаза». Бѣдный чернокожій въ то время не зналъ, что съ нимъ творится. Многія изъ экономическихъ послѣдствій, что предсказывали апологеты рабства, дѣйствительно сбылись. «Порвалась цѣпь великая, порвалась — раскачалась однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику». Одурманенные свободой, опьяненные мѣдніемъ и элорадствомъ, ошарашенные вдругъ экономической необезпеченностью, негры слѣпо ринулись за «ковровыми мѣшками». Начался повальный грабежъ казны государственной и частной. Одинъ изъ историковъ той эпохи, человѣкъ осторожный и гуманный (W. H. Smith), описываетъ ее такъ: «Многіе изъ южанъ теперь жалѣли о счастливыхъ дняхъ до реконструкціи, когда Югъ былъ раздѣленъ на военные округа и управлялся непосредственно генералами Союза. Они управляли сурово, но они по крайней мѣрѣ были честны, и Югъ тогда не былъ преданъ на разграбленіе. Теперь законодательныя учрежденія южныхъ штатовъ, составленныя изъ бѣлыхъ сѣверянъ и южныхъ негровъ (два элемента, равно свободные отъ платежа налоговъ), довели обложеніе имущества прежнихъ господъ до такой степени, что многіе изъ нихъ обнищали, а государственные долги южныхъ штатовъ колоссально возросли». За то были созданы тысячи синекуръ для «ковровыхъ мѣшковъ» и ихъ черной свиты. Среди этого разгула, съ понурой головой проходилъ вчерашній рабовладѣлецъ, гордый потомокъ первыхъ колонизаторовъ Америки, внукъ творцовъ ея свободы, часто носитель имени, извѣстнаго въ обихѣ мѣрахъ, безправный, беспомощный, среди насмѣшекъ... и дочери его теперь предпочитали сидѣть дома, потому что на улицѣ негры посылали имъ воздушные поцѣлуи, а «ковровые мѣшки» щипали ихъ повыше локтя.

Мы не ушли отъ нашей темы — отъ фильма «Рожденіе націи». Не все это показано на экранѣ, но все это вспомнилось, когда смотрѣлъ на экранъ. Лента изображаетъ вещи, конечно, въ сгущенной окраскѣ. Бѣлые приходятъ голосовать, но негры выталкиваютъ ихъ въ шею; негры устраиваютъ погромъ бѣлыхъ (кажется, ничего подобнаго никогда

не было); есть, конечно, неизбежное покушение черного на честь белой дѣвушки. Главный сюжетъ ленты — подвиги тайнаго общества «Кью-Клаксъ-Кланъ». Оно дѣйствительно существовало и носило полушутливый, полукровавый характеръ. Члены его, играя на суевѣрной пугливости чернокожихъ, облачились въ белые мантии съ красными крестами на груди и съ опущеннымъ капюшономъ; въ этомъ видѣ они отрядами налетали на городки и поселки и творили судъ и расправу надъ неграми и «ковровыми мѣшками»; они рассылали смертные приговоры и иногда приводили ихъ въ исполненіе. На лентѣ все это вышло очень эффектно, и Кью-Клаксы тамъ спасаютъ отчизну. Въ дѣйствительности они не имѣли никакого политическаго значенія и скоро выродились въ простую банду жулья. Но что-то, какой-то привкусъ внутренней правды чувствуется сквозь всѣ преувеличенія ленты. Или, вѣрнѣе, чувствуется то, что сказано выше по поводу Линкольна: мѣръ такъ дико сложился, что иногда грани правды и кривды стираются; зритель, — человѣкъ твердыхъ убѣжденій, думавшій, будто онъ всегда знаетъ, гдѣ добро и гдѣ зло, — вынужденъ сочувствовать обѣимъ сторонамъ, и на душу его нисходитъ смятеніе и соблазнъ, и ему хочется проснуться, чтобы вся путаница жизни оказалась кошмаромъ послѣ плотнаго ужина, чтобы опять все было ясно и чтобы опять была одна правда, а не двѣ.

Выйдя изъ театра, гдѣ все это показывали, я сталъ перебирать въ памяти другіе историческіе примѣры такихъ столкновеній, гдѣ обѣ стороны «по-своему правы». Черезъ нѣсколько минутъ пришлось это занятіе бросить или мысленно повторить весь учебникъ исторіи отъ первой страницы до послѣдней. Нѣтъ, повидимому, такого конфликта между группами, гдѣ одна группа была бы абсолютно неправа, — ежели судить объективно. Однажды я былъ въ Москвѣ и видѣлъ «Вишневый садъ»; это — очень грустная повѣсть о томъ, какъ разрушается многое прекрасное и благородное оттого, что въ жизнь ворвался чуждый разночинецъ. Люди, которыхъ отцы и дѣти создавали и холили вишневый садъ, и которые пятьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ предвидѣли

это послѣдствіе демократизаціи міра и старались не допустить ея, были «по-своему правы», — ежели судить объективно. Или возьмемъ болѣзненно-живой примѣръ: Ирландія и Ульстеръ. Ульстеръ населенъ не злодѣями, въ немъ живутъ порядочные люди, уважающіе свободу и самоуправленіе; однако при словѣ «гомруль» у нихъ волосы встаютъ дыбомъ и они готовы на безумства, лишь бы чего-то не допустить, что-то отстоять. И тамъ люди, очевидно, «по-своему правы».

Весь вопросъ только въ томъ, слѣдуетъ ли «судить объективно»; и если слѣдуетъ, то когда? Я полагаю, что судить объективно слѣдуетъ, но черезъ много лѣтъ послѣ того, какъ борьба кончилась. Не раньше. Пока длится конфликтъ, нужна людямъ не объективность, а нѣчто другое. Что? На этотъ вопросъ мнѣ отвѣтила другая лента въ кинематографѣ.

На сей разъ это была «Хижина дяди Тома». Сказано, что «Contract Social» сдѣлалъ французскую революцію, а «Записки охотника» освободили крестьянъ. Но, конечно, Бичеръ-Стоу побила всѣ рекорды въ смыслѣ прямого вліянія книги на событія. Въ чемъ было обаяніе этой книги? Что это за книга? Хорошо ли она написана? Смѣшно сказать: на послѣдній вопросъ ужасно трудно отвѣтить. Я въ послѣдній разъ читалъ «Хижину дяди Тома», когда получилъ ее въ награду при переходѣ изъ перваго класса во второй. Помню, что это была книжка съ картинками, ужасно интересная. Всѣ мои знакомые тоже больше ничего не помнятъ. Спросить некого. Перечитать? Некогда. Такъ и придется оставить вопросъ неразрѣшеннымъ навѣкъ: хорошо ли написана книга, сдѣлавшая безсмертное дѣло и ставшая сама безсмертной. Она безсмертна: будутъ миллионы людей, которые не прочтутъ никогда ни Руссо, ни «Записокъ охотника»; но черезъ «Хижину дяди Тома» всѣ они пройдутъ, какъ черезъ Робинсона, Гулливера или корь. Ибо, хорошо или плохо написана эта книга, но одно въ ней есть безсмертное. Это — вѣра въ одну единственную правду, — безповоротную, безоговорочную, безъ торга и уступки. Вудро Вильсонъ, нынѣ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, увѣ-

ряеть, что Бичеръ-Стоу изобразила въ своемъ романѣ рядъ рѣдкихъ исключеній, выдавъ ихъ за правило; онъ — не единственный честный историкъ, который такого мнѣнія. Но это все равно. Если такія вещи были возможны, если онѣ просто были мыслимы, — хотя бы ихъ даже никогда не случилось, — то пусть ударить молнія съ неба и сожжетъ нашъ міръ. Вудро Вильсонъ и другіе честные историки утверждаютъ, что Югъ не былъ виноватъ, что нѣкоторые южные штаты еще до отпаденія отъ Англіи пытались запретить ввозъ негровъ, но Англія не согласилась; а потомъ рабство постепенно стало фундаментомъ всей жизни, и уже нельзя было отъ него отказаться. Но это все равно, — пусть упадетъ фундаментъ и пусть все рушится во имя справедливости. Вильсонъ и другіе настаиваютъ, что среди рабовладѣльцевъ Юга преобладали люди порядочные и гуманные. Развѣ «Хижина дяди Тома» это отрицаетъ? Если я вѣрно помню, тамъ большинство господъ дѣйствительно хорошіе люди; здѣсь на фильмѣ они почти всѣ были хорошіе. Но и это все равно. Пусть идутъ по-міру хорошіе люди, если такъ слѣдуетъ. «Правда на свѣтѣ одна, и она вся у меня», вотъ что, повидимому, написано въ этой безсмертной книжкѣ съ картинками.

Макъ-Донна, одинъ изъ разстрѣлянныхъ вождей ирландскаго мятежа, писалъ стихи по-англійски. Одно его стихотвореніе называется «Поэтъ-вождь». Тамъ сказано: «Они звали его своимъ королемъ, вождемъ людей; и онъ велъ ихъ въ теченіе одного славнаго года, и побѣдилъ ихъ врага». Но потомъ онъ началъ задумываться. «Его сердце тихо заговорило». Оно говорило очень долго, — у меня уже нѣтъ мѣста передать всѣ слова, — но они приблизительно сводились къ тому, что все на свѣтѣ мимолетно и относительно, и въ сущности одной правды нѣтъ. Такъ онъ думалъ, думалъ, думалъ, — и надоѣлъ своимъ людямъ. «Тогда они выбрали вождемъ суроваго, увѣреннаго челоуѣка, что не оглядывался назадъ на бесплодные пустыри прошлаго; онъ дрался за свою страну въ первомъ ряду и далъ ей миръ и славу».

ГОРОСКОПЪ

(1 января 1912 г.)

Въ день Новаго года газеты обыкновенно помѣщаютъ обзоръ событій истекшаго года: нѣсколько обзоровъ — политической, экономической, литературный, художественный. Не завести ли новый обычай: печатать въ этотъ день обзоръ событій *наступающаго* года? Нѣчто вродѣ гороскопа ново-рожденному аплив Domini MCMXII. Конечно, никакой гороскопъ не можетъ быть составленъ съ ручательствомъ за безошибочность. Предсказаніе всегда гадательно; если не сбудетя, просятъ не сердчатъ. Но полезно, все-таки, подсчитать, съ какими шансами Европа вступаетъ въ 1912-ый годъ, какія завязки ждуть своихъ развязокъ, какія сѣмена зрѣютъ въ нѣдрахъ времени. Стоило бы поговорить объ этомъ и серьезно, съ фактами и цифрами подъ рукой. Но тогда нѣтъ смысла печатать это въ новогоднемъ номерѣ, который читается людьми, еще не переварившими богатырской вчерашней выпивки. Остается одно: говорить объ этихъ важныхъ матеріяхъ въ стилѣ легкой *causerie*, такъ, чтобы подъ каждымъ словомъ чувствовался припѣвъ: не любо, не слушай.

Итакъ — мы начинаемъ.

Прежде всего, на первой очереди событій въ Европѣ стоитъ великая война. Та война, которой міръ такъ боится и въ то же время съ такимъ болѣзненнымъ, жуткимъ любопытствомъ ждетъ. Война въ центрѣ Европы, между двумя (или больше) первоклассными культурными державами, во всеоружіи грандіозныхъ безумствъ нынѣшней техники, съ уча-

стіемъ земныхъ, морскихъ, подводныхъ и поднебесныхъ войскъ, съ невѣроятнымъ количествомъ человѣческихъ жертвъ и съ такими денежными убытками, прямыми, косвенными и отраженными, для которыхъ, чудится, не хватитъ цифръ въ ариѳметикѣ. Эта война должна разразиться между Англійей и Германіей. Вопросъ только въ томъ, удастся ли Европѣ локализовать ее между этими двумя государствами; и вопросъ еще въ томъ, дѣйствительно ли буря грянетъ въ 1912 году — или отсрочится, съ грѣхомъ пополамъ, еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Но что война неизбежна, какъ неизбеженъ вечеръ послѣ дня, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Обыкновенно, когда человѣкъ предсказываетъ войну, надъ нимъ подтруниваютъ: легко, молъ, дѣлать политику, сидя въ клубѣ, кафе или трактирѣ и измышляя хитроумныя комбинаціи между англичанкой, французомъ и нѣмчурой. Но тутъ положеніе обратное: посмѣяться можно только надъ тѣмъ, кто не видитъ совершенно очевидной неизбежности этой войны, отъ которой вся охнетъ и зашатается земная поверхность.

На землѣ есть островъ, обыкновенный островъ средней величины; онъ меньше многихъ другихъ острововъ — меньше Борнео, Суматры, Мадагаскара, Новой Зеландіи. Если бы двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда впервые стали доходить до центра тогдашней цивилизаціи — до Рима — болѣе или менѣе точные слухи объ этомъ островѣ, — если бы тогда вы спросили самаго проникательнаго изъ образованныхъ римлянъ, какая предстоитъ судьба жителямъ Альбіона, тотъ бы пожалъ плечами и отвѣтилъ: — Вѣроятно, будутъ плестись, прихрамывая, въ хвостѣ цивилизаціи. Альбіонъ — островъ, слѣдовательно онъ отрѣзанъ отъ всѣхъ ресурсовъ, обреченъ вариться въ собственномъ соку. Карѳагенъ никогда не достигъ бы морского величія, если бы выстроенъ былъ на островѣ; опора его мощи была въ туземныхъ войскахъ, которыя черпались изъ неисощимой глубины африканскаго материка. Безъ этого чернаго фонда никакого значенія не имѣли бы ни мореходные таланты карѳагенянъ, унаслѣдованные отъ Тира и Сидона, ни лукавство ихъ — *perfidia plus quam pu-*

пiса; они остались бы мелкими торгошами и мелкими пиратами, и Ганнибалъ поступилъ бы на римскую службу. Островъ есть второстепенный придатокъ къ материку; этимъ все сказано.

И вотъ, Англія стала величайшей изъ имперій, величайшей по духу и величайшей по пространству. Въ лучшихъ точкахъ земного шара раскинуты ея владѣнія. Нѣтъ другой короны, подъ которой было бы сосредоточено столько христіанъ, столько мусульманъ, столько бѣлыхъ, столько негровъ. Поразительно сложно и разнообразно все въ ея владѣніяхъ: этнической и религіозный составъ населенія, формы управленія и формы эксплуатаціи колоній со стороны метрополіи, разнообразны и самые размѣры отдѣльныхъ территорій. Подобно умному хозяину, который одинаково заботливо бережетъ и огромныя помѣстья, и маленькій прудъ, ибо всему знаетъ цѣну, такъ Англія цѣпко держитъ въ желѣзной рукѣ и Канаду, которая въ тридцать разъ больше своей метрополіи, и булавочную головку Гибралтара. Политическій строй ея колоній охватываетъ всѣ мыслимыя формы, отъ самодержавной монархіи до федеративной республики; съ изумительнымъ чутьемъ реального знаетъ маленькая Англія, какъ съ кѣмъ ладить и какъ надъ кѣмъ владычествовать, и въ ея запасѣ имѣются безчисленные образцы цѣпей — однѣ для Австраліи, совсѣмъ другія для Индіи, опять особыя для Египта и совершенно своеобразныя для Трансвааля; эти цѣпи иногда невидимы, неощутительны, какъ паутина, иногда тяжки и массивны, какъ тѣ, на которыхъ, по индусскому повѣрью, привѣшена земля — и которыя, говоритъ браминъ, никогда не порвутся.

И всѣ эти цѣпи, цѣпочки и нити сходятся въ одномъ узлѣ — на небольшомъ островѣ, который во сто разъ меньше своей имперіи. Какъ могла создаться такая мощь? И — еще больше диво — разъ создавшись, какъ могла она уцѣлѣть? Это — тайна той мистической сущности, которой имя — національный гений; но, во всякомъ случаѣ, мы знаемъ и всѣ можемъ назвать по имени ту внѣшнюю форму, въ которую вылилась эта загадочная, необъяснимая сила. Эта

форма — первенство на морѣ. Если бы не оно, скромный островъ, окутанный туманами, не могъ бы ни покорить, ни удержать всѣ эти необозримыя пространства, населенныя сотнями милліоновъ и отдѣленныя отъ центра десятками тысячъ миль. И тогда не было бы великой Англїи, ни ея богатства, ни ея могучей культуры, возросшей на сокахъ этого богатства. Съ тѣхъ поръ, какъ Англїя сознаетъ себя великой тѣломъ и духомъ, Англїя знаетъ, что источникъ и опора ея величія — въ морскомъ первенствѣ. Потеря морского первенства есть начало конца. Смѣшно думать, что Англїя съ этимъ примирится.

До сихъ поръ считалось, что, кромѣ Англїи, всякая держава стремится имѣть на морѣ столько боевыхъ единицъ, сколько ей нужно въ обрѣзъ. Это было въ порядкѣ вещей и никого не тревожило. Теперь картина измѣнилась. Германія готовится переступить черезъ обычную норму; она не хочетъ довольствоваться тѣмъ, что необходимо; молодая Германія расправляетъ мышцы, чувствуетъ, какъ переливаются, играютъ по косточкамъ свѣжія, неиспользованныя силы, — и хочетъ помѣряться этими силами съ самодержцемъ океановъ. «И рукою дерзновенной хватъ за вражескій вѣнецъ». Трудно сказать, какія побужденія лежатъ воистину въ основѣ этой затѣи. Нельзя отрицать, что преобладаніе на морѣ дало бы Германїи несмѣтныя выгоды, окупило бы даже дикія затраты морского бюджета; но неоспоримо и то, что въ этомъ случаѣ германская политика слѣдуетъ скорѣе порывамъ самолюбія своихъ вождей, чѣмъ ясно-сознанному голосу матеріальнаго расчета. Можетъ быть, лучшимъ выходомъ изъ положенія была бы, поэтому, перемѣна на тронѣ Гогенцоллерновъ. Если бы на тронѣ было поменьше фантазіи и поменьше энергіи, можетъ быть нѣсколько замедлилась бы эта скачка въ перегонки съ соперникомъ, который не можетъ и не долженъ уступить, — эта игра съ огнемъ, въ которомъ могутъ расплавиться даже тѣ желѣзные обручи, что 40 лѣтъ назадъ сковали изъ осколковъ единую Германію.

Когда разразится война? Можетъ быть и въ наступающемъ году; чѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣроятнѣе. Англїя не

можетъ ждать. Черезъ 12 лѣтъ будетъ слишкомъ поздно; слѣдовательно, и черезъ шесть лѣтъ уже будетъ плохо. То, что затѣваетъ Германія, есть революція, революція мірового размѣра, которая должна перебросить политическую ось міра, передвинуть полюсы. Если революцію можно задушить, то только въ зародышѣ. Въ Англии это понимаютъ. Говорятъ, мы были наканунѣ взрыва, когда шли переговоры о Марокко; говорятъ, что только ложная робость британскаго главнаго штаба помѣшала Англии вмѣстѣ съ Франціей схватить Германію за руки и за горло. Если не вчера, то завтра. Этого рифа Европѣ не обойти. Мы своими глазами увидимъ «европейскую войну», то ужасное, чѣмъ мы столько лѣтъ пугаемъ и запугиваемъ другъ друга, тотъ кошмаръ, изъ страха предъ которымъ державы такъ напряженно берегутъ иллюзію мира, оттягивая со дня на день разрѣшеніе давно созрѣвшихъ споровъ. Мы своими глазами увидимъ, своими умами услышимъ. И, кто знаетъ, можетъ быть и своими боками почувствуемъ. Ибо въ такомъ пожарѣ вѣдомо будетъ только одно — гдѣ его начало; но кто знаетъ, гдѣ будетъ его конецъ? Паника овладѣетъ Европой въ ту минуту; одинъ крикъ подыметъ изъ миллионъ гортаней: локализируйте войну, не дайте вовлечь въ нее сосѣдей! И правительства, гонимыя ужасомъ, напрягутъ, должно быть, всѣ силы, натянутъ узду до послѣдняго предѣла, чтобы не сорваться съ покатаго склона и не влетѣть въ страшную сферу кроваваго циклона. Но удастся ли это? Надъ полемъ большой войны встаетъ заражающая атмосфера безумія, въ особенности надъ полемъ такой войны, которой всѣ давно и съ содроганіемъ ждуть. Со dna души подымутся потаенные инстинкты, долго подавленные аппетиты, зачешутся руки, заворчатъ злые, жадные голоса, послышатся старые, полузабытые упреки, выплывутъ изъ забвенія старые счета, воздухъ наполнится предчувствіемъ грозы, и вдругъ кто-то гдѣ-то вскрикнетъ, двинется, ринется, толкнетъ сосѣда, тотъ вздрогнетъ и отвѣтитъ — и готово, все загорѣлось, все смѣшалось въ міровой свалкѣ, нѣтъ уже ни правыхъ, ни виновныхъ, и нельзя понять, кто разбить и кто

побѣдитель, и кто чего требуетъ и кто въ чемъ отказывается:

«Хлещетъ багровый потокъ, затопляя въ бушующей лавѣ
Богомъ разрушенный міръ и вздымаясь до горныхъ оглавій:
Дико взревѣла земля — смѣшалось небо съ пустыней,
Тучи съ сыпучимъ пескомъ въ единой бурлящей пучинѣ. —
И, отъ шакала до льва, до могучаго льва великана,
Все закружилось, какъ пыль, въ безумномъ кольцѣ урагана.»

Впрочемъ, это уже поэзія и фантазія. Это все можетъ
случиться, можетъ и не случиться. Въ гороскопѣ этого нѣтъ.
Въ гороскопѣ написано только то, что неизбежно; въ 1912
году или немного позже, но неизбежно...

МУЗА МОДЫ

(1916)

Полночь. На Страндъ-улицѣ тьма цеппелинская, но мы сидимъ въ hall'ѣ гостиницы имя рекъ; здѣсь свѣтло и шумно. Гостиница имя рекъ славится тѣмъ, что въ Лондонѣ есть старая острота: англичане ходятъ туда «*послушать*, какъ иностранцы ѣдятъ супъ». Это не значитъ, что въ гостиницѣ имя рекъ селятся только неблаговоспитанные иностранцы; напротивъ, она по карману только благовоспитаннымъ иностранцамъ. Но англичане находятъ, что даже самые приличные иностранцы не умѣютъ держать себя за столомъ вполне какъ слѣдуетъ. Можетъ-быть, это и правда. Сами англичане въ этомъ отношеніи большіе мастера; они ѣдятъ ужасно невкусныя вещи, но ѣдятъ со вкусомъ. Въ часъ дня, когда клерки, приказчики, переписчицы, кассирши наполняютъ дешевые рестораны, зайдите въ такой ресторанъ: тамъ тоскливо пахнетъ бараниной, но вся эта небогатая публика держитъ себя, и ножъ, и вилку удивительно изящно. Англичане, которые такими вещами дорожатъ, — и справедливо, — съ гордостью говорятъ о себѣ, что они — первая нація на морѣ и за столомъ.

— Кромѣ того они самая декольтированная нація на свѣтѣ, — говоритъ нашъ пріятель, у котораго мы тутъ въ гостяхъ; онъ — нашъ соотечественникъ, но уже старый парижанинъ и великій англоманъ.

Его замѣчаніе наглядно подтверждается, если осмотрѣться кругомъ. Сидитъ публика за столиками, приходитъ публика изъ театра. Иностранцевъ среди нихъ сравнительно мало, и даже англичане въ большинствѣ — лондонцы, а не провин-

ціалы, хотя это и гостиница, вѣрнѣе, — кафэ при гостиницѣ. Молодые мужчины почти всѣ въ хаки; немногіе во фракахъ, но и у тѣхъ часто забинтованы головы или руки. Женщины очень нарядны, и онѣ сдѣлали все возможное, чтобы поддержать мнѣніе нашего пріятеля. Онъ объясняетъ намъ, — людямъ мѣшковатымъ, не знающимъ свѣтскаго быта и впадающимъ въ меланхолію, когда приходится натянуть смокингъ, — что въ Англіи нѣтъ понятія нарядный, парадный, бальный туалетъ, а есть только понятіе вечерній туалетъ. Англійская приличная дама должна быть одѣта по-бальному каждый вечеръ, даже у себя дома; и портнихи строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы вечерній туалетъ, даже когда его шьютъ изъ скромной матеріи, былъ скроенъ по-бальному, — безъ верхушки. Носить по вечерамъ высокія платья, — это все равно, что говорить по-англійски съ престонароднымъ акцентомъ, — клеймо низкаго происхожденія.

Теперь, по случаю войны, все это соблюдается не такъ строго, и даже мужчины иногда обѣдаютъ въ пиджакахъ. Но въ гостиницѣ имя рекъ традиція держится прочно. За сосѣднимъ столикомъ сидятъ пожилой майоръ, его мамаша, молодой лейтенантъ и его барышня: старшей дамѣ — за 50, младшей — около 18-ти, но онѣ обѣ поддерживаютъ традицію въ одинаковой и въ глубокой степени.

— Такъ и надо, — говоритъ нашъ пріятель убѣжденно. — Я не то, что абсолютный сторонникъ этой манеры одѣваться, — скорѣе, напротивъ, особенно въ странѣ, гдѣ такъ много острыхъ локтей. Но во всякомъ случаѣ это мода гордая, знаменосная, жизнеутверждающая, и въ такое время важно ее сохранять. Если бы отъ нея отказались, это произвело бы на всю страну впечатлѣніе демонстраціи унынія. Что характерно для унынія? Желаніе спрятаться. Унылый человекъ сидитъ дома; если нельзя, если нужно быть на людяхъ, онъ жметъ къ стѣнкѣ, опускаетъ лицо, нахлобучиваетъ шляпу, застегиваетъ пальто на всѣ пуговицы и подымаетъ воротникъ. Замѣьте: воротникъ. Это особенно типично. Поднять воротникъ, — все равно, что спустить флагъ. Я надѣюсь, что портнихи Англіи никогда этого не допустятъ.

Бесѣда переходитъ на моду вообще. Мы дивимся ея живучести, — она идетъ своими стезями, какъ ни въ чемъ не бывало. Я вспоминаю, какъ въ началѣ войны даже во Франціи считали, что муза моды временно вышла въ отставку. И я имъ рассказываю сценку въ поѣздѣ. Октябрь 1914 г.; поѣздъ идетъ изъ Парижа въ Бордо; въ вагонѣ 1-го класса двѣ молодыя дамы бесѣдуютъ о пустякахъ, и одна между прочимъ говоритъ: «Хотѣла бы я угадать, что будутъ носить эту зиму». Противъ нихъ сидитъ запыленный офицеръ; онъ вмѣшивается въ разговоръ и отвѣчаетъ: «Главнымъ образомъ трауръ, mesdames». Я уже не помню, слышалъ ли я самъ эту реплику, или только вычиталъ: этотъ анекдотъ печатался въ ста газетахъ и ста вариантахъ, — и въ концѣ-концовъ ясно, что гдѣ-нибудь когда-нибудь такая бесѣда должна была произойти въ силу естественнаго хода человѣческой мысли въ тѣ мѣсяцы. На всякій случай я тутъ ее рассказываю друзьямъ въ видѣ личнаго наблюденія. Это всегда оживляетъ слогъ.

Парижскій пріятель смотритъ на меня лукаво, и, по-моему, подъ его сѣдыми усами прячется змѣя улыбки. Онъ спрашиваетъ:

— А что дамы отвѣтили?

— Э-э... — говорю я, — не помню. Кажется, смутились и ничего не отвѣтили.

— Плохо помните, другъ мой, — говоритъ онъ безжалостно. — А я помню. Вы меня не замѣтили, — я былъ въ томъ же купэ, только подъ скамейкой, и слышалъ ясно, что отвѣтили дамы этому наивному офицеру.

Я сдаюсь и говорю:

— Такъ расскажите.

Онъ излагаетъ отвѣтъ тѣхъ дамъ и реплики того офицера слѣдующимъ образомъ:

— Вы правы только отчасти, monsieur. Мы надѣемся, что далеко не всѣмъ дамамъ Франціи придется носить трауръ; мы даже думаемъ, что наша надежда — патриотическая надежда, которая раздѣляется всѣми друзьями Франціи. Больше того: можетъ-быть, вообще было бы разумнѣе отмѣнить

трауръ на время войны въ интересахъ поддержанія національной бодрости. Во всякомъ случаѣ, десятки тысячъ женщинъ, привыкшихъ одѣваться прилично, траура носить не будутъ. Слѣдовательно, передъ ними встанетъ практической вопросъ: какъ одѣваться?

— Не понимаю, какъ можно всерьезъ говорить объ этомъ «вопросѣ» въ такое время, — отвѣтилъ офицеръ. — Да надѣньте, что попало, и направьте свою мысль и энергію на что-нибудь другое, что нужно для побѣды.

— Это — совѣтъ непрактичный, онъ доказываетъ, что мужчины до сихъ поръ не понимаютъ простѣйшихъ принциповъ дамскаго гардероба. Вы говорите: надѣть, что попало. Значить, вы совѣтуете выбрать какое-нибудь изъ старыхъ платьевъ. Хорошо. Раскроемъ шкафъ элегантной женщины изъ зажиточнаго класса и посмотримъ, что тамъ есть. При самомъ бѣгломъ обзорѣ вы увидите, что каждое платье сшито для опредѣленной цѣли: для улицы, для дневныхъ визитовъ, для дома, для театра и т. д. При этомъ каждое сшито по модѣ; а мода, при своемъ возникновеніи, приспособлялась къ настроеніямъ того времени, когда она возникла. Даже на самыхъ простыхъ платьяхъ элегантной женщины лежитъ ясная печать тѣхъ настроеній, — настроеній до войны, когда на душѣ было весело и на небѣ ни одной тучки. Поэтому большая часть прошлогодняго гардероба теперь просто недопустима.

И первые запротестовали бы вы, мужчины. Если бы на улицѣ, въ салонахъ или даже у домашняго очага вдругъ замелькали туалеты прошлаго сезона, мужчины при всей своей слѣпотѣ, сразу почувствовали бы, что это не соответствуетъ моменту, слишкомъ легко, слишкомъ весело, слишкомъ игриво для такого трагическаго времени. И они бы закричали въ одинъ голосъ: надѣньте что-нибудь другое, что-нибудь болѣе серьезное, болѣе *reservé*.... Значить, они сами признаютъ, что надѣть «что попало» нельзя и что дамскій туалетъ, даже теперь — особенно теперь! — долженъ быть тщательно пригнанъ къ психологіи момента. А ужъ это — цѣлая сложная задача. Платье эпохи начала великой евро-

пейской войны должно быть, конечно, серьезное и réservé; слѣдовательно, допустимы только опредѣленные цвѣта и только такіе покрои, которые не противорѣчатъ идеѣ «серьезности». Съ другой стороны, пересолить тоже нехорошо: никто не хочетъ, чтобы французскія женщины въ такой моментъ специально нагоняли на людей тоску. Туалетъ нашихъ трудныхъ дней долженъ выражать серьезность, но также и бодрость, вѣру въ будущее, — онъ долженъ провозглашать, что Франція серьезна, но, чортъ возьми, не разучилась еще улыбаться. И вотъ стоитъ дама передъ прошлогоднимъ гардеробомъ и должна въ немъ найти платье, отвѣчающее всѣмъ этимъ требованіямъ. Ясно, что такого платья въ ея гардеробѣ нѣтъ. Значить, надо его шить. Значить, неизбѣжно должна возникнуть новая мода.

Офицеръ развелъ руками:

— Господи! Да неужели нельзя найти въ этомъ гардеробѣ просто простое платье?

— Вы употребляете слова, лишеныя всякаго значенія. «Просто простыхъ платьевъ» нѣтъ на свѣтѣ. Всякое чѣмъ-нибудь да отличается, — и именно тѣмъ, что теперь неумѣстно. Представьте себѣ такой примѣръ. Допустимъ, во время паники въ Парижѣ мои болѣе скромные туалеты пропали; остались только бальныя платья, которыя вы сами не позволите мнѣ носить; затѣмъ случайно осталось платье моей тетки, 1895 года, съ широчайшими буфами у плечъ, да платье моей бабушки, 1862 г., съ кринолиномъ. Оба великолѣпно сохранились, и оба туалета «скромные». Вотъ я ихъ и надѣваю. Однако вы запротестуете и скажете: въ такое время, — что за маскарадъ! Я взяла нарочно примѣръ слишкомъ рѣзкій; но вѣдь разница только количественная. «Простыхъ» платьевъ нѣтъ, а есть платья съ признаками; признаки 1862 года шокируютъ васъ больше, признаки 1913 — меньше, но шокировать будутъ и они.

Офицеръ былъ посрамленъ и сдался; такъ, по словамъ нашего пріятеля, создалась новая мода. Съ тонкимъ знаніемъ дѣла онъ намъ объяснилъ, въ чемъ заключаются спеціально-военные признаки нынѣшней моды. Я не все за-

помнилъ, — помню только, что маленькая шапочка выражаетъ идею Шотландіи, а широкая короткая юбка — идею поддевки, въ честь великаго союзника на востокъ. Впрочемъ. онъ прибавилъ, что и шапочка, и поддевка уже остались позади, что ихъ надо понимать лишь какъ опорные пункты или отправныя точки, а дальше, — дальше муза моды уже самостоятельно развиваетъ свои узоры.

Очень самостоятельно. Можетъ-быть, началось это, дѣйствительно, съ идеи поддевки въ честь восточнаго союзника. Хотя странно: почему и нѣмецкія дамы носятъ какъ-разъ теперь растопыренныя юбки и крохотныя шапочки? Тоже въ честь Россіи и Шотландіи? Сомнительно. Во всякомъ случаѣ, что бы ни натолкнуло музу моды на это изобрѣтеніе, — узоры, которые она вышиваетъ по этой канвѣ, ничего ужъ общаго съ войной не имѣютъ. Только цвѣта еще не перешли той грани, за которой начинается яркость; но во всемъ остальномъ наше поколѣніе не помнитъ еще такой задорной и бойкой моды, какъ теперешняя. По сравненію съ годами до войны, когда дамы робко и деликатно, «щепливой» походкой Дюка Степановича изъ той былины, сѣменили по путямъ міра сего, — нынѣшняя поддевка и шапочка набекрень придають имъ что-то ухарское.

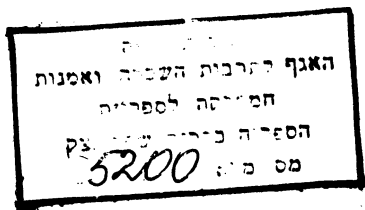
И дѣйствительно, эта мода идетъ самымъ удалымъ образомъ наперекоръ всѣмъ суровымъ угрозамъ жизни. Вздорожала матерія, — а на юбку нужно въ два раза больше матеріи, чѣмъ прежде. Безумно вздорожалъ мѣхъ, — никогда не носили столько мѣховыхъ оторочекъ, сколько теперь. Вздорожала кожа, — появились сапожки до колѣнъ; ихъ надо полчаса занушивать, когда у каждой приличной дамы тѣма дѣлъ, иногда дѣйствительно серьезныхъ, — въ госпиталѣ, въ комитетѣ шитья, въ бюро мужа, — во всякомъ случаѣ больше дѣлъ, чѣмъ было прежде, когда ботинки можно было надѣть въ минуту. Сегодня въ «Times» пишутъ изъ Парижа, что съ весны предстоитъ введеніе какой-то новой формы корсажа. для чего понадобится революція въ формѣ корсета и радикальныя перемѣны во всѣхъ ненаружныхъ частяхъ туалета. Придется завести новыя trousseaux

такихъ-то и такихъ-то предметовъ, — предупреждаетъ авторъ корреспонденціи... Можно держать пари, что если завтра прекратится работа въ шахтахъ Ранда, въ Трансваалѣ, послѣзавтра появится мода носить алмазныя пуговицы. Кажется, муза моды въ этомъ году избрала себѣ девизомъ: наперекоръ.

А, можетъ-быть, муза моды во всемъ этомъ дѣйствительно слѣдуетъ духу войны, только по-своему. Одно во всякомъ случаѣ несомнѣнно: тому слою, который въ самомъ дѣлѣ стоитъ лицомъ къ лицу съ ужасомъ войны, муза моды угодила. Я говорю о военныхъ, конечно, изъ зажиточнаго класса. Прїѣзжая на недѣльный отпускъ послѣ шести мѣсяцевъ сидѣнья въ грязи пополамъ съ кровью, они жаждутъ блеска и роскоши. Съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ націи было бы, конечно, полезнѣе, если бы они застали дома жену-Пенелопу, которая мудро сократила расходы, замѣнила постоянную прислугу приходящей, выкрутила половину лампочекъ и носить прошлогоднія платья. Но это — не точка зрѣнія человѣка въ хаки. Пенелопа рискуетъ показаться ему просто Ксантиппой. Ему нужна Елена Троянская, — боюсь сказать: Аспазія (понятно, рѣчь идетъ только о склонности къ внѣшнему блеску). Онъ прїѣзжаетъ не за тѣмъ, чтобы благоразумно «устроить дѣла», а за тѣмъ, чтобы наглотаться веселья, подышать шикомъ, какъ можно больше за короткую минуту. Этотъ мимолетный потребитель опредѣляетъ теперь многое въ нашей городской культурѣ. Муза моды можетъ смѣло сослаться на его санкцію. Когда моралисты корятъ ее за неумѣстное чудачество, за дико-несвоевременную расточительность, она можетъ отвѣтить: устройте объ этомъ плебисцитъ въ окопахъ. Конечно, при этомъ она имѣетъ въ виду плебисцитъ съ ограниченнымъ цензомъ: не ниже лейтенанта. Унтера и солдаты, вѣроятно, остались бы при особомъ мнѣніи, — но вѣдь ихъ дамы не считаются съ модой, и мода не обязана считаться съ ними.

Это — одинъ изъ тѣхъ сюжетовъ, о которыхъ можно написать сто страницъ; поэтому надо быть очень осторожнымъ и кончить какъ можно раньше. При желаніи тутъ нетрудно

подобрать цѣлый рядъ любопытныхъ сопоставленій. Можно, напримѣръ, заинтересоваться вопросомъ, что именно ткала Пенелопа, когда мужъ ея былъ на войнѣ, — и можно доказать, какъ дважды два, что она ткала не просто ткань, а модную ткань того года и сезона. Можно доказать то же самое относительно Сольвейгъ въ избушкѣ на горѣ. И, продолжая иными словами ту же мысль, можно вспомнить, что мысль о смерти всегда была стимуломъ къ полнотѣ жизни и что коронный гимнъ молодежи всѣхъ странъ, безсмертное *Gaudeamus*, построенъ на этой основѣ и т. д. Но врядь-ли все это необходимо для того, чтобы придти опять къ выводу, который такъ настойчиво бросается въ глаза наблюдателю, присматривающемуся къ этой войнѣ съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ мѣстахъ. Этотъ выводъ гласить, что война и сопровождающія войну явленія говорятъ не только о столкновеніи вѣсомыхъ интересовъ человѣческихъ группъ, но и отражаютъ какой-то странный не имѣющій опредѣленной цѣли подъемъ всѣхъ вообще appetitovъ и потенцій, закрытыхъ въ душѣ двуногой скотины. Застоялась двуногая скотина, и теперь вдругъ заиграли въ ней всѣ жилки, и заходили ходуномъ всѣ суставы, даже тѣ, которые въ военномъ дѣлѣ не надобны. И одну и ту же музыку играетъ Минерва на клавиатурѣ своихъ пушекъ и муза моды на своей швейной машинѣ.

Цена 6 лир.